

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 9/1

2011

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой коммуни-
каций от 15 мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 10-4711

Учредитель – Южный федеральный университет
Главный редактор – член-корр. РАО, д.биол.наук,
профессор Ермаков П.Н.

Журнал издается с 1996 г., выходит 4 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2011 г. ► № 9/1

Ответственный секретарь –
Попова Л.В.
Компьютерная верстка – Чеха А.П.

Редакционный совет

д.пед.наук, профессор Акопов Г.В.
д.пс.наук, профессор Асмолов А.Г.
д.пс.наук, профессор Аллахвердов В.М.
д.пс.наук, профессор Богоявленская Д.Б.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Бондырева С.К.
д.пс.наук, профессор Дебольский М.Г.
д.пс.наук, профессор Забродин Ю.М.
д.пс.наук, профессор Знаков В.В.
д.пс.наук, профессор Зинченко В.П.
д.пс.наук, профессор Карпов А.В.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Климов Е.А.
д.пс.наук, профессор Леонтьев Н.И.
д.пс.наук, профессор Малофеев Н.Н.

д.пс.наук, профессор Марьин М.И.
д.пс.наук, профессор Перелыгина Е.Б.
д.пс.наук, профессор Попов Л.М.
академик РАО, д.пед.наук, профессор Рубцов В.В.
член-корреспондент РАО, д.пс.наук, профессор Реан А.А.
д.пс.наук, профессор Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, профессор Смирнов С.Д.
д.пс.наук, профессор Тхостов А.Ш.
канд.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.
д.пс.наук, профессор Черноризов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Шадриков В.Д.
д.пс.наук, профессор Шмелев А.Г.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Фельдштейн Д.И.

Редакционная коллегия

д.пс.наук, профессор Абакумова И.В.
д.биол.наук, профессор Бабенко В.В.
канд.пс.наук, профессор Васильева О.С.
д.пс.наук, профессор Воробьева Е.В.
д.пс.наук, профессор Джанерьян С.Т.
канд.пс.наук, доцент Дикая Л.А.
д.пс.наук, профессор Лабунская В.А.

д.пс.наук, профессор Рюмшина Л.И.
д.пс.наук, профессор Сидоренков А.В.
д.пс.наук, профессор Скрипкина Т.П.
д.пед.наук, профессор Федотова О.Д.
д.пед.наук, профессор Фоменко В.Т.
д.филос.наук, профессор Шкуратов В.А.

Адрес редакции:

344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 243.
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Подписано в печать 02.03.2011.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,33.
Заказ № 116/10. Тираж 1000 экз.

Подготовлено и отпечатано DSM group.
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Казахская, 35.
E-mail: dsmgroup@yandex.ru, dsmgroup@mail.ru

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.
© Северо-Кавказский психологический вестник

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

- Пушкин А.А.** Частотно-фазовое влияние фоновой активности головного мозга человека и животных на параметры вызванных потенциалов 5
- Дикий И.С.** Динамика пространственно-временного распределения компонентов событийно связанных потенциалов в различных областях коры мозга при реализации ложных ответов 9
- Дикая Л.А., Денисова И.А.** Сравнительный анализ функциональной организации коры мозга у музыкантов и художников при выполнении профессионально-специфичной творческой деятельности 14
- Дикая Л.А., Шиварева С.Ю.** Мозговая организация функциональных связей у лиц, занимающихся научной и литературной профессиональной деятельностью, при решении вербальных творческих задач 18

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Белоконь И.А.** Диагностика трудовой мотивации: смыслоориентированный подход к проблеме 22
- Хулапова А.А. Е.А. Бобров:** к истории становления психологической науки в России 26

ПСИХОЛОГИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

- Васильева О.С., Калачинская О.А.** Мотивационно-смысловое регулирование – важнейший фактор формирования толерантности к деятельности в экстремальных условиях 30
- Седых Н.С.** Особенности социальной репрезентации в печатных и интернет-СМИ участников теракта в аэропорту «Домодедово» 35

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Иванов Р.С.** Влияние индивидуально-психологических особенностей и психопатологических состояний человека на возможность выявления у него скрываемой информации с помощью полиграфа 39
- Михайлюк Е.Б.** Социально-психологические факторы формирования виктимного поведения несовершеннолетних 43
- Сарычев Н.В., Волков С.И.** Психологические и правовые методы противодействию кибератакам: отечественный и зарубежный опыт. 47
- Березин И.Г.** Характеристика несовершеннолетних, пострадавших от преступлений сексуальной направленности: её особенности и значение 50

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Куденцова С.Н.** Дидактические основы организации электронного учета успеваемости в условиях медицинского ВУЗа 53
- Олейникова А.М.** Изучение «скрытой позиции» в работе педагогического коллектива 56

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шишковская А.В. Содержания Я-физического и особенности саморегуляции спортсменов разной спортивной специализации	60
Самойлова Г.В. Мотивы выбора профессии «психолог» у студентов группы второго высшего образования	63
Шипитько О.Ю. Роль оптимизма и активности в профессиональной самореализации менеджеров по продажам	67
РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	70
НАШИ АВТОРЫ.	77

ЧАСТОТНО-ФАЗОВОЕ ВЛИЯНИЕ ФОНОВОЙ АКТИВНОСТИ ГОЛОВНОГО МОЗГА ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ НА ПАРАМЕТРЫ ВЫЗВАННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ

Пушкин А.А.

Параметры ВП находятся в существенной зависимости от параметров фоновой активности, которая обусловлена доминирующей потребностью человека и животных. Исследование процессов постстимульной пластичности необходимо проводить с обязательным учетом функционального состояния человека и животного и характером их фоновой электроэнцефалограммы во время стимуляции.

Ключевые слова: частотно-фазовое соотношение, тета-ритм, альфа-ритм, вызванные потенциалы, эффект пластичности.

Целью данной работы является исследование частотно-фазового влияния фоновой активности на параметры вызванных потенциалов (ВП) человека и животных.

Зависимость параметров ВП от частотно-фазовых характеристик фоновой ритмики еще мало изучена и в литературе плохо представлена. С нашей точки зрения, данная проблема представляет собой большой интерес в психофизиологическом и нейрофизиологическом представлениях когнитивных функций человека и животных. На данный момент времени проведены эксперименты по данной проблеме на животных и имеется задел для организации серии дальнейших экспериментов на человеке. Но для того, чтобы перейти к описанию проблемы соотношения частотно-фазовых влияний фонового ритма на параметры ВП необходимо, с нашей точки зрения, постараться понять механизмы генерации и функциональное значение фоновой активности головного мозга, также какую она роль может играть в интегративных функциях ЦНС? Этот вопрос остается актуальным в науке о мозге и на сегодняшний день, нет четких ответов на данный момент времени.

Одни рассматривают фоновую активность как шум в нервной системе (Wall, 1959), другие полагают, что фоновая активность мозга играет важную роль в интегративных функциях на разных уровнях ЦНС [1].

Известно, что ритмическая активность головного мозга определяет функциональное состояние ЦНС животных и человека и вносит существенный вклад в осуществление различных форм поведения. Первые гипотезы о механизмах ритмообразования основывались на особенностях функционирования нейросетевых структур, где развитие ритма осуществляется благодаря межклеточным синаптическим связям.

Однако с конца 70-х гг. развивается иная теория генерации ритмов, согласно которой в структурах мозга имеются нейроны, обладающие свойствами водителя ритма (пейсмекера), выходные сигналы которого задают ритм другим клеткам.

Свойства водителя ритма таких нейронов обусловлены наличием особых катионных каналов, активирующихся на фазе гиперполяризации (так называемые h-каналы), которые обеспечивают развитие эндогенных осцилляций мембранного потенциала нейронов.

Изучение механизмов генерации ритмической фоновой активности, обусловленных деятельностью в основном неспецифических и ассоциативных систем мозга, играет важную роль в понимании основных процессов организации и функционирования различных структур мозга. Особое внимание исследователей привлекает фоновая активность мозга тета- и альфа- частотного диапазонов, поскольку они хорошо представлены у всех высших животных и играют большую роль в их жизнедеятельности, то мы остановимся только на этих двух ритмах.

Согласно многим исследователям тета-ритм отражает процессы памяти и обучения. По данным ряда авторов ритмы тета-диапазона усиливаются в активном состоянии при выработке рефлексов [2–4]. По мнению Эйди [5], обучение и воспроизведение невозможно при отсутствии тета-ритма. Он показал, что повреждение субталамуса, при котором исчезает тета-ритм существенно нарушает возможность обучения. С другой стороны, электрическое раздражение ретикулярной формации, вызывающее усиление регулярной активности гиппокампа и коры, приводит к облегчению выработки и сохранению следов памяти.

Важная роль тета-ритма в образовании временных связей была показана в лаборатории Ливанова. Методы корреляционного анализа биопотенциалов позволили детально исследовать дистантную синхронизацию (под которой имеется в виду сходство биопотенциалов в различных областях головного мозга) при выработке условного рефлекса и развить представление о ее функциональной значимости. Было показано, что необходимым условием для установления функциональной связи между различными центрами является сходство их биопотенциалов, которое проявляется в высоких коэффициентах корреляции, высокой степени когерентности колебаний в диапазоне тета-спектра [6, 7].

Шевелев в очень длительных исследованиях показал, что альфа-ритм функционально связан с уровнем восприятия и осознания сигналов [8, 9]. Имеются данные о том, что альфа-ритм осуществляет фазовую модуляцию возбуждения анализаторов, в результате чего наибольший эффект от сенсорного воздействия возникает лишь в определенной фазе альфа-волны. Было показано, что величина ответной реакции на световой стимул, латентный период двигательной реакции при предъявлении световой вспышки были максимальны при подаче стимула в момент перехода негативной фазы альфа-волны в позитивную.

Уолтер [10] выдвинул теорию внутреннего сканирования как функцию электрических ритмов мозга на заключительном этапе восприятия. Ритмичность он считает признаком непрерывного поиска информации. Альфа-ритм был им выдвинут в качестве возможного претендента на реализацию процесса внутреннего сканирования. Из приведенных выше данных можно сделать вывод, что фоновая активность мозга тета- и альфа-частотного диапазонов играет очень важную роль в интегративных функциях мозга человека. Но для более глубокого понимания механизмов интегративной деятельности мозга человека и животных необходимо учитывать процессы на клеточном уровне, так называемые эффекты синаптической пластичности, которые, по мнению многих авторов, лежат в основе обучения и памяти.

Синаптическая пластичность – способность нейронов изменять свою активность в зависимости от функционального состояния и потоков предшествующих стимулов является наиболее важным свойством мозга млекопитающих и человека. Можно сказать, что синаптическая пластичность играет ведущую роль в механизмах обучения и памяти.

Паттерн афферентной активации определяет как направление изменения синаптического эффекта – увеличение, т.е. потенциацию, или уменьшение, т.е. депрессию, – так и длительность эффекта.

Поскольку синаптическая пластичность зависит от паттерна афферентной активации, она должна в значительной степени зависеть и от глобальных электрических ритмов, существующих в момент запоминания новой информации [11].

В последние годы особую актуальность приобрели также исследования механизмов посттетанической тета-пластичности, тесно связанной с наличием тета-ритма, как индикатора активного рабочего состояния мозга.

А.М. Клещевниковым было показано, что стимуляция, поданная на тета-ритм одиночными импульсами с частотой 5 Гц эффективно вызывает депотенциацию ранее потенцированных синапсов, а также длительную гомосинаптическую депрессию ответов. В случае наложения стимула на негативную волну тета – ритма наблюдается депрессия ответов (Клещевников). А активация короткими пачками стимулов с частотой около 5 Гц вызывает длительную потенциацию, т.е. эффективность синаптической пластичности. Таким образом, ответ коры зависит не только на какую фазу попадает внешний стимул, но также и от характеристик самого стимула [11].

Такого рода явления обусловлены характеристиками синаптической передачи, однако механизмы их развития широко обсуждаются в литературе и единого мнения по этому вопросу нет. По-видимому, эффект пластичности и проблема ритмообразования тесно связаны друг с другом.

Как уже отмечалось, на данный момент в современной литературе нет полного понимания механизмов генерации, поддержания и затухания ритмической активности. Нужно отметить, что исследования возможных механизмов ритмообразования могут существенно способствовать развитию теории стимул-зависимой пластичности нейронных структур мозга, которая может быть исследована при помощи вызванных потенциалов (ВП).

Регистрация и анализ вызванных потенциалов является также одним из основных электрофизиологических методов изучения процесса восприятия, опознания, информационной обработки и определения биологической значимости стимула для человека. ВП представляют собой стереотипные комплексы колебаний, возникающие на залп афферентных импульсов, характеризуются определенным латентным периодом, а динамика развития компонентов ВП непосредственно связана с постсинаптическими потенциалами и импульсной активностью нейронов.

Различные компоненты ВП отражают различные процессы постстимульного возбуждения и торможения, которые играют важную роль в регуляции возбудимости, лабильности и кратковременной пластичности в корковых колонках. Большинство авторов [12, 13] полагают, что первичный ответ связан

с активацией специфических афферентных входов коры и отражает информацию о физических параметрах стимула, а вторичные компоненты ответов связаны с фоновой активностью мозга и отражают информацию о биологической значимости стимула для живого организма.

Так, экспериментальные данные, полученные в лаборатории А.Г. Сухова при помощи методики регистрации импульсной активности нейронов, подтверждают справедливость такого подхода. Уже визуальное сравнение конфигурации усредненных ВП в состоянии спокойного бодрствования и во время дремоты выявляет наличие четких отличий всех компонентов ВП разных функциональных состояниях животного. В частности, в состоянии дремоты наблюдается уменьшение амплитуды и укорочение длительности первичного ответа (ПО), укорочение длительности со 150 мс до 100 мс медленного потенциала (МП), следующего за первичным ответом, и возрастание амплитуды и длительности ритмичных разрядов последействия (РР).

Данные изменения конфигурации ВП, скорее всего, связаны с активирующим влиянием подкорки, которое, в свою очередь, зависит от функционального состояния ЦНС.

Следующие за ПО вторичные ритмичные разряды, по мнению многих исследователей, являются отражением работы неспецифических систем мозга [14]. Среди вторичных послеразрядов выделяют медленный компонент, длительностью 150-200 мс, который отражает тормозные процессы корковых нейронов и ритмичные разряды или, как их еще называют, вызванная ритмическая активность, разряды последействия. Обычно вспышка активности носит затухающий характер – амплитуда волн разряда последействия максимальна в его начале и постепенно убывает к концу.

Неспецифические влияния не участвуют непосредственно в генезе вызванной активности, а лишь модулируют их амплитуду. Таким образом, специфическая посылка нервных импульсов вызывает в коре автоколебательный процесс со сложным взаимодействием возбуждательных и тормозных реакций [17, 18]. Вызванные ритмичные разряды в большей мере, чем ПО зависят от функционального состояния мозга, которое обусловлено в основном неспецифическими влияниями и происходит как бы наложение неспецифических влияний на следовые процессы, вызванные специфической импульсацией.

Как уже отмечалось, компоненты ВП находятся в прямой зависимости от функционального состояния ЦНС.

Изменения ВП прямо связаны с характером стимуляции, силой, длительностью, биологической значимостью, а также фазой фоновой альфа-волны

или фазой ритмичного разряда последействия, на которую приходится раздражение и ВП.

Таким образом, механизмы генерации и функциональное значение отдельных компонентов ВП, распространение ВП в проекционной зоне и за ее пределы, вопросы взаимодействия фоновой и вызванной активности требуют дополнительного изучения.

ВП представляет собой, как уже упоминалось выше, ответ коры на стимул, который формируется по своим нейробиологическим законам, изучение которых представляет огромный интерес и знания которых помогут понять генез вызванной ритмики мозга человека. Данная работа описывает сведения, имеющиеся в литературе и полученные на животных в лаборатории А.Г. Сухова, это обусловлено тем, что механизмы частотно – фазового влияния фонового ритма на параметры ВП на нейронном уровне с точки зрения биоэтики можно изучать только на животных. Также очень важно понимать, что в основе когнитивных функций человека лежит эффект синаптической пластичности, который, по-видимому, может модулироваться частотно – фазовыми надстройками эндогенных ритмов под воздействие внешних стимулов. На человеке планируется исследование зависимости параметров ВП от того, на какую фазу фонового ритма попадет стимул. Существует ряд данных по проблеме влияния параметров фонового ритма на параметры ВП. Однако в этих работах не производится ЭЭГ-мониторинг в режиме реального времени соответствующих частотных диапазонов фоновой активности и стимуляция на определенные фазы доминирующего ритма. Таким образом, полученные данные о механизме синаптической пластичности на животных, можно использовать для изучения частотно – фазовых влияний фоновой ритмики мозга на параметры ВП человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусельников В.И. Электрофизиология головного мозга. – М.: Высшая школа, 1976. – 423 с.
2. Котляр Е.И. Механизмы формирования временной связи. – М.: МГУ, 1977. – 208 с.
3. Шульгина Г.И. Биоэлектрическая активность головного мозга и условный рефлекс. – М.: Наука, 1978. – 231 с.
4. Кураев Г.А. Функциональная асимметрия коры мозга и обучение. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1982. – 160 с.
5. Adey W.R. EEG studies of hippocampal system in the learning process // In: Physiologie de l'hippocampe. – Montpellier, 1962. – P. 203.
6. Ливанов М.Н. Пространственная организация процессов головного мозга. – М.: Наука, 1972. – 182 с.

7. Книпст И.Н. Электроэнцефалотопоскопия и функциональное состояние головного мозга // Успехи физиол. наук. – 1987. – Т. 18. – № 3. – С. 17-38.
8. Грановская Р.М. Восприятие и модели памяти. – Л.: Наука, 1974. – 362 с.
9. Шевелев И.А., Каменкович В.М., Костелянц Н.Б., Шараев Г.А. Опознание изображений на разном расстоянии от центра зора в зависимости от фазы альфа-волны ЭЭГ // Сенсорные системы. – 1988. – Т. 2. – № 4. – С. 368.
10. Уолтер Г. Живой мозг. – М.: Мир, 1969. – 300 с.
11. Клещевников А.М. Синаптическая пластичность в гиппокампе при афферентной активации, воспроизводящей паттерн тета-ритма (тета-пластичность) // Ж. Высш. нервн. деят. – 1998. – Т. 48. – № 1. – С. 3-17.
12. Рутман Э.М. Вызванные потенциалы в психологии и психофизиологии. – М.: Наука, 1979. – 213 с.
13. Иваницкий А.М. Мозговые механизмы оценки сигналов. – М.: Медицина, 1976. – 263 с.
14. Сторожук В.М. Нейронные механизмы обучения. – Киев: Наукова Думка, 1986. – 263 с.
15. Сухов А.Г. Структурно-функциональная организация колонок нейронов тактильного анализатора крысы в зоне проекции вибрисс: автореф. докт. дисс. – Ростов-на-Дону, 1995.
16. Ата-Мурадова Ф.А. Развивающийся мозг: системный анализ. – М.: Медицина, 1980. – 296 с.
17. Супин А.Я. Электрофизиологический анализ взаимодействия синаптических систем в коре головного мозга: автореф. докт. дисс. – Москва, 1970. – 30 с.
18. Нарикашвили С.П. Некоторые данные и соображения о таламокортикальной реверберации импульсов // Нейрофизиология. – 1975. – Т. 7. – № 4. – С. 339–344.

ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ СОБЫТИЙНО СВЯЗАННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ В РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ КОРЫ МОЗГА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЛОЖНЫХ ОТВЕТОВ

Дикий И.С.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, проект РОСТ-НИЧ-778

В статье представлены результаты исследования компонентов событийно связанных потенциалов в различных областях коры мозга при выполнении участниками исследования теста на знание виновного. Выявлен позитивно-негативно-позитивный комплекс, отражающий различия амплитуды ССП в разных зонах коры мозга при реализации ложных и правдивых ответов.

Ключевые слова: *ложные ответы, тест на знание виновного (ТЗВ), событийно связанные потенциалы (ССП), амплитуда, латентность.*

Современные психофизиологические подходы к детекции лжи основаны на комплексном анализе показателей электродермальной активности, кровяного давления, дыхания. Традиционно для одновременного измерения этих периферических физиологических реакций во время опроса подозреваемого или участника проверки используется полиграф (от греческого слова *poly* – много и *grapho* – записывать). Иногда полиграф называют детектором лжи, но с его помощью можно обнаружить не ложь, а только физиологическую активность, которая сопровождает сообщение лжи и поэтому лишь косвенно сигнализирует о ней. При этом на достоверность результата при выявлении скрываемой информации с помощью полиграфа могут влиять состояние субъекта, его интеллектуальные и психологические особенности – акцентуации характера, особенности мотивационно-потребностной сферы, стили мышления [1–3; 5–7]. Актуальность разработки альтернативных методов детекции лжи обусловлена стремлением уменьшить влияние субъективного человеческого фактора, связанного с трудностями интерпретации изменений физиологических показателей при полиграфной проверке.

В соответствии с наиболее точным, на наш взгляд, определением, ложь есть «удачная или неудачная осознанная попытка индивида, создать в оппоненте чувство веры в то, что воспринимается самим индивидом как не соответствующее правде» [10, с. 15]. Следовательно, важными характеристиками лжи является её осознанность и произвольность. В подготовке и реализации лжи участвует множество высших психических функций и когнитивных компонентов, таких как эмоции, внимание, память, мышление, принятие решений и т. д. Вместе с тем, использование полиграфа при детекции лжи не позволяет изучить специфические когнитивные показатели, связанные с получением, хранением и извлечением скрываемой человеком информации.

Поэтому актуальными представляются попытки исследовать альтернативные или дополнительные возможности детекции проявлений лжи. В наибольшей степени интерес для исследователей представляют функции мозга, поскольку их изучение может позволить выявить когнитивно специфические, непосредственные индикаторы лжи. За последние годы продемонстрированы успехи в исследовании мозговых основ реализации лжи с применением современных психофизиологических методов – томографических (магнитно-резонансной и позитронно-эмиссионной томографии), методов регистрации электрической активности головного мозга – электроэнцефалограммы и ССП [4, 8, 9]. Между тем, вопрос о механизмах мозгового обеспечения лжи остается все еще нерешенным.

Анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной результатам исследования мозговой активности при лжи, показал, что экспериментальные исследования её психофизиологических механизмов выполнены преимущественно в лабораторных условиях, при которых не всегда проработан вопрос внутренней мотивации испытуемого к продуцированию ложной информации. Поэтому существует запрос психологов-практиков на разработку новых детекторных методов и методик, позволяющих учитывать осознанность, произвольность и внутреннюю детерминацию лжи как её основные особенности.

Цель исследования – изучение динамики пространственно-временного распределения компонентов ССП в различных областях коры мозга при реализации ложных ответов.

Методика проведения исследования

В исследовании приняли участие 36 студентов (16 юношей и 20 девушек, средний возраст 21,1 год).

К испытуемым был применен ТЗВ, который представляет собой набор из 6 логически связанных

между собой рядов из 6 вопросов-признаков, в каждом из которых содержится один истинный частный признак расследуемого события.

В качестве модели расследуемого события испытуемым предлагалось написать итоговую контрольную работу по учебной дисциплине. При возникновении затруднений им разрешалось воспользоваться подсказкой. Обследуемым давалась информация о местонахождении номера подсказки, названия файла и папки, где она находится. Шрифт подсказки был определённого цвета. При этом обследуемым сообщалось, что использование подсказки будет влиять на оценку контрольной работы, но этот факт будет устанавливаться в процессе специальной проверки при ответах на дополнительные стимулы-вопросы, содержащие частные признаки использования подсказки (номер подсказки, название папки, где лежала подсказка, цвет шрифта, которым была написана подсказка и т. п.). Факт использования участниками эксперимента подсказки объективно фиксировался при помощи компьютерной программы и установленного в комнате видеонаблюдения.

Во время проверки факта использования подсказки при написании контрольной работы зрительные стимулы предъявлялись на экране компьютера-слайдера в случайном порядке в парадигме oddball с вероятностью предъявления релевантного стимула – 0,2. Длительность экспозиции стимулов составляла 0,3 с, межстимульный интервал – 2,5 с.

В соответствии с инструкцией, испытуемому предлагалось как можно быстрее после появления на экране очередного стимула отвечать «Нет» нажатием левой кнопки мыши, если он утверждал, что не использовал подсказку и отрицал, что ему известны частные признаки факта использования подсказки. Подчёркивалось, что если «детектор лжи» не обнаружит признаков обмана, испытуемый дополнительно получит 1 балл к фактической оценке за контрольную работу. Если же будут выявлены признаки лжи – оценка останется прежней. В случае если испытуемый признает факт использования подсказки в процессе выполнения контрольной работы и ответит «Да» нажатием правой кнопки мыши, его оценка за контрольную работу автоматическим снизится на 1 балл. Таким образом, у участников эксперимента формировалась мотивация к преднамеренной лжи с прагматической целью.

ЭЭГ регистрировались с помощью энцефалографа «Энцефалан», версия «Элитная-М» производства МТБ «Медиком», г. Таганрог. Запись ЭЭГ-сигналов велась в диапазоне 1,5–30 Гц от 21 хлорсеребряных электродов, установленных по монополярной схеме с ипсилатеральными ушными референтами (Fpz, Fz, Cz, Pz, Oz, Fp1, Fp2, F7, F3, F4, F8, T3, C3, C4, T4, T5, P3, P4, T6, O1, O2) и расположенных в соответствии с международной системой 10%–20%. Одновременно производилась запись вертикальной и горизонтальной

электроокулограммы для устранения мышечных артефактов при движении глаз.

Начало регистрации времени реакции на предъявляемые стимулы, а также построение ССП синхронизировались с моментом предъявления вопроса-стимула на экране компьютера-слайдера и с моментом нажатия обследуемым левой кнопки компьютерной «мыши». Эпоха анализа при регистрации ССП составила 1000 мс после предъявления вопроса-стимула. Для надёжного выделения компонентов ССП и для улучшения соотношения сигнал/шум производилось не менее 30 усреднений.

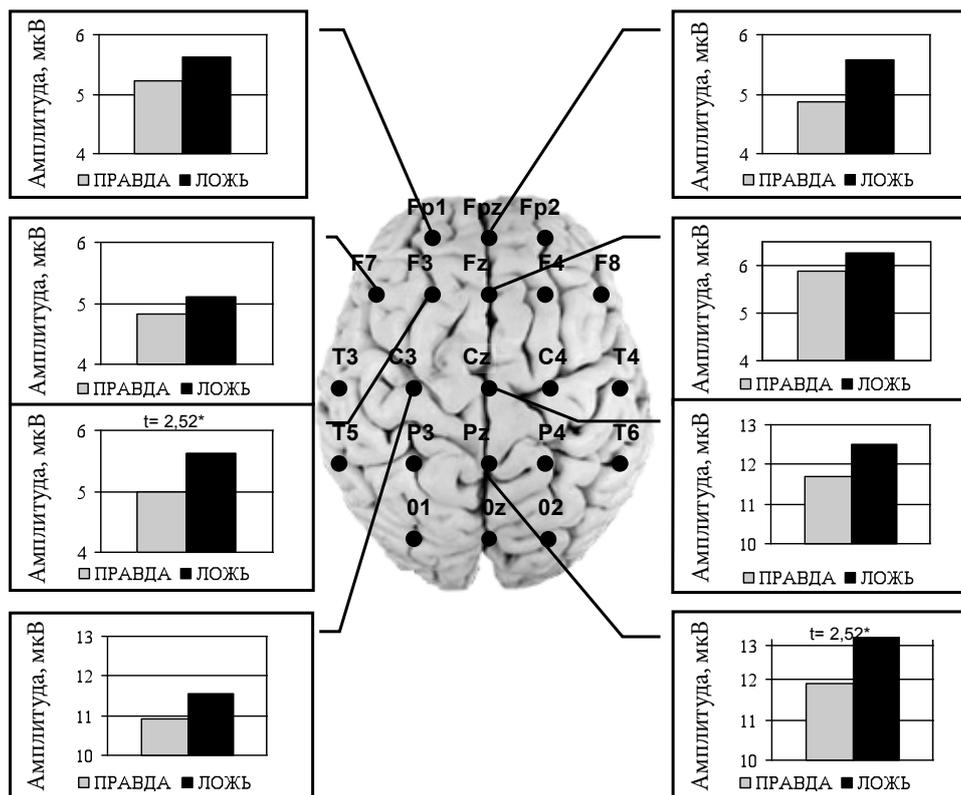
Полученные ССП усреднялись по типам стимулов, соответствующим ложным и правдивым ответам. Строились графики ССП по всем отведениям для 36 испытуемых, а также усредненный график ССП для каждого из типов ответов (ложного и правдивого). Анализировались амплитуда и пиковые латентности для когнитивных (P300, N400, P650) компонентов ССП.

Сравнение достоверности показателей производилось с помощью параметрического t-критерия Стьюдента. Обработка данных осуществлялась при помощи пакета компьютерных программ «STATISTICA 6.0».

Результаты исследования

В результате проведенного сравнительного анализа амплитуды и латентности компонентов ССП выявлены статистически значимые различия при реализации ложных и правдивых ответов в разных зонах коры мозга.

Так, амплитуда компонента P300 (с латентностью 280 мс) в левой лобной (F3) и центральной теменной (Pz) зоне (с латентностью 340 мс) при реализации ложных ответов оказалась достоверно выше, чем при реализации правдивых ($t = 2,52$, при $p \leq 0,05$). Амплитуда P300 в передних лобных (Fp1, Fpz), левой и медиальной лобных (F7, Fz), а также в центральных (C3, Cz) зонах коры мозга при ложных ответах с околосредней достоверностью выше, чем при правдивых (рис. 1). Аналогичное усиление амплитуды P300 при реализации ложных ответов по сравнению с правдивыми наблюдалось в левой височной области (T5). Однако эти различия не оказались статистически значимыми. По-видимому, левая височная область (зона Вернике), связанная с восприятием и пониманием вербальной информации, активизируется при восприятии и опознании вызывающих повышение внимания стимулов. Нейтральные стимулы не могут быть опознаны как значимые, т. е. их представленность в оперативной памяти незначительна и в меньшей степени связана с реальностью моделируемого события, поэтому и амплитуда ССП-ответов значительно ниже. Кроме того, следует учитывать, что амплитуда P300 может рассматриваться как мера внимания, уделяемая редким, неожиданным событиям.

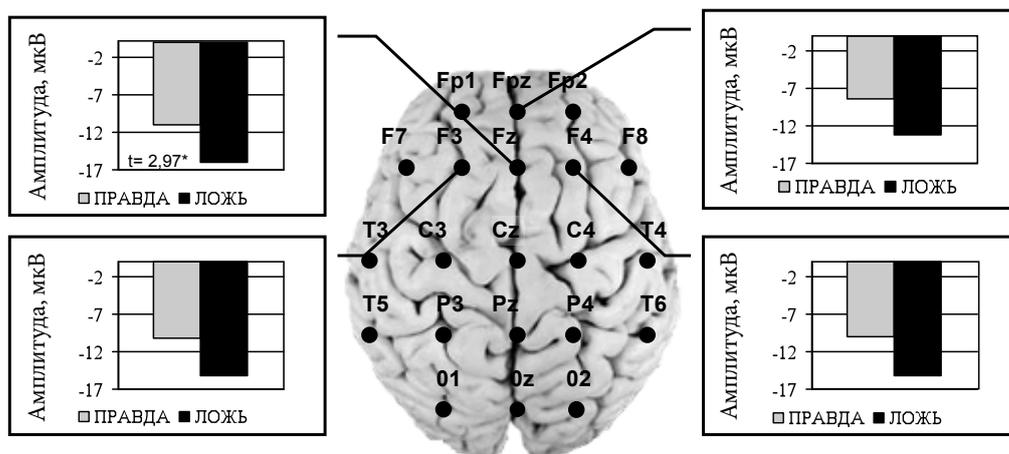
Условные обозначения: * – уровень значимости $p \leq 0,05$

Рисунок 1. Различия амплитуды компонента P300 в разных зонах коры мозга при реализации правдивых и ложных ответов

Также выявлено, что латентность компонента P300 в правой затылочной зоне (O2) при реализации ложных ответов значительно меньше, чем при реализации правдивых ($t = 2,324, p \leq 0,05$).

При реализации ложных ответов отмечается также усиление негативности N400 (с латентностью

410–480 мс) по всей передней коре. При этом достоверные различия амплитуды N400 при реализации ложных ответов по сравнению с правдивыми выявлены только в центральном лобном отведении (Fz) (рис. 2).

Условные обозначения: * – уровень значимости $p \leq 0,05$

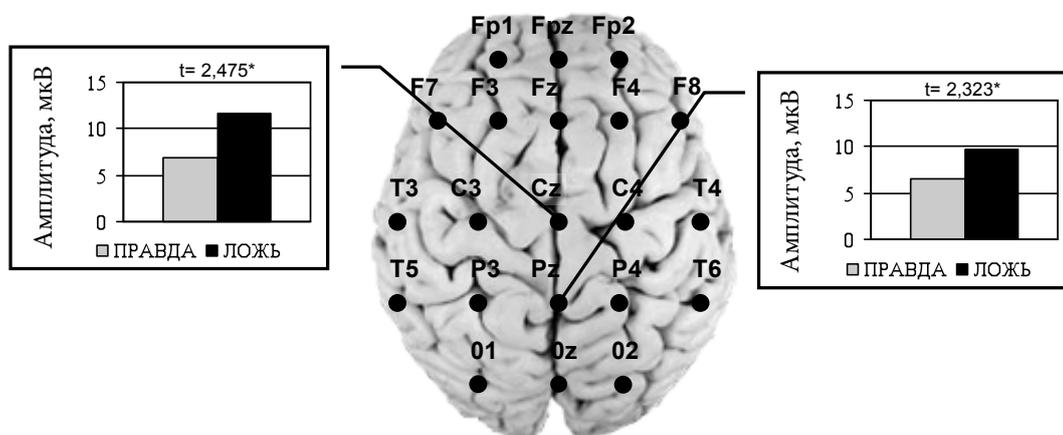
Рисунок 2. Различия амплитуды компонента N400 в разных зонах коры мозга при реализации правдивых и ложных ответов

Таким образом, в левой лобной зоне коры мозга (F7, F3), а также в центральной лобной зоне (Fz) выявлены значимые различия позитивно – негативного комплекса компонентов P300–N400 (250–330мс и 330–410мс), имеющего большую амплитуду при ложных ответах по сравнению с правдивыми. Увеличение амплитуды компонента N400 может отражать усиление активационных процессов, связанное с необходимостью дополнительной обработки информации.

При ложных ответах амплитуда негативности N400 в медиальных и правых лобных (Fpz, Fz, F4) зонах коры выражена значительно выше, чем при правдивых. Кроме того, при ложных ответах амплитуда N400 в левой лобной зоне коры (F3) с околосредней достоверностью оказалась выше, чем при правдивых (рис. 2).

Согласно литературным данным, сличение стимула с эталоном проявляется как негативное волновое различие между ССП на значимый стимул и такой же стимул в отсутствие внимания [8, 9]. Учитывая, что негативный компонент N400 связан с привлечением внимания к стимулу, а также степенью рассогласования, можно предположить, что различия в амплитуде негативности связаны с неконгруэнтностью между воспринимаемым стимулом.

Максимальное значимое различие амплитуды позднего позитивного компонента ССП – P650 при реализации ложных и правдивых ответов выявлено в области вертекса (Cz) и в центрально-теменной зоне (Pz) (рис. 3).

Условные обозначения: * – уровень значимости $p \leq 0,05$

Рисунок 3. Различия амплитуды компонента P650 в разных зонах коры мозга при реализации правдивых и ложных ответов

Появление поздних позитивных компонентов на интервале 500–800 мс от начала предъявления стимула может быть связано с процессом воспоминания и обращения к долговременной памяти для извлечения субъективных эталонов, с процессом категоризации стимула и принятием решения об исполнении действия.

На основе результатов проведенного исследования динамики пространственно-временного распределения компонентов ССП в различных областях коры мозга при реализации ложных ответов сделаны следующие **выводы**.

1. Установлено, что при реализации правдивых и ложных ответов активизируются одни и те же корковые структуры, но с различной степенью и продолжительностью времени активации.
2. Показано, что характер динамики пространственно-временного распределения паттернов

активации коры головного мозга при реализации ложных ответов по сравнению с правдивыми отличается достоверно более выраженной интенсивностью и длительностью мозговых реакций.

3. Выявлен позитивно-негативно-позитивный комплекс, отражающий различия амплитуды ССП в разных зонах коры мозга при реализации ложных и правдивых ответов, что позволяет их дифференцировать с высокой точностью. Амплитуда позитивного компонента P300 в левой лобной и медиальной теменной зоне, амплитуда негативного компонента N400 в передней лобной коре и амплитуда позднего позитивного компонента P650 в центральной и центрально-теменной зонах коры достоверно выше при реализации ложных ответов по сравнению с правдивыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грузьева И.В. Формально-динамические и стилевые особенности индивидуальности как факторы вероятности инструментального выявления скрываемой информации: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – М., 2006.
2. Дикий И.С. Взаимосвязь информативных признаков инструментальной детекции лжи с психофизиологическими и психологическими особенностями испытуемых // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2009. – № 5. – С. 112–116.
3. Дикий И.С. Информативные признаки инструментальной детекции скрываемой информации у лиц с различными особенностями межполушарной функциональной асимметрии мозга // Российский психологический журнал. – 2009. – Т. 6. – № 2. – С. 43–46.
4. Киреев М.В., Коротков А.Д., Пахомов С.В., Медведев С.В. Исследование мозгового обеспечения сознательной лжи // IV Международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов: в 2 т. Томск, 22–26 июня 2010 г. – Томск: Томский государственный университет, 2010. – Т. 2. – С. 324–326.
5. Оглоблин С.И., Молчанов Ю.А. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс. – Ярославль: Ньюанс, 2004. – 264 с.
6. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы // Вестник криминалистики. – 2005. – Вып. 1. – № 13. – С. 39–48.
7. Ermakov P.N., Dikiy I.S. Vegetative reactions in participants of screening with different psychological and physiological features // International Journal of Psychophysiology. – 2010. – Vol. 77. – Issue 3. – P. 286.
8. Hamamoto Y., Hira S., Ohira H. Effects of recall facilitation on P300-based guilty knowledge test // International Journal of Psychophysiology. – 2010. – Vol. 77. – Issue 3. – P. 333.
9. Ki-Won Jang, Jang-Han Lee. The combination of P3-based GKT and reality monitoring in detecting deception // International Journal of Psychophysiology. – 2010. Vol. 77. – Issue 3. – P. 330.
10. Vrij A. Detecting Lies and Deceit: Pitfalls and Opportunities. – Chichester, England: John Wiley & Sons, Ltd., 2008. – 488 pp.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОРЫ МОЗГА У МУЗЫКАНТОВ И ХУДОЖНИКОВ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Дикая Л.А.,
Денисова И.А.**

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, проект РОСТ-НИЧ-778

В работе представлены результаты исследования особенностей корковых взаимодействий у высококреативных испытуемых при разных видах невербальной творческой деятельности. Выявлены различия в характере когерентных связей у испытуемых в процессе решения творческой задачи для разных частотных диапазонов.

Ключевые слова: невербальная креативность, ЭЭГ, когерентность, частотный диапазон.

С каждым годом интеллектуальный потенциал общества становится все более значимым основанием его прогрессивного развития: люди творческие – потенциальные носители нового знания; творчество выступает в качестве социального механизма, который противостоит регрессивным тенденциям в развитии общества; высокое развитие способностей человека гарантирует его личную свободу и самодостаточность.

История вопросов связанных с творчеством измеряется тысячелетиями. За это время накоплена масса разноречивых сведений, разработано множество теорий, высказано бесконечно большое количество суждений и, несмотря на стабильно высокий интерес исследователей разных специальностей, самих творцов и обывателей, творчество продолжает считаться явлением малоизученным и таинственным. И все же при постоянно проявляющейся неудовлетворенности нашими познаниями в области природы творчества, диагностики креативности и развития творческих способностей личности, можно констатировать, что на пути их научного изучения есть и вполне очевидные успехи.

Все чаще проводятся исследования, целью которых является выявление психофизиологических механизмов творческой активности человека. В частности собраны данные о специфике мозговых механизмов творчества, характерных для людей разного пола и с разным уровнем креативности, в процессе выполнения вербальных и невербальных творческих заданий [1–10, 12–17]. Однако работы, направленные на изучение нейрофизиологических коррелятов невербального творчества, пока немногочисленны. Между тем такие виды деятельности, как художественная, конструкторская, музыкальная,

отличаются высоким творческим компонентом. В современных нейрофизиологических исследованиях невербальной творческой активности рассматривается зависимость параметров ЭЭГ от профессиональной подготовки испытуемых, от степени сложности задания, сравниваются группы художников и лиц, не имеющих художественного образования, сопоставляются ЭЭГ-корреляты у музыкантов при сочинении музыки и при выполнении других, не творческих видов музыкальной деятельности [1, 4, 5, 8, 9, 17]. Описаны половые различия параметров ЭЭГ при выполнении образных творческих заданий с использованием инструкций, стимулирующих и не стимулирующих оригинальное мышление [2, 7].

Противоречие получаемых при этом эмпирических данных может объясняться методическими трудностями изучения специфики мозговой организации из-за сложности построения самой процедуры исследования. Ведь получается, что для выявления нейрофизиологических коррелятов самого творческого процесса необходимо искусственно спровоцировать испытуемого на творческую активность. А для этого эксперимент по своему характеру должен моделировать естественную деятельность испытуемых, но проводиться в лабораторных условиях, т.е. художник должен рисовать, музыкант – сочинять музыку и т. д. Полученные нами ранее результаты позволяют считать это направление исследования мозговой организации творчества перспективным [4–6].

Для более детальной проработки вопроса о психофизиологических предикторах невербального творчества была сделана попытка сравнить особенности частотно-пространственной организации биопотенциалов коры мозга человека в процессе различных видов невербальной творческой дея-

тельности. Целью исследования является изучение особенностей функциональной организации коры мозга у музыкантов и художников при выполнении профессионально-специфичной невербальной творческой деятельности.

В исследовании приняли участие 2 группы испытуемых: 1-я «Музыканты» 17 студентов Ростовской консерватории имени Рахманинова в возрасте 17–23 лет, обучающихся по специальности «композиция» и имеющих опыт сочинения музыки. 2-я группа – «Художники» 34 человека (старшеклассники и студенты г. Ростова-на-Дону 16–22 лет), профессионально занимающиеся художественной деятельностью. Все испытуемые проходили диагностику уровня невербальной креативности при помощи теста Торренса «Завершение картинок». По результатам теста все участники исследования классифицированы как лица с высоким уровнем невербальной креативности ($p < 0.05$).

Музыкантам предлагалась следующая схема эксперимента: испытуемому с помощью наушников подавали классическую музыку фиксированной мощности (60 Дб) и в течение 1 минуты регистрировали ЭЭГ. В следующей пробе испытуемый должен был воспроизвести про себя услышанный музыкальный отрывок. Затем перед испытуемым ставилась задача: «Постарайтесь сочинить собственную мелодию, чтобы она носила такой эмоциональный окрас, как и ранее услышанный вами отрывок; а после исследования будет необходимо воспроизвести придуманную мелодию письменно или устно».

Во второй группе задание представляло из себя работу с монотипиями (листов бумаги с цветовыми

отпечатками на них). Испытуемым предлагалось, последовательно рассматривая каждую из монотипии, постараться на основе какой-либо из них создать художественный образ. Выполнение этого вида задания тесно связано с инсайтной стратегией. Испытуемым давалась инструкция нажимать кнопку мыши «Идея» всякий раз, когда у них появлялась идея относительно решения задачи. Момент нажатия кнопки регистрировался на энцефалограмме в виде маркера. После окончания регистрации ЭЭГ испытуемым предлагалось нарисовать придуманную картинку.

Для анализа выбирались безартефактные отрезки ЭЭГ длительностью по 10 секунд. В обоих случаях показатели когерентности ЭЭГ регистрировались в спокойном состоянии и при решении невербальной творческой задачи. Регистрация ЭЭГ осуществлялась при помощи электроэнцефалографа «Энцефалан», версия «Элитная-М» производства МТБ «Медиком» (Таганрог) в 21 стандартном монополярном отведении с ипсилатеральными ушными референтами для следующих частотных диапазонов: дельта 1 (0,5–2,0 Гц) и дельта 2 (2,0–4,0 Гц), тета 1 (4,0–6,0 Гц), тета 2 (6,0–8,0 Гц), альфа 1 (8,0–10,5 Гц), альфа 2 (10,5–13,0 Гц), бета 1 (13,0–24,0 Гц) и бета 2 (24,0–35,0 Гц).

На основе анализа работ, в которых представлены результаты изучения особенностей когерентных связей у испытуемых при выполнении когнитивной и, прежде всего, творческой деятельности [7, 9, 11], в нашем исследовании все когерентные связи между отведениями для каждого частотного диапазона были сгруппированы в 12 видов (таб. 1).

Таблица 1

Виды анализируемых когерентных связей и соответствующие им пары отведений

Виды когерентных связей		Соответствующие им пары отведений
Внутриполушарные	Внутриполушарные короткие 1 – в передних отделах правого полушария коры 2 – в передних отделах левого полушария коры 3 – в задних отделах правого полушария коры 4 – в задних отделах левого полушария коры	$F_p 2-F_4; F_p 2-F_8; F_p 2-T_4; F_4-F_8; F_4-T_4; F_8-T_4$ $F_p 1-F_3; F_p 1-F_7; F_p 1-T_3; F_3-F_7; F_3-T_3; F_7-T_3$ $O_2-P_4; O_2-T_6; O_2-C_4; P_4-C_4; P_4-T_6; T_6-C_4$ $O_1-P_3; O_1-T_5; O_1-C_3; P_3-C_3; P_3-T_5; T_5-C_3$
	Внутриполушарные длинные 5 – между передними и задними отделами правого полушария 6 – между передними и задними отделами левого полушария	$F_p 2-O_2; F_p 2-P_4; F_p 2-T_6; F_8-O_2; F_8-T_6; F_8-P_4; F_4-T_6; F_4-P_4; F_4-O_2$ $F_p 1-O_1; F_p 1-P_3; F_p 1-T_5; F_7-O_1; F_7-T_5; F_7-P_3; F_3-T_5; F_3-P_3; F_3-O_1$
Междуполушарные	Междуполушарные в передних и задних отделах коры 7 – в передних отделах коры 8 – в задних отделах коры	$F_p 1-F_8; F_p 1-T_4; F_p 1-F_4; F_p 2-F_7; F_p 2-T_3; F_p 2-F_3; F_7-F_4; F_7-T_4; F_8-F_3; F_8-T_3; F_3-T_4; F_4-T_3$ $O_1-T_6; O_1-P_4; O_2-T_5; O_2-P_3; P_4-T_5; P_3-T_6$
	Междуполушарные диагональные 9 – между передними отделами правого полушария и задними отделами левого 10 – между передними отделами левого полушария и задними отделами правого	$F_p 2-O_1; F_p 2-T_5; F_p 2-P_3; F_8-O_1; F_8-T_5; F_8-P_3; F_4-O_1; F_4-T_5; F_4-P_3$ $F_p 1-O_2; F_p 1-T_6; F_p 1-P_4; F_7-O_2; F_7-T_6; F_7-P_4; F_3-O_2; F_3-T_6; F_3-P_4$
	Междуполушарные между симметричными отведениями 11- короткие 12 – длинные	$F_1-F_2; F_3-F_4; C_3-C_4, P_3-P_4; O_1-O_2$ $F_7-F_8; T_3-T_4; T_6-T_5;$

Для каждого вида когерентной связи в каждом частотном диапазоне вычислялись её средние значения. Когерентная связь рассматривалась как значимая, если её значение не было ниже 0,7. Для статистической обработки данных применялся многофакторный дисперсионный анализ ANOVA/MANOVA. Обработка осуществлялась при помощи пакета компьютерных программ Statistica 6.0.

В результате анализа когерентных связей между фоновыми показателями и показателями функциональных проб «сочинение музыки» в группе музыкантов выявлено, что в процессе сочинения музыки наблюдается увеличение значений внутрислоухарной когерентности (по 1 и 2 виду связей) между областями коры мозга как в правом, так и в левом полушарии. Причем такая активация характерна для дельта, тета и альфа частотных диапазонов. В бета 2 диапазоне выявлено повышение внутрислоухарных длинно-дистантных связей между передними и задними отделами правого полушария. Что касается межполушарного взаимодействия, то оно наиболее ярко представлено в передних отделах мозга между гомологичными отведениями в дельта 2 диапазоне. Т.о., исследования показали, что внутрислоухарные когерентные связи во время сочинения музыки практически равномерно распределены в обоих полушариях без значимого доминирования одной из гемисфер.

При выполнении образного творческого задания у художников выявлена высокая внутри- и межполушарная когерентность в тета 1 и тета 2 частотных диапазонах, связываемых исследователями с эмоционально-мотивационным возбуждением и процессами активации внимания к внешним стимулам соответственно [1, 7]. Также этих испытуемых отличает множество высококогерентных длинно-дистантных внутри- и межполушарных связей. Для музыкантов наиболее характерными являются высококогерентные внутрислоухарные связи. Подобная синхронизация тета-ритма во фронтальных регионах коры часто наблюдается в ситуациях с когнитивным усилием и нагрузкой на память [2].

Усиление альфа 2 ритма у группы художников отражает специфику обработки информации при решении когнитивных задач: непосредственное воспроизведение визуальных образов из семантической памяти связывают с активностью задних отделов левого полушария, а мыслительно-перцептивные процессы при решении пространственно-временных задач (например, мысленное вращение и конструирование изображений) – правого. Предполагается, что правая фронтальная область вовлечена в спонтанную продукцию невербальных репрезентаций, а левая выполняет контроль, дополнительную оценку и вербальный анализ [2, 7, 8]. Усиление когерентных

связей альфа-ритма в темпоральных и фронтальных областях у музыкантов может иметь значение активации ментальных процессов поиска. Происходит своеобразное сканирование («считывания») информации и имеет место тесная связь с механизмами восприятия и памяти.

В бета 1 и бета 2 частотных диапазонах динамика распределения когерентных связей у второй группы следующая: выражена интеграция передних и задних областей каждого из мозговых полушарий, что означает активное вовлечение в совместную работу парietoальных, окципитальных и темпоральных областей. Parietально-окципитальные области левого полушария отвечают за наглядное представление предмета по его названию; темпоральные и парietoальные области обоих полушарий принимают участие в извлечении из памяти и обработке образной информации [1]. Однако в группе музыкантов наиболее активно эти области проявляют себя в правом полушарии.

Также процесс воображения может включать в себя возникновение многих, параллельно протекающих ассоциативных процессов, что отражается в функциональной обособленности деятельности различных нейронных ансамблей [9]. Ослабление функциональных связей между полушариями у высококреативных испытуемых как из группы музыкантов так и у немужыкантов может также указывать на более независимую работу полушарий, на раздельную обработку информации на этапе решения невербальной творческой задачи. В исследовании Н.П. Бехтеревой, Ж.В. Нагорновой так же, как и в нашем исследовании, выявлена независимая и параллельная работа полушарий в процессе невербального творчества. Авторы полагают, что уменьшение когерентных связей в высокочастотных диапазонах ЭЭГ между полушариями при выполнении творческих заданий указывает на уменьшение влияния левого (контролирующего) полушария в процессе невербального творчества [1]. Это предположение подтверждает и выявленное в нашем исследовании снижение когерентности биопотенциалов коры мозга в левом полушарии.

Таким образом, как специфику образного творческого процесса можно констатировать независимое, но параллельное активное функционирование полушарий при невербальной творческой деятельности.

Выводы

У художников в процессе решения невербальной творческой задачи выявлено усиление длинно-дистантных функциональных связей по сравнению со спокойным состоянием. Причем, в низкочастотных диапазонах более выражено межполушарное, а в высокочастотных – внутрислоухарное взаимодействие между передними

и задними отделами коры мозга. Что касается группы музыкантов, то для них как в высоко-, так и в низкочастотных диапазонах выявлено усиление внутрислошарных связей, при этом преимущественно коротких в большинстве диапазонов, но наиболее сильные когерентные связи обнаружены в диапазонах дельта 1 и дельта 2, и только в бета 2 диапазоне проявляется явное усиление длинно-дистантных связей между передними и задними отделами преимущественно правого полушария. Появление выраженного внутрислошарного взаимодействия между передними и задними отделами коры в высокочастотных диапазонах соотносимо с коррелятами усиленной когнитивной деятельности, с высокой скоростью её выполнения за счет длинно-дистантных функциональных связей у музыкантов и художников – испытуемых с высоким уровнем невербальной креативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерева Н.П., Нагорнова Ж.В. Динамика когерентности ЭЭГ при выполнении заданий на невербальную (образную) креативность // Физиология человека. – 2007. – Т. 33. – № 5. – С. 5–13.
2. Вольф Н.В., Тарасова И.В., Разумникова О.М. Половые различия в изменениях когерентности биопотенциалов коры мозга при образном творческом мышлении: связь с эффективностью деятельности // Журнал высшей нервной деятельности. – 2009. – Т. 59. – № 4. – С. 429–436.
3. Де Боно Э. Серьезное творчество // Современные концепции одаренности и творчества / под ред. Д.Б. Богоявленской. – М.: Молодая гвардия, 1997. – С. 96–110.
4. Денисова И.А. Психофизиологический взгляд на творчество. Мозговые корреляты музыкального творчества // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. – СПб., 2010. – Т. 5. – № 4. – С. 99–108.
5. Дикая Л.А. Нейрофизиологические корреляты музыкальной творческой деятельности // Сибирский психологический журнал. – Томск, 2010. – № 36. – С. 46–52.
6. Дикая Л.А. Современная психофизиология и мозговые механизмы творчества // Российский психологический журнал. – Москва: КРЕДО, 2008. – Т. 5. – № 4. – С. 65–70.
7. Разумникова О.М. Индивидуальные особенности полушарной активности, определяющие успешность решения эвристической задачи // Асимметрия (рецензируемый научно-практический журнал) – 2009. – Т. 3. – № 1. – С. 37–50.
8. Разумникова О.М., Вольф Н.В., Тарасова И.В. Стратегия и результат: половые различия в электрографических коррелятах вербальной и образной креативности // Физиология человека. – 2009. – Т. 35. – № 3. – С. 31–41.
9. Свидерская Н.Е., Таратынова Г.В., Кожедуб Р.Г. ЭЭГ-корреляты изменения стратегии переработки информации при зрительном воображении // Журнал высшей нервной деятельности. – 2005. – Т. 55. – № 5. – С. 624–632.
10. Старченко М.Г. Различия в мощности ЭЭГ у высоко и низкокреативных испытуемых // IV Международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Томск, 22–26 июня 2010г. – Томск: Томский государственный университет, 2010. – Т. 2. – С. 537–538.
11. Цицерошин М.Н., Симахин В.Е., Зайцева Л.Г. Становление нейрофизиологических механизмов системной организации межполушарного взаимодействия в онтогенезе ребенка: материалы Междунар. конф. «Физиология развития человека». Москва, 22–24 июня 2009 г. – М.: Вердана, 2009. – С. 115–116.
12. Carlsson I, Wendt P, Risberg J. On the neurobiology of creativity. Differences in frontal activity between high and low creative subjects // Neuropsychologia. – 2000. – 38: 873–85.
13. Fink A., Neubauer A.C. EEG alpha oscillations during the performance of verbal creativity tasks: differential effects of sex and verbal intelligence // Int J Psychophysiol. – 2006. – 62(1): 46–53.
14. Jausovec N., Jausovec K. EEG activity during the performance of complex mental problem // Int J. Psychophysiology. – 2000. – 36 (1): 73–88.
15. Jung-Beeman M., Bowden E.M., Haberman J., Frymiare J.L., et al. Neural activity when people solve verbal problems with insight // PLoS Biology. – 2004. – № 4. – P. 0500–0510.
16. Martindale C., Hines D. Creativity and cortical activation during creative, intellectual and EEG feedback tasks // Biological Psychology. – 1975. – V. 3. – P. 71–80.
17. Petsche H. Approaches to verbal, visual and musical creativity by EEG coherence analysis // Int. J. Psychophysiology. – 1996. – 24 (2): 145–159.

МОЗГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ У ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ НАУЧНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, ПРИ РЕШЕНИИ ВЕРБАЛЬНЫХ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАЧ

**Дикая Л.А.,
Шиварева С.Ю.**

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, проект РОСТ-НИЧ-778

В статье представлены результаты исследования особенностей функциональных связей у испытуемых при выполнении вербальных творческих задач. Выявлены различия в характере связей у участников исследования, занимающихся научной и литературной деятельностью.

Ключевые слова: ЭЭГ, когерентность, частотные диапазоны, научное творчество, литературное творчество.

На современном этапе общественного развития, в условиях постоянных социальных изменений роль творческого компонента в любой профессиональной деятельности стремительно возрастает. В связи с этим повышается актуальность вопроса взаимосвязи когнитивных и нейрофизиологических аспектов реализации профессионального творчества, поиска его мозговых коррелятов. Однако, современные научные исследования, посвященные поиску мозговых механизмов творческой активности человека, выполнены преимущественно на лабораторном экспериментальном материале. Предъявляемые участникам исследования задания искусственны, они оторваны от их повседневной жизни и профессиональной деятельности. В нейрофизиологических исследованиях, направленных на поиск мозговых механизмов творчества, испытуемым, предлагают, например, сочинить из заданных слов рассказ, генерировать слова на заданную букву, завершить оригинальным способом известную поговорку или разгадать анаграмму [1, 4, 7, 8]. Специфика такого способа проведения исследования продиктована методическими трудностями выполнения нейрофизиологического исследования, в рамках которого предпринимаются попытки актуализировать творческий процесс у участников. Очевидно, что искусственный характер предъявляемых испытуемым творческих задач не только снижает внутреннюю мотивацию к их выполнению, но и может искажать когнитивные процессы, участвующие в реализации творческого акта. Тем самым именно творческий компонент выполняемого задания может оказаться утерянным. Поэтому представляется целесообразным проведение направленного на поиск мозговых основ

творческой активности исследования, в котором внутренняя мотивация испытуемых к выполнению задания будет высока, а специфика самого задания будет, с одной стороны, приближена к условиям их обычной профессиональной деятельности, а с другой, отличаться наличием творческого компонента. И если нейрофизиологические исследования невербального творчества уже проводятся в этом направлении [2, 3, 5, 9], то результаты изучения мозговых основ вербального профессионального творчества в литературе практически не представлены. Между тем, в таких видах профессиональной деятельности, как научная и литературная, творческий элемент является едва ли не первостепенным. Более того, научные открытия, литературные произведения представляют собой особый тип креативности – исследовательский в отличие от комбинаторного её типа, представляющего собой порождение новой идеи через необычную комбинацию (ассоциацию) известных идей [6].

Цель исследования – изучение частотно-пространственного распределения функциональных связей коры мозга у лиц, занимающихся научной и литературной профессиональной деятельностью, при решении вербальных творческих задач.

Для достижения поставленной цели проведен сравнительный анализ характера распределения функциональных связей у специалистов при выполнении творческих заданий житейской (неспецифической), научной и литературной направленности.

В качестве объекта исследования выступили специалисты, ведущие активную, внутренне мотивированную, профессиональную научную (научные сотрудники, аспиранты, соискатели) и литературную

(литераторы и журналисты) деятельность. Всего в исследовании приняли участие 16 человек в возрасте от 19 до 27 лет, все праворукие.

Регистрация ЭЭГ осуществлялась при помощи электроэнцефалографа «Энцефалан», версия «Элитная-М» производства МТБ «Медиком» (г. Таганрог) в 21 стандартном монополярном отведении с ипсилатеральными ушными референтами для шести частотных диапазонов: дельта (1,5–4,0 Гц), тета (4,0–8,0 Гц), альфа 1 (8,0–10,5 Гц), альфа 2 (10,5–13,0 Гц), бета 1 (13,0–24,0 Гц) и бета 2 (24,0–35,0 Гц).

Запись ЭЭГ проводилась во время выполнения испытуемыми следующих фоновых, а также контрольных и экспериментальных функциональных проб.

Фоновые пробы.

1. Спокойное состояние, глаза закрыты (1 мин).
2. Спокойное состояние, глаза открыты (1 мин).

Контрольные функциональные пробы.

1. Сочинение короткого рассказа на заданную тему широкой направленности с последующим контролем (2 мин).
2. Сочинение рассказа с использованием заданных слов различных семантических полей.

Экспериментальные функциональные пробы для представителей научной профессиональной деятельности.

1. Мысленное составление рассказа о своей научной проблематике с последующей оценкой качества научного творчества специалистами (3 мин).
2. Мысленное опровержение собственных гипотез или выводов с последующим контролем.

Экспериментальные функциональные пробы для представителей литературной профессиональной деятельности.

1. Придумывание рифмы для заданных слов за определенное время (5 мин).
2. Придумывание короткого стихотворения из полученных рифм.

После окончания регистрации ЭЭГ участникам исследования предлагалось записать на бумаге свои ответы на предложенные задания. Для анализа когерентных связей выбирались безартефактные отрезки ЭЭГ длительностью по 10 сек.

В результате проведенного анализа частотно-пространственного распределения функциональных связей при выполнении всех трёх видов творческой деятельности (профессионально неспецифичной, научной и литературной) выявлено, что наибольшее количество когерентных связей характерно для низкочастотных дельта, тета и альфа 1 –диапазонов. Для когнитивно специфичных альфа 2, бета 1 и бета 2 –диапазонов характерно уменьшение количества когерентных связей.

При выполнении всех вербальных творческих заданий доминируют внутрислоушарные

когерентные связи во всех частотных диапазонах. И только в низкочастотных дельта, тета и альфа 1 диапазонах межполушарные связи выражены в префронтальных отделах и между фронтальными и префронтальными зонами коры. В альфа 2 диапазоне межполушарные связи выражены лишь в префронтальных отделах при выполнении творческих заданий независимо от их профессиональной направленности.

В бета 1 и бета 2 диапазонах при выполнении творческих заданий межполушарные связи не выражены, т. е. можно заключить, что для высокочастотных диапазонов при реализации творческой деятельности характерна независимая работа мозговых полушарий.

При выполнении задания профессионально неспецифической творческой направленности в отличие от профессионально специфических творческих заданий наиболее сильные, но при этом немногочисленные когерентные связи у испытуемых выражены в высокочастотных альфа 2, бета 1 и бета 2 диапазонах преимущественно в лобных и центральных областях. Причем среди них доминируют короткие внутрислоушарные горизонтальные связи (рис. 1).

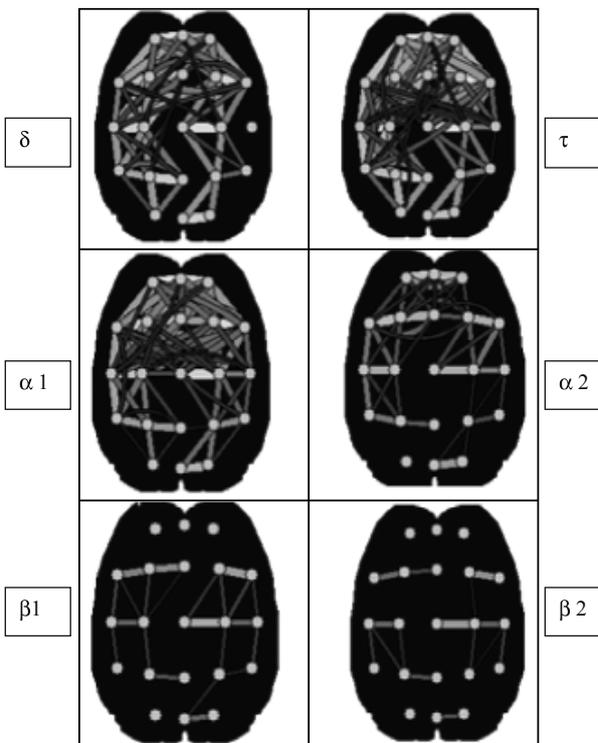

Рисунок 1. Схемы когерентных связей в δ , τ , $\alpha 1$, $\alpha 2$, $\beta 1$ и $\beta 2$ частотных диапазонах при выполнении задания, связанного с неспецифическим творчеством (наиболее сильные когерентные связи обозначены светлым тоном)

Выполнение профессионально специфических творческих заданий – научных и литературных – сопровождается увеличением количества когерентных связей во всех исследуемых частотных диапазонах. Фокус активности заметно усиливается в затылочно-височных отделах правого полушария.

Характер распределения функциональных связей при выполнении научных творческих заданий отличается максимальным количеством выраженных когерентных связей в нижневисочной-затылочной области правого полушария в низкочастотных дельта и тета диапазонах, а также в лобно-центральной области правого полушария в высокочастотных бета 1 и бета 2 диапазонах (рис. 2).

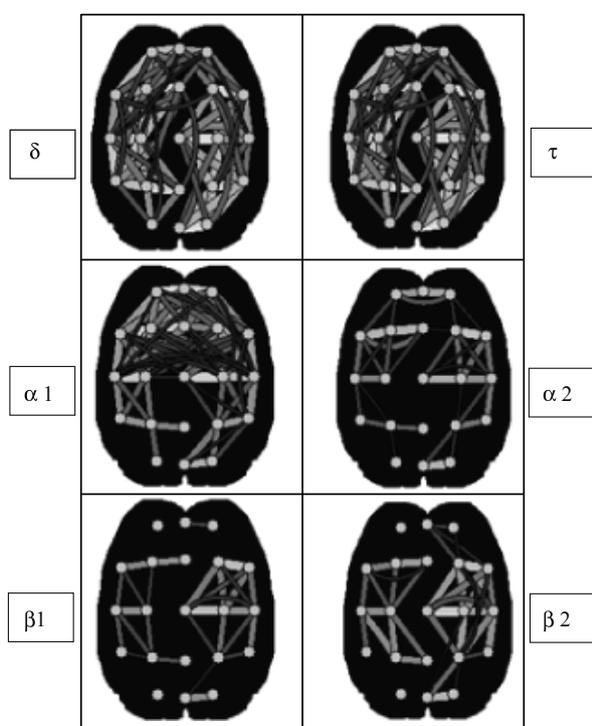

Рисунок 2. Схемы когерентных связей в δ , τ , $\alpha 1$, $\alpha 2$, $\beta 1$ и $\beta 2$ частотных диапазонах при выполнении задания, связанного с научным творчеством (наиболее сильные когерентные связи обозначены светлым тоном)

Характер распределения функциональных связей при выполнении литературных творческих заданий отличается максимальным количеством выраженных когерентных связей между центральными, теменными, височными и затылочными зонами правого полушария в альфа 1 частотном диапазоне, а также между центральными, теменными и височными отделами правого полушария в альфа 2 частотном диапазоне (рис. 3).

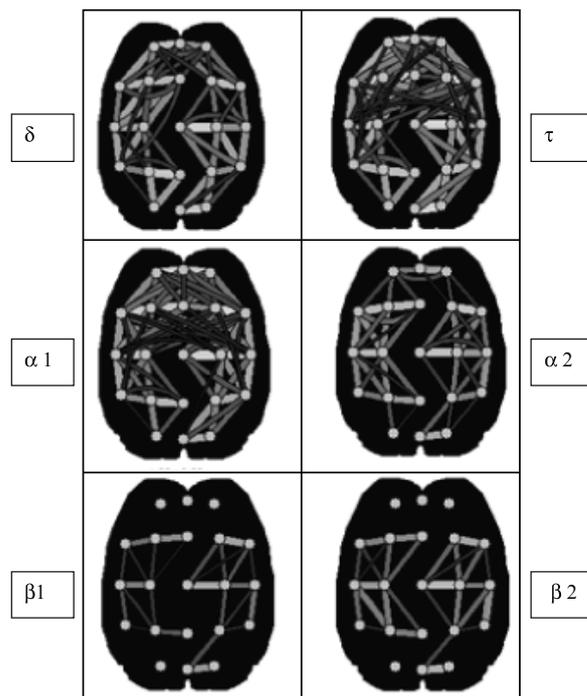

Рисунок 3. Схемы когерентных связей в δ , τ , $\alpha 1$, $\alpha 2$, $\beta 1$ и $\beta 2$ частотных диапазонах при выполнении задания, связанного с литературным творчеством (наиболее сильные когерентные связи обозначены светлым тоном)

В бета 1 частотном диапазоне связи между лобными, центральными, теменными и височными отделами выражены у испытуемых значительно сильнее в правом полушарии при выполнении творческих научных заданий и достаточно сильно в обоих полушариях при выполнении творческих литературных заданий.

Решение творческих задач – сложная когнитивная деятельность, при которой активизируется множество познавательных процессов и соответствующих им нейронных механизмов. Полученные в нашем исследовании результаты соответствуют данным других исследователей об увеличении количества когерентных связей в тета и альфа 1 диапазонах при выполнении вербальных заданий в отличие от пространственных [8, 9]. Ритмы тета- и альфа 1-диапазонов отражают процессы внимания и активации процедурной памяти. Активация же семантической памяти отражается в изменении параметров ритмов альфа 2 – и бета 1-диапазонов [9]. У наших испытуемых выявлено значительное увеличение когерентных связей в этих высокочастотных диапазонах при выполнении профессиональных (научных и литературных) творческих задач в отличие от житейских. Вероятно, у участников исследования решение вербальной житейской творческой задачи в большей степени связано

с процессами внимания и процедурной памяти, а профессиональной – с семантической обработкой.

Тета-ритм связывают с влиянием лимбической системы на кору больших полушарий мозга [4]. Поэтому увеличение количества когерентных связей в теменно-височно-затылочных областях правого полушария в тета-диапазоне при выполнении у наших испытуемых профессиональных творческих заданий можно ассоциировать с мотивационными и эмоциональными процессами.

Исследователями отмечается связь бета 2-диапазона с активацией перцептивных и лексико-семантических представлений [8]. У наших испытуемых выражено значительное увеличение количества когерентных связей в этом диапазоне при выполнении профессиональной и особенно научной деятельности.

Синхронизация префронтальных областей мозга обоих полушарий имеет место при извлечении из памяти семантической информации [8]. При выполнении профессиональной творческой деятельности испытуемые выбирали одно понятие из ряда похожих, устанавливали наиболее отдалённые ассоциации, что может отражаться в высокой когерентности в префронтальной и фронтальной областях коры обоих полушарий.

Один из отличительных признаков творческого процесса – необходимость распознать отдалённые и новые связи, и соответствующие ему нейронные механизмы должны это отражать. Наиболее вероятно, что эту роль исполняет передняя верхняя височная извилина правого полушария. Так, правое полушарие имеет большое значение в распознавании отдалённых семантических отношений, а передняя верхняя височная извилина обоих полушарий вовлечено в семантическую интеграцию. Сложные предложения усиливают активность передней верхней височной извилины обоих полушарий, а задачи на отдалённые семантические связи возбуждают правые височные области [8].

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать выводы.

1. Выполнение вербальных творческих заданий сопровождается увеличением количества когерентных связей в тета и альфа 1 диапазонах, что отражает роль процессов внимания и процедурной памяти.
2. Количество когерентных взаимодействий при переходе от неспецифических творческих заданий к заданиям, связанным с профессиональным творчеством, увеличивается.
3. Выполнение профессиональных творческих заданий сопровождается усилением мотивационных

и эмоциональных процессов, что отражается в увеличении количества когерентных связей в теменно-височно-затылочных областях правого полушария тета диапазона.

4. Информативным для научной творческой деятельности является характер распределения функциональных связей в тета, бета 1 и бета 2 диапазонах, для литературной – в альфа 1 и альфа 2 диапазонах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерева Н.П., Старченко М.Г., Воробьев В.А., Ключарев В.А., Медведев С.В. Исследование мозговой организации творчества // Физиология человека. – 2000. – Т. 26. – № 2. – С. 26–48.
2. Денисова И.А. Психофизиологический взгляд на творчество. Мозговые корреляты музыкального творчества // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – Санкт-Петербург, 2010. – Т. 5. – № 4. – С. 99–107.
3. Дикая Л.А. Нейрофизиологические корреляты музыкальной творческой деятельности // Сибирский психологический журнал. – Томск, 2010. – № 36. – С. 46–52.
4. Разумникова О.М., Брызгалов А.О. Частотно-пространственная организация электрической активности мозга при креативном вербальном мышлении // Журнал ВНД им. И.П. Павлова. – 2005. – Т. 55. – № 4. – С. 22–46.
5. Bazanova O.M., Mernaya E.M. Neurobiofeedback for optimal musical performance // Материалы XV Международной конференции по нейрокибернетике. Том 2. Симпозиум «Интерфейс “Мозг-Компьютер”». 3-й Симпозиум по Нейроинформатике и Нейрокомпьютерам. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2009. – С. 38–40.
6. Boden M.A. Computer models of creativity // Handbook of Creativity. R.J. Sternberg (ed.). – Cambridge University Press, 1999. – P. 351–372.
7. Fink A., Neubauer A.C. EEG alpha oscillations during the performance of verbal creativity tasks: differential effects of sex and verbal intelligence // Int. J. Psychophysiology. – 2006. – № 62 (1). – P. 46–53.
8. Jung-Beeman M., Bowden E.M., Haberman J., Frymiare J.L., et al. Neural activity when people solve verbal problems with insight // PLoS Biology. – 2004. – № 4. – P. 0500–0510.
9. Petsche H. Approaches to verbal, visual and musical creativity by EEG coherence analysis // Int. J. Psychophysiol. – 1996. – Vol. 24. – № 1–2. – P. 145–159.

**ДИАГНОСТИКА ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ:
СМЫСЛООРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ****Белоконь И.А.**

Необходимый этап в разработке методов диагностики личностных особенностей в акмеологическом аспекте состоит, в выделении основных типов смысловых отношений, возникающих в процессе профессиональной деятельности. Выделение таких отношений может служить основой для построения классификации смыслообразующих мотивов трудовой и профессиональной деятельности.

Ключевые слова: мотивация, мотивы-стимулы, смыслообразующие мотивы, трудовая мотивация, профессиональная мотивация, цели и средства деятельности.

Широкий круг детерминант поведения человека, составляющий содержание мотивации, делится, согласно концепции А.Н. Леонтьева, на два больших класса: мотивы-стимулы и смыслообразующие мотивы. Изучение мотивации с точки зрения стимулирующего воздействия на поведение человека разнообразного круга предметов и явлений окружающей действительности легло в основу большого числа исследований, посвященных исследованию, в том числе, и трудовой мотивации. Многие авторы исходят из положения о том, что понятие «смыслообразующий мотив» самым тесным образом связано с понятием «отношение». А.Н. Леонтьев подчеркивал, что смысл не существует без значения, «он как бы принадлежит самому переживаемому содержанию, кажется входящим в значение» [1, с. 278]. Однако при этом он отмечал, что смысл и значение имеют разную основу, разную основу, разное происхождение и изменяются по разным законам. «Смысл отнюдь не содержится потенциально в значении и не может возникнуть в сознании из значения» [1, с. 278]. «Развитие смыслов – это продукт развития мотивов деятельности, развитие же самих мотивов деятельности определяется развитием реальных отношений человека к миру, обусловленных объективно-историческими условиями его жизни» [1, с. 280].

Следовательно, определение смыслообразующих мотивов должно быть основано на понимании мотива как «реального отношения к миру». Задача выделения и классификации реальных отношений человека к миру представляется чрезвычайно сложной, требующей создания специальных моделей. Однако выделение основных типов отношений, возникающей у человека в профессиональной деятельности, как будет показано далее, представляется

задачей, решение которой возможно осуществлять как «отношение мотива к цели». Исходя из предложенной формулы, мотив может быть определен как «психологическое произведение» смысла и цели или, короче, как смысл цели. Если основной характеристикой цели является предметность, то, что характеризует смысл? Как уже было сказано, содержание смысла надо искать в отношении, в отношении человека с окружающим миром. Но что составляет специфику смысловых отношений? Для решения этого вопроса обратимся снова к концепции А.Н. Леонтьева. Определение «смысл есть отношение мотива к цели» мы могли бы переформулировать и так, что смысл есть отношение цели к цели. Но такая переформулировка не сводится к оценочному отношению типа: «хуже–лучше», «нравится–не нравится». Смысловое отношение не есть отношение предметов потребности, одно из которых оценивается выше, а другое ниже, фиксирующее положительное или отрицательное эмоциональное отношение данного человека к тому или иному предмету или явлению. На этот факт указывал А.Н. Леонтьев, в концепции которого личностный смысл не отождествляется с эмоциональным переживанием и не исчерпывается им» [1, с. 202–205]. Специфика этого типа отношения состоит в разделении между элементами отношения двух функций: средства и цели. Осознание различия этих функций между двумя элементами, предметами потребности, рождает смысловое отношение.

В определении Л.И. Божович смысловое понимание мотива противопоставляется предметному его пониманию. Мотив определяется как «то, ради чего осуществляется деятельность в отличие от цели, на которую эта деятельность направлена» [2, с. 201]. Такое противопоставление смысловой и предмет-

ной сторон мотивации представляет интерес не только как факт дискуссии для ученых. По мнению И.Г. Кокурина (1990), само это противопоставление содержит интересную научную проблему адекватности предметного содержания целей, которую человек ставит перед собой, смыслы, которые он извлекает или приписывает этим целям. А.Н. Леонтьев по этому поводу писал: «личностные смыслы, отражающие мотивы, порождаемые действительными жизненными отношениями человека, могут не найти адекватно воплощающих их объективных значений, и тогда они начинают жить как бы не в своих одеждах» [1, с. 154].

Исследование этого соотношения представляет собой важнейший аспект в изучении мотивационных механизмов в том числе и профессиональной деятельности. Необходимый этап в решении этой проблемы состоит, в частности, в выделении основных типов смысловых отношений, возникающих в процессе профессиональной деятельности. Выделение таких отношений послужит основой для построения классификации смыслообразующих мотивов трудовой и профессиональной деятельности.

В процессе выявления особенностей профессиональной мотивации нотариусов, мы воспользовались классификацией смыслообразующих мотивов трудовой деятельности, разработанной И.Г. Кокуриной, на основе деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, согласно которой, одна деятельность отличается от другой не спецификой операций и действий, но мотивами деятельности. Следовательно, классификация деятельностей должна соответствовать классификация мотивов деятельности. Формально-логическая процедура вычленения отдельных видов деятельности с помощью смыслового отношения состоит в том, что каждый из трех основных механизмов деятельности (преобразование, потребление и опосредующее движение) приписывается либо функция цели, либо функция средства. Все возможные варианты смысловых отношений, возникающих между тремя элементами деятельности (варианты, когда все три элемента выполняют одинаковую функцию, не рассматриваются, так как при этом теряется смысловое отношение «цели-средства»), описывают следующие шесть форм целесообразной активности, входящие одновременно в единый процесс деятельности:

Виды деятельности	Элементы структуры деятельности		
	Субъект 1	Субъект 2	Субъект 3
Преобразовательная	средство	средство	цель
Коммуникативная	средство	цель	средство
Утилитарная	цель	средство	средство
Кооперативная	средства	цель	цель
Конкурентная	цель	цель	средство
Достижения	цель	средство	цель

Каждому виду деятельности соответствует ана-

логичный смыслообразующий мотив, это означает соответствие между деятельностными и смыслообразующими мотивами и вытекает из понимания А.Н. Леонтьевым сущности деятельности как мотивационного образования. Специфика выделяемых видов смыслообразующих мотивов, как видно из вышеприведенной таблицы, обусловлена, с одной стороны, смысловым отношением, возникающим между элементами структурной деятельности, а, с другой – содержанием самих элементов. Прежде чем давать содержательную характеристику каждому виду смыслообразующих мотивов, остановимся на анализе самих элементов, составляющих структуру совместной деятельности. Характеристика этих элементов, как мы покажем далее, самым тесным образом связана с такими свойствами мотивации, как ее активный и пассивный характер.

Некоторые авторы связывают активность деятельности и мотивации с предметно-преобразовательным отношением человека к действительности, причем одни видят в этом отношении свойство активности (Г.С. Батищев, 1969), а другие наоборот, свойство пассивности, в смысле подчиненности субъекта логике объекта, логике внешней ситуации (В.В. Давыдов, 1979). Существует позиция, в которой активность мотивации связывается с уровнем присвоения индивидом социальных форм деятельности, начиная с включения индивида в ближайшее семейное окружение и кончая включенностью в целостную социальную систему (В.А. Ядов, 1979). Есть традиция, идущая от В. Штерна – связывать активность-пассивность мотивации с активным или реактивным способом воздействия личности на среду, на особенности его саморегуляции.

Интересную интерпретацию активности мотивации мы видим в работах Д.Б. Богоявленской (1979), проведенной совместно с И.А. Петуховым (1979), где было показано, что интеллектуальная активность является результатом тесного взаимодействия интеллектуальной и мотивационной подсистем. Именно поэтому в одних случаях сравнительно менее высокие способности, стимулирующиеся ярко выраженной познавательной потребностью, могут обусловить выход на эвристический уровень интеллектуальной активности, в других же случаях, несмотря на ярко выраженные способности, мотивационные факторы интеллектуальной активности оказывают тормозящее влияние на ее проявления. Выделенные характеристики активности мотивации созвучны тому, что выделено в работах А.В. Петровского (1985), называвшего феномен активной мотивации феноменом «надситуативной» активности личности. Большой интерес для содержательного раскрытия феномена активности мотивации представляют идеи, развиваемые В.Г. Асеевым (1976), в частности, его идеи

относительно двух видов мотивации: собственной потребности в деятельности и целевой установки, связанной с получением конкретного результата с помощью этой деятельности [4].

Краткий обзор проблемы активности мотивации обнаруживает большое разнообразие позиций, на первый взгляд, по мнению И.Г. Кокуриной [3], весьма противоречивых. «Но при ближайшем рассмотрении между ними обнаруживаются и признаки сходства. Дело в том, что мотивационная активность разными исследователями изучалась, как правило, на основе разных мотивов, так как она может обнаруживаться и в коммуникации, и в преобразовательном мотиве, и в любом другом и, следовательно, может иметь разное предметное содержание» [3]. В рассматриваемой стимульно-смысловой модели трудовой мотивации и предложенной классификации смыслообразующих мотивов активно-пассивный (динамический) характер мотивации в разных мотивах будет иметь разное содержание, но каждый мотив при этом имеет две смысловые ориентации: процессуальную и результативную.

Процессуальная смысловая ориентация означает, что активность человека ограничена заданными рамками деятельности. Процессуальная ориентация особенно ярко проявляется в репродуктивной активности целей, результатов деятельности, на саму деятельность, например, на совершенствование мастерства, там, где эталон результата задан заранее

Результатирующая ориентация обозначает более высокий уровень активности. Именно ориентация на результат чаще всего заставляет человека выходить за предписанные ему рамки деятельности, получение этих результатов открывает человеку существование таких целей, которые «на деле создают не только предмет, но всегда и нечто дальнейшее, непридвиденное, и, как правило, более значительное. Содержание динамического аспекта мотивации в таблице 1, приведенной ниже.

Таблица 1

Интерпретация динамического аспекта мотивации

Тип мотивации	
Результатирующая мотивация	Процессуальная мотивация
1. Преобразовательный мотив	
Ориентация на получение результата ради самого результата	Ориентация на деятельность ради самого процесса, ради достижения мастерства
2. Коммуникативный мотив	
Ориентация на активное взаимодействие с другими, на общение в процессе профессиональной деятельности, на помощь другому человеку	Ориентация на сохранение позитивных взаимоотношений с другими
3. Утилитарно-прагматический мотив	

Ориентация использовать свой труд для удовлетворения других потребностей, не связанных с данной профессиональной деятельностью	Ориентация на профессию как на трату энергии, сил, стремление к сохранению здоровья в труде
4. Кооперативный мотив	
Ориентация рассматривать свою профессиональную деятельность с точки зрения его общественной полезности, необходимости для других людей, для общества в целом	Ориентация рассматривать свою профессиональную деятельность с точки зрения его полезности для близких и родных
5. Конкурентный мотив	
Ориентация быть лучше других, иметь высокий престиж, авторитет	Ориентация быть не хуже других, или хотя бы быть как все
6. Мотив достижения	
Ориентация на преодоление преград, стремление ставить перед собой сверхзадачи	Ориентация на самосовершенствование, на развитие своих способностей

На основе классификации мотивов и выделения в каждом типе результирующей и процессуальной ориентации можно дать следующую содержательную характеристику каждому мотиву и каждой мотивации в нем:

- преобразовательный мотив. Стремление к решению интересных задач, ориентация на получение результата ради самого результата, либо стремление достичь мастерства в работе, любить работу саму по себе;
- коммуникативный мотив. Стремление к установлению контакта с другими людьми, помощи другому, решению проблем этого другого человека; либо стремление сохранить и упрочить достигнутые с другими позитивные межличностные отношения;
- утилитарно-прагматический мотив. Стремление делать только то, что приносит очевидную пользу для субъекта, позволяет удовлетворить другие потребности и интересы, не связанные с профессиональной деятельностью; либо стремление в работе сохранить себя, свое здоровье, не тратить лишнюю энергию;
- кооперативный мотив. Стремление рассматривать свою работу с точки зрения ее необходимости для других людей, для общества в целом; либо рассматривать свой труд с точки зрения его необходимости для близких и родных;
- конкурентный мотив. Стремление быть первым среди лучших, иметь высокий авторитет, успех в глазах окружающих, либо стремление быть не хуже других, получить от других одобрение, позитивную оценку;
- мотив достижения. Стремление к преодолению трудностей в решении поставленной цели, стремление к успеху в решении самой задачи; либо стремление к самосовершенствованию, ориентация на себя как на объект преобразования. И.Г. Кокурина [3] предлагает представленную выше

классификацию социально-психологических видов деятельности и соответствующих мотивов положить в основу стимульно-смысловой модели трудовой мотивации. Суть этой модели составляет идея о различии природы мотивов-стимулов и смыслообразующих мотивов. Выяснение того принципиального положения, что основу мотивов-стимулов составляет категория «предмета», а основу смыслообразующих мотивов категория «смыслового отношения», дало возможность изучать профессиональную мотивацию как процесс, т. е. как предметно-смысловое единство, состоящее, с одной стороны, из законченных структур (мотивов-стимулов), а с другой – из складывающихся между ними смысловых отношений, составляющих содержание смыслообразующих мотивов.

Однако это определение еще не содержит понимания специфики именно профессиональной трудовой мотивации. Эту специфику мы видим, прежде всего, в предметном содержании тех мотивов-стимулов, которые актуализируют и объективируют смыслы трудовой деятельности человека, отражая наиболее значимые формы стимулирования труда.

Следовательно, профессиональная (трудовая) мотивация может быть определена как процесс наполнения смыслами наиболее значимых стимулов труда, в результате чего возникает структура в виде иерархии смыслообразующих мотивов, способная оказывать обратное влияние на профессиональное поведение человека. Представленная классификация смыслообразующих мотивов содержит в себе идею о существовании таких базовых мотивов-смыслов, сочетание которых друг с другом может дать всю основную «палитру» трудовой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Изд-во МГУ, 1972.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб.: Питер, 2008.
3. Кокурина И.Г. Социально-психологические аспекты мотивации трудовой деятельности: дисс. ... канд. психол. наук. – М.: Изд-во МГУ, 1984.
4. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. – М.: Мысль, 1976.

Е.А. БОБРОВ: К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

Хулапова А.А.

В статье рассматривается научная деятельность преподавателя крупных российских университетов Е.А. Боброва (1867–1933), представителя русского лейбницианства. Анализируется психологическая теория критического индивидуализма Боброва, раскрывается специфика психологических воззрений ученого, своеобразие его научной позиции в контексте отечественной истории психологии.

Ключевые слова: лейбницианство, критический индивидуализм, субстанция, личность, самосознание, бытие, экзистенциализм.

Целью науки истории психологии является изучение и реконструкция психологических представлений на разных этапах культурной эволюции человечества. На сегодняшний день в отечественной истории психологии имеются неисследованные моменты, отдельные персоналии остаются неизвестными современным ученым. Одним из таких полузабытых деятелей науки является Евгений Александрович Бобров (1867–1933), преподаватель крупных российских университетов (Юрьевского, Казанского, Варшавского, Донского).

Профессор Бобров – талантливый литературный критик, историк философии и психологии, активный деятель-организатор, создатель концепции критического индивидуализма. Его характеризует энциклопедичность интересов и широкий кругозор, он является автором большого количества научных трудов. Свои исследования Е.А. Бобров вел в области философии, логики, психологии, литературы, эстетики. Он в совершенстве владел несколькими иностранными языками, читал в подлинниках Аристотеля, Платона и других древнегреческих философов. Персона Боброва интересна также тем, что был первым профессором, кто начал преподавать психологию в Варшавском университете, а после революции 1917 г. – Донском (ныне – ЮФУ). В связи с этим, Бобров является возможным основателем Ростовской психологической школы. Вот почему нам представляется важным исследовать научное наследие Е.А. Боброва, проанализировать его психологическую концепцию, а также определить специфику его психологических воззрений в контексте отечественной истории психологии.

Объектом нашего исследования выступает творчество Е.А. Боброва, его философско-психологическое

наследие: биографические материалы и труды профессора, произведения о нем, а также архивные материалы, рукописи, переписка с ведущими учеными конца XIX – начала XX вв.

Литературная деятельность Боброва представлена статьями и философско-психологическими сочинениями, которые либо выходили отдельными изданиями, либо публиковались в дореволюционных журналах «Вопросы философии и психологии», «Журнал министерства народного просвещения», «Исторический вестник», «Русская старина», собственном издаваемом журнале «Вопросы педагогики» и др.

Наиболее известны среди произведений Боброва четырехтомная «Литература и просвещение в России XIX в.» (1900–1903), шеститомная «Философия в России» (1899–1903), где ученый систематизировал большое количество редких, архивных материалов, а также работы по психологии – «Из истории критического индивидуализма» (1898), «О самосознании» (1898), «Психологические воззрения древних греческих философов» (1906). Многие произведения Боброва находятся на стыке наук: философия, литература, эстетика, логика, психология, педагогика. Профессор был убежден, что научный характер и логика, и психология могут получить только в том случае, когда преподавание их основано на историческом фундаменте. «Не случайно, – пишет журналист В.В. Смирнов, – в «Большой энциклопедии» Южакова его называют философом, а в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона – писателем. Попасть в главные энциклопедии России – большая честь» [5, с. 253]. Статья в энциклопедии С.Н. Южакова была опубликована, когда Боброву было всего

34 года, по современным меркам он считался бы молодым ученым.

За все время своей научно-педагогической деятельности (более 40 лет) профессор Е.А. Бобров написал сотни научных трудов и при этом вел активную преподавательскую деятельность. Современники отмечали, что Бобров был блестящим педагогом и активным организатором студенческих кружков, научных семинариев. Вокруг профессора сформировался круг из его учеников и последователей, развивавших его научные идеи. Это выпускники историко-филологического факультета Казанского университета А.О. Маковельский (впоследствии профессор Азербайджанского университета), И.И. Ягодинский, Н.Н. Сретенский и др. Ученые называли себя «критическими мыслителями» и разделяли взгляды своего учителя, что отчетливо прослеживается в их работах, посвященных истории античной философии и взглядам Г. Лейбница. И.И. Ягодинский и Н.Н. Сретенский в советское время преподавали в Донском (с 1925 г. – Северо-Кавказском) университете вместе с Е. Бобровым, вели курсы педагогики и психологии.

Интересный факт из жизни Е.А. Боброва можно найти в архивных документах, которые свидетельствуют о том, что в 1928 г. профессор пожертвовал свою обширную библиотеку, содержащую более 18 тыс. томов, Северо-Кавказскому Университету. Эти книги хранились в Дерпте, откуда Бобров не мог вывезти во время империалистической, а затем гражданской войны. Университет организовал пересылку библиотеки профессора из Дерпта в Ростов. Помимо книг, представляющих собой весьма большую научную коллекцию, библиотека Е.А. Боброва заключала в себе полные собрания сочинений русских писателей, которые в академической библиотеке университета отсутствовали [7]. Основу собрания профессора составляли издания по философии (редкие диссертации и издания Лейбница), иностранные классики в подлинниках, литература по истории религий, собрание сочинений, относящихся к истории Казани и Дерпта, запрещенные заграничные русские издания и многое другое. «Среди совершенно уникальных изданий, составлявших собрание Боброва, были библиографические редкости: инкунабула Ямблиха, «Анатомия»... А. Везалия, несколько книг редчайших изданий Н.Е. Струйского... в переплетах из белой кожи и белого атласа внутри» [6, с. 42]. Это был уникальный дар. В довоенное время многие ученые работали с коллекцией Боброва. К сожалению, во время Великой Отечественной войны, университетская библиотека лишилась этого уникального собрания сочинений.

Научные воззрения профессора Е.А. Боброва развивались в рамках персоналистического (лейб-

ницианского) направления философии, полагающего в основу мировоззрения принцип личности, индивидуального самосознания. Свою концепцию профессор именовал критическим индивидуализмом, она занимает достойное место в ряду талантливых систем русских неoleyбницианцев – «панпсихизма» А.А. Козлова, «монистического спиритуализма» Л.М. Лопатина, «интуитивизма» Н.О. Лосского и др.

Вслед за Г. Лейбницем, Бобров считал, что душа и тело образуют единство, существует только мир индивидуальных духовных субстанций, являющихся основой бытия. Идея индивидуализма оказывается приоритетной потому, что, полагал ученый, в своем самосознании человек находит себя, прежде всего в качестве отдельного индивида. Окружающая реальность, внешний мир существуют для человека не сами по себе, а в свете его субъективных представлений о них. Душа наделяет предметы внешнего мира пространственно-временными отношениями, поэтому, считал Бобров, следует отказаться от попыток познать бытие во внешнем мире и вернуться к тому, что самоочевидно для субъекта и не нуждается в доказательстве – к его собственному бытию, к индивидуальному «я», которое осуществляет разнообразную мыслительную деятельность и о котором можно построить знание [3].

Критицизм обращается к психологическому исследованию нашего знания, ограничивает его пределы областью собственного сознания и показывает, что весь так называемый внешний мир есть призрак. Все знания о существовании внешнего мира мы получаем благодаря деятельности нашего самосознания. Представление об окружающей действительности создается у субъекта при помощи мышления по аналогии (убежденности в подобии других существ нам), проектирования (перенос знаний о себе на другие существа) и субстанцирования (мы приписываем им такое же самостоятельное существование, каким обладаем сами) [3].

В данной теории время, пространство, материя считаются представлениями мыслящего субъекта. Наши мысли, чувства, желания и ощущения являются актами реальной деятельности мыслящей субстанции, т. е. внешний предметный мир представляет собой мир кажущийся, а внутренний, психический есть мир реальный. Сравнивая это понимание с тем пониманием внешнего мира, каким мы пользуемся в нашем житейском обиходе, мы не можем не отметить резкой разницы. Внешний мир в обычном понимании, есть мир материальный. Сложно вообразить, что время и пространство – это всего лишь образующиеся в сознании представления. Особенно непросто это понять по отношению к времени, так как непосредственно создаваемые психические деятельности возникают и исчезают во времени, которое кажется

столь же реальным, как и сами деятельности. Однако лейбнизианцы убеждены: идея времени возникает в нас только благодаря узости нашего сознания, так маленькие дети и животные не сознают идеи времени, которое для них и не существует [4].

В рамках теории критического индивидуализма Бобров разработал учение о бытии. Понимание бытия лишь как наличного, непосредственно осознаваемого существования субъекта, согласно Боброву, является недостаточным. Профессор утверждал, что существует четыре рода бытия: идейное (содержание отдельных актов мышления), субстанциальное (непосредственное сознание «Я»), реальное (деятельности сознания) и координальное (соотносительное, связывает все элементы сознания воедино). Наличное бытие познающего субъекта едино, его единство заключается в субстанции, в «я», без которого нет ни существования, ни идейного, ни реального бытия, ни координации.

Бобров приходит к выводу, что самосознание, будучи элементом, который своим существованием обуславливает наличие и функционирование всех остальных, и есть субстанция. Кроме того, в самосознании находится и единственный источник нашего знания о бытии, ведь в понятие бытия мы вкладываем непосредственно осознание своего существования, знание о себе, своих «деятельностях» и содержании этих деятельностей в их единстве и отношении друг к другу [2]. Самосознание (непосредственное сознание человеком своего действительного существования) является необходимым компонентом, основой и условием как рациональной деятельности субъекта, его мышления, памяти, так и психической координации, представляющей собой какой-либо целостный момент существования субъекта, в котором присутствуют его мысли, чувства, переживания, ощущения.

С позиций критического индивидуализма Бобров критикует не только материализм как метафизическое учение (поскольку оно имеет свою онтологию), но и объективный идеализм (универсализм) платоновского и гегелевского типа за то, что в основу учения кладётся «общее», а не «личность, индивид, особь» [1]. Сознание и индивидуальная субстанция – вот основа новой метафизики, согласно Боброву.

Е. Бобров не раз задавался вопросом, насколько можно надеяться на распространение критического индивидуализма и нет ли каких-либо особенностей в принципах этого мировоззрения, препятствующих его повсеместному признанию. Ученый пришел к выводу, что эта теория требует значительного напряжения мышления, продолжительного углубления в отвлеченные проблемы, а также большой смелости и самостоятельности. Поэтому истинный и строгий критицизм в соединении с индивидуалистической

метафизикой, согласно Боброву, не подлежит пропаганде [1].

Действительно, в наше время это направление не имеет прямых последователей и приверженцев. Однако русские неолейбнизианцы предвосхитили ряд идей современного персонализма. Персонализм повлиял на возникновение и развитие религиозного экзистенциализма в России. Положение о субстанциальной природе человеческого «Я» получило развитие в работах Н.О. Лосского, С.Л. Франка, В.В. Зеньковского.

Учение о критическом индивидуализме, которого Бобров придерживался всю свою жизнь, имеет много общего с современной экзистенциальной психологией. Экзистенциалисты утверждают, что не следует разделять мир на объективную и субъективную сферы, подлинная философия должна исходить из единства объекта и субъекта. Это близко положению Лейбница о монадах как субстанциальном единстве души и тела. Общим является также представление о методе изучения человеческой души.

Экзистенциалисты используют феноменологический метод, который позволяет, не выходя за пределы индивидуального сознания, выявить сущность объективной действительности. Согласно, представителям неолейбнизианства, основным методом психологии является самонаблюдение, интроспекция. Познание стремится к истине, но истину во внешнем мире познать нельзя. Следует отыскивать идеи в своем разуме интроспективно, т. е. путем внутреннего воззрения самих себя [1].

Е. Бобров разрабатывал свою теорию не только в области теории познания, но и пытался применить ее в педагогике как технологию, как практический метод освоения знаний. Профессор убежден, что индивидуализм имеет громадную теоретическую важность и широкое приложение в истории, философии, также в социологии, юриспруденции, политической экономии и т. п. [1].

Концепция критического индивидуализма является значительной составной частью русского персонализма и отечественной традиции психологического изучения личности. Своеобразие научно-академической позиции Боброва проявляется в нескольких моментах. Во-первых, мы наблюдаем феномен провинциального русского профессора: Бобров не преподавал в столичных университетах, что наложило определенный отпечаток на его произведения. Волею судьбы он оказался на окраине России, в Дерптском университете, наполовину немецком городе, затем в Казани, в Варшаве, наконец, в Ростове-на-Дону, в котором до 1915 г. не было высших учебных заведений, соответственно не существовало развитого научного сообщества. Во-

вторых, Бобров был приверженцем преобладающих философских направлений: широко распространены в столичных кругах в то время были академическое гегельянство, кантианство. Лейбницианство, персоналистическая метафизика не пользовалась популярностью: мысль, провозглашавшая в основе бытия индивидуальные духовные субстанции, владела умами немногих. В-третьих, после революции 1917 г. царившая в стране идеологическая атмосфера лишила Боброва возможности открыто выражать свои взгляды, приверженность персоналистической метафизике; не эмигрировал он и за границу, как многие другие лейбницианцы (например, Н.О. Лосский, А.С. Аскольдов).

Говоря о значении Боброва как историка философии и психологии, следует отметить, что он соответствует критериям, по которым негласно оцениваются ученые: у него были ученики и последователи, разделявшие его воззрения (можно говорить о существовании научной школы), он способствовал расширению сферы человеческого знания посредством новых идей и научных исследований.

Ценность научной деятельности Боброва заключается в ее просветительском характере, в желании познакомить читателей с первоисточниками, а также с новейшими материалами. Для русской науки конца 19 века критические статьи Боброва, его обстоятельные и живые изложения философских систем, многочисленные исторические экскурсы представляли весьма ценные материалы. Его работы всегда имели большое воспитательное

значение, ведь Бобров был профессором, педагогом. Однако психологические взгляды Боброва, его оригинальная теория, имели отклик только в дореволюционное время. Мысли о субстанциональности человеческой души, координации ее элементов ни в советское время, ни в наши дни не получили общественного признания. Данная работа является одной из первых попыток вернуть труды Е.А. Боброва в научный оборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров Е.А. Историческое введение в психологию. – Ростов н/Д, 1916.
2. Бобров Е.А. О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А.А. Козлова. – Казань, 1898.
3. Ивлева М.И. О понятии бытия в философии Е.А. Боброва // История философии. – 1999. – № 4. – С. 199–206.
4. Козлов А.А. Мысли о некоторых философских направлениях // Свое слово. – СПб, 1898. – № 5. – С. 73–160.
5. Смирнов В. «Умереть не без ума». Профессор Донского университета // Дон. – 1993. – № 8–9. – С. 253–256.
6. Тарасова М.Н. Из истории научной библиотеки Ростовского государственного университета: начало // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Сборник статей. – Краснодар: КГУКИ, 2007. – Вып. 4. – Ч. 1. – С. 25–52.
7. ГАРО Ф. – Р-46. – Оп. 1. – Д. 197.

МОТИВАЦИОННО-СМЫСЛОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ – ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

**Васильева О.С.,
Калачинская О.А.**

Данная статья посвящена исследованию личностных особенностей военнослужащих, находящихся в экстремальных условиях. Показано, что недостаточная представленность широких социальных мотивов в структуре ценностных ориентаций военнослужащих, сужает возможности побуждения их к профессиональной деятельности и затрудняет процесс социальной адаптации. Отмечено, что высокий уровень нервно-психической устойчивости, наличие осознанных и значимых целей у военнослужащих напрямую коррелируют с применением конструктивных стратегий поведения. Коррекция мотивационно-смысловой сферы позволяет повысить толерантность личности к деятельности в экстремальных условиях.

Ключевые слова: экстремальная ситуация, мотивационно-смысловая сфера, толерантность, социальное здоровье.

Актуальность психологических исследований человека в экстремальной ситуации (далее ЭС) определена значительным ростом экстраординарных и чрезвычайных событий в современном мире. Постоянно увеличивающийся темп и ритм жизни, развитие всё более сложных технологий, нестабильное социально-экономическое положение в стране, различного рода стихийные, техногенные аварии и катастрофы, терроризм, вооруженные конфликты, ведут ко всё большей рисконасыщенности современного общества. В настоящее время предъявляются всё более высокие требования к самостоятельности, инициативности, предприимчивости человека, его возможности принимать верные решения в ЭС. Опыт участия Сухопутных войск Северо-Кавказского военного округа (СВ СКВО) в военных событиях последнего времени убедительно подтверждает тот факт, что без всестороннего научного исследования и оценки особенностей проявления человеческой психики в экстремальных ситуациях, без оптимальной предварительной психологической подготовки, направленной на повышение толерантности военнослужащих к деятельности в экстремальных условиях, крайне сложно достичь высокой активности воинов и эффективного решения ими боевых задач в ЭС.

Об особой актуальности психологических исследований военнослужащих в экстремальных условиях свидетельствует рост публикаций по общим проблемам локальных военных конфликтов и по вопросам, связанным с их морально-психологической стороной. Однако в области

изучения личности в ЭС исследовательский интерес сосредоточен преимущественно на негативных травматических последствиях экстремального опыта субъекта (ПТСР, психогении, психические травмы) с преобладанием психофизиологических подходов к анализу личности. Практически отсутствуют исследования ценностно-смысловой сферы военнослужащих, которая выступает в качестве детерминанты системы категорий, посредством которых человек упорядочивает своё видение мира и соответственно этим представлениям, овладевает поведением в ситуации борьбы мотивов (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев, А. Тэшфел, И.В. Абакумова, О.С. Васильева, Л.Р. Правдина).

Целью работы является повышение толерантности военнослужащих СВ СКВО к деятельности в экстремальных условиях. **Предмет исследования** – процесс служебно-боевой деятельности военнослужащих СВ СКВО. Набор **исследовательских методик**, применявшихся на разных этапах эксперимента, включал: многоуровневый личностный опросник «Адаптивность-02» (МЛО-АМ); фрайбургский личностный опросник (FPI); опросник «Социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда; методику исследования стратегий преодолевающего поведения Хобфолла (SACS) [6, с. 215]; личностный опросник «Персональное выгорание» (ПВ) (данная методика адаптирована нами на основе модели К. Маслач и С. Джексона); опросник Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина определения уровня реактивной и личностной тревожности.

Основные положения исследования

1. Толерантность к ЭС проявляется в выборе стилей и стратегий поведения, которые детерминированы системой таких личностных характеристик как: уровень нервно-психической устойчивости (НПУ), коммуникативного потенциала, социально-психологической адаптации, самооценки, самопринятия, невротических черт личности.
2. Индивид, в зависимости от уровня актуализации психологических компонентов (особенно мотивационного и эмоционально-волевого), выбирает наиболее продуктивный в конкретном контексте, с его точки зрения, способ поведения: дистанцирование или поиск социальной поддержки; действия направленные на решение или удаление от ЭС.
3. Воспитание у личности ответственности, уверенности в себе, в своей эффективности, нацеленности на достижение успеха посредством формирования социально-ориентированной иерархии мотивов-смыслов деятельности в конкретных ЭС; овладение приёмами саморегуляции по приведению своих психических состояний в условиях воздействия психогенных факторов – являются психологическими условиями толерантности к деятельности в ЭС.
4. Достижение оптимального уровня толерантности военнослужащих СВ СКВО к эффективному выполнению служебно-боевых задач в ЭС, возможно в процессе учебно-тренировочных занятий, путём коррекции мотивационных основ, развития навыков преодоления трудностей служебной и боевой деятельности.

Практическая значимость результатов исследования состоит в разработке программы тренинга повышения толерантности военнослужащих к деятельности в экстремальных условиях, которая может быть использована для оптимизации системы психологической подготовки военнослужащих СВ СКВО. Применение результатов исследования позволило оказать эффективную психологическую помощь военнослужащим, участвующим в Грузино-Осетинском конфликте и в учениях, проводимых войсками СКВО («Кавказ–2008», «Кавказ–2009»).

Первый этап (2006–2008) – поисково-теоретический. На I этапе были отобраны наиболее эффективные методы исследования социально-психологических характеристик личности, обуславливающих её устойчивость к ЭС. Объектом исследования стали 130 военнослужащих (в/сл) разных категорий 889 Командного пункта СКВО, в возрасте 18–43 лет.

На основании проведённого теоретического и эмпирического исследования сделаны следующие выводы.

1. Толерантность к деятельности в ЭС проявляется в выборе конструктивных и неконструктивных стилей и стратегий поведения, которые детерминированы системой таких личностных адаптационных характеристик как: уровень НПУ, невротических черт личности, коммуникативного потенциала, социально-психологической адаптации, самооценки, самопринятия и принятия других [4]. Чем выше адаптационные способности человека, тем выше эффективность деятельности, тем чаще используются конструктивные стратегии поведения при увеличении интенсивности воздействия экстремальных факторов внешней среды. К наиболее часто используемым военнослужащими конструктивным моделям поведения относятся: «вступление в социальный контакт» – **84,9%** и «поиск социальной поддержки» – **87,7%** (см. рис. 1). К активной стратегии преодоления прибегает лишь **65,6%** военнослужащих. Наиболее высокие показатели использования пассивной стратегии преодоления: **97,3%** военнослужащих в своих действиях применяют «осторожное» поведение. Такие модели поведения как: «избегание», «манипулятивные действия», «агрессивные действия» используют более **70%** военнослужащих.

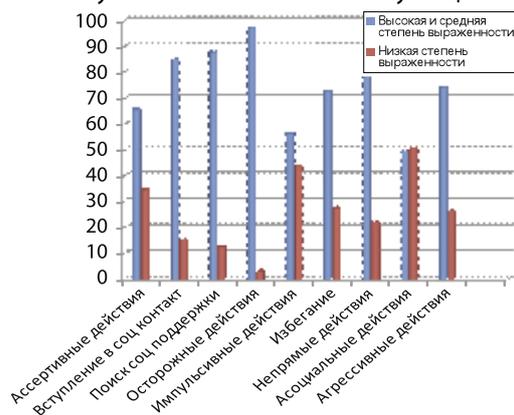

Рисунок 1. Гистограмма степени выраженности принятых моделей поведения

Отмечен низкий процент применения военнослужащими активного преодоления в совокупности с положительным использованием социальных контактов (что указывает на низкую толерантность человека) – **17,8%** (с высокой степенью выраженности использования моделей); **38,3%** (с высокой и средней степенью выраженности использования моделей).

2. Испытуемые, имеющие низкий уровень толерантности к экстремальным условиям имеют плохо развитое самосознание, слабую структуру представлений о себе, пессимистичны, имеют низкую мотивацию достижения и требуют внешнего контроля за своим поведением. У военнослужащих,

имеющих низкий уровень социальной адаптации, отмечены низкие интегральные показатели «самопринятия» – **38,3 %** (среднегрупповой показатель «принятия себя» – 23 балла, «непринятие себя» – 37 баллов); «принятие других» – **29,1 %** (среднегрупповой показатель «принятия других» – 12 баллов, «непринятия других» – 35 баллов). Высокие значения по шкале эскапизм (более 23 баллов) и ведомость (более 25 баллов). **13,6 %** личного состава имеют низкие показатели «поиска социальной поддержки», «вступления в социальный контакт» в совокупности с высокими показателями импульсивности, асоциальности действий и неспособностью конструктивного планирования будущего, что позволяет сделать прогноз о возможности развития предиспозиционной дезадаптации у данной категории.

- Военнослужащие, имеющие высокий уровень социальной адаптации, относятся к своей жизни осмысленно (до **98 %** имеют как краткосрочные, так и далеко стоящие цели). Противоположные результаты отмечены у военнослужащих, имеющих низкий уровень социальной адаптации: лишь **18 %** имеют «весенние» цели (достижимые в период от 2 до 5 лет).

Второй этап (2008–2009) – диагностико-экспериментальный. На данном этапе был проведён сравнительно-диагностический анализ нервно-психической устойчивости, уровня реактивной тревожности, используемых стратегий поведения в ЭС и других личностных характеристик; разработана и апробирована программа повышения толерантности личности к деятельности в ЭС. Объектом исследования стали военнослужащие СВ СКВО, принимавшие участие в учениях «Кавказ 2008–2009»: военнослужащие погранзастав 4 Военной базы (н. п. Джава); пострадавшие в ходе операции по принуждению республики Грузия к миру (236 военный госпиталь, г. Владикавказ) – 271 человек. Как показывают проведённые исследования, около 25 % военнослужащих, находящихся в экстремальных условиях, на момент обследования, имеют низкий уровень НПУ, склонны к нарушению психической деятельности при значительных психических и физических нагрузках, характеризуются высоким уровнем тревоги, сниженным эмоциональным фоном настроения. Данная категория наиболее склонна к проявлению агрессивного, импульсивного и манипулятивного поведения (более 18 баллов по шкале SACS), к нарушению социальной адаптации. У данных военнослужащих выявлена несформированность ценностно-смысловой сферы. Более 35% опрошенных военнослужащих характеризуются возможностью умеренного нарушения психической

деятельности в ЭС, неадекватными самооценкой и восприятием окружающей действительности; склонностью к асоциальным действиям, поиску социальной поддержки (от 15 до 19 баллов по шкале SACS). Связь неконструктивных форм поведения с усталостью, отсутствием целеустремлённости, ощущением нерезультативности пережитого коррелирует со снижением самооценки и отсутствием волевой напряжённости.

В ЭС, из-за отсутствия времени для поиска нестандартных решений и поведения, человек осуществляет выбор из известных вариантов, проявляя особую ответственность, т.к. повторение выбора (в отличие от повседневной деятельности) невозможно. ЭС требует от личности социальной лабильности, развитой персональной идентичности, являющейся отправной точкой процесса личностного и социального самоопределения [2, с. 47]. Как отмечает А. Асмолов, в ЭС происходит переориентировка личности в сложной системе отношений смыслообразующих мотивов и личностных смыслов, что проявляется в творческом преобразовании самой ситуации, в саморазвитии индивидуальности, когда происходит преобразование нормативно-ролевого отношения личности в мотивационно-смысловое [1, с. 391–416]. Пусковым механизмом психологической готовности в ЭС выступает мотивационный компонент, как важнейший фактор активности.

Третий этап (2009–2010) – описательно-итоговый. На данном этапе объектом исследования стали 118 военнослужащих Командного пункта ПВО 4ВА по призыву в возрасте 19–25 лет. Исследовались: система ценностных ориентаций и выбор стратегий поведения в ЭС у субъектов, имеющих успешный опыт преодоления ЭС (принимавших участие в миротворческих операциях, локальных военных конфликтах (1 группа); прошедших программу тренинга повышения толерантности и коррекции мотивационно-смысловой сферы (2 группа) [5]. Проводился сравнительный анализ стратегий поведения у данных военнослужащих и у молодого пополнения – военнослужащих, не участвовавших в программе тренинга (3 группа).

В результате опроса было установлено, что военнослужащие высоко ценят такие терминальные категории как: общественное признание (уважение окружающих, товарищей по службе) – **60,2 %**; любовь к Родине – **58,1 %**; войсковое товарищество (наличие хороших и верных друзей) – **51,3 %**; патриотизм (причастность к делу по защите Отечества) – **37,7 %**; воинская честь и достоинство – **33,5 %**. Идеалы добра и справедливости ценят лишь **24,1 %** опрошенных. Для более **80 %** военнослужащих являются значимыми категории – счастливая семейная жизнь, здоровье,

отсутствие материальных затруднений. Проведенный анализ показывает, что мотивы военнослужащих весьма противоречивы. Доминирующими являются побуждения, связанные со взаимоотношениями в группе (семье) и чувством воинского долга (около **40 %** опрошенных оценивают службу в ВС РФ, как выполнение патриотического долга перед Родиной; остальные относятся к службе в армии, как к установленной законом обязанности, которую должны выполнять).

В ходе сравнительного анализа исследуемых стратегий поведения в 3-х группах военнослужащих, нами получены следующие данные.

1. К наиболее часто используемым военнослужащими конструктивным моделям поведения относятся: «вступление в социальный контакт» (среднегрупповой показатель в I группе – 26,1; II – **27,2**; III – 24,8); «поиск социальной поддержки» (I – 23,8; II – 21,6; III – 24,1); «ассертивные действия» (I – **31,5**; II – 27,6; III – 21,3) (см. рис. 2). К активной стратегии преодоления прибегают около 80 % военнослужащих 1 и 2 групп и лишь 65,6 % военнослужащих 3 группы.

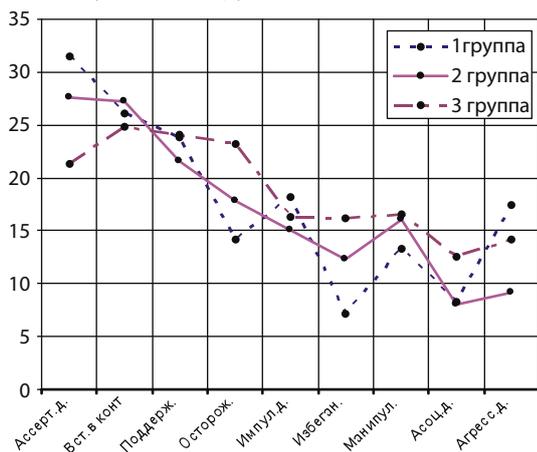

Рисунок 2. Гистограмма среднегрупповых показателей моделей преодоления.

2. Отмечен высокий процент применения военнослужащими I и II групп активного преодоления в совокупности с положительным использованием социальных контактов – **45,3 %** (с высокой степенью выраженности использования моделей); **68,3 %** (с высокой и средней степенью выраженности использования моделей).
3. Наиболее высокие показатели использования пассивной стратегии преодоления отмечены в III группе – около **80 %** военнослужащих в своих действиях применяют «осторожное» поведение (среднегрупповой показатель в I группе – 14,2; II – 17,8; III – **23,2**).
4. Для военнослужащих I группы характерны более высокие показатели применения импульсивных

(I – 18,2; II – 15,0) и агрессивных (I – 17,5; II – 9,1) действий, по сравнению со стратегиями военнослужащих II группы.

5. Использование таких моделей поведения как: «избегание», «манипулятивные действия», «асоциальные действия» с высокой степенью выраженности – не характерно для военнослужащих I и II групп.
6. Среди военнослужащих I и II групп не выявлена категория лиц, имеющих низкие показатели «поиска социальной поддержки», «вступления в социальный контакт» в совокупности с высокими показателями импульсивности, асоциальности действий, неспособностью конструктивного планирования будущего (отсутствуют признаки диспозиционной дезадаптации).

Анализ теоретических источников, практических данных по исследуемой проблеме позволяет сделать вывод о том, что толерантность к ЭС представляет собой структуру, включающую эмоциональные, волевые, познавательные, поведенческие составляющие, в которой системообразующим фактором выступает личностная мотивация. К числу факторов, способствующих повышению толерантности к деятельности в ЭС, относятся: наличие осознанных и значимых целей, применение конструктивных моделей поведения, способность к эмоциональному самоконтролю, высокая самооценка, оптимизм, способность к установлению социальной поддержки. Эти факторы можно целенаправленно формировать в тренингах повышения толерантности к кризисным и ЭС.

Структура смысловой сферы субъекта является интегральным показателем толерантности к ЭС. Учитывая высокую побудительную силу широких социальных мотивов, очевидно, что их недостаточная представленность в структуре мотивов военнослужащих, сужает возможность побуждения их к профессиональной деятельности. Отсутствие ясного основания и цели участия военнослужащих в локальных военных конфликтах является причиной несформированности личностных смыслов профессиональной деятельности военнослужащих. Чем выше степень осмысленности, тем выше толерантность к деятельности в ЭС (чаще используются уверенные, адаптивные стратегии поведения) и наоборот. Коррекция ценностно-смысловой сферы личности должно быть одним из главных направлений мероприятий первичной психологической помощи пострадавшим от экстремальных факторов боевой обстановки.

Каждый человек – это уникальный и неповторимый мир, который воплощает в себе общечеловеческие ценности и обретает реальность в профессиональной деятельности. Чем выше степень успешности

любой формы деятельности, тем выше ощущение собственной ценности, активности и способности к самоактуализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М.: Смысл, 2001.
2. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2001.
3. Калачинская О.А., Гребенюк О.С. Психологическая реабилитация военнослужащих, принимавших участие в операции по принуждению Грузии к миру // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – Москва: Изд. центр «Социальное здоровье России», 2009. – № 3.
4. Калачинская О.А. Конструктивные стратегии поведения, как регулятор социального здоровья личности // Северо-Кавказский психологический вестник. – Ростов-на-Дону: КРЕДО, 2008. – № 6/4.
5. Калачинская О.А. Особенности формирования мотивационной структуры молодёжи на современном этапе // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – Москва: Изд. центр «Социальное здоровье России», 2011. – № 1.
6. Смирнов Б.А., Долгополова Е.Б. Психология деятельности в экстремальных ситуациях. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2007.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПЕЧАТНЫХ И ИНТЕРНЕТ-СМИ УЧАСТНИКОВ ТЕРАКТА В АЭРОПОРТУ «ДОМОДЕДОВО»

Седых Н.С.

В статье рассматриваются результаты анализа дискурса сообщений печатных и интернет-СМИ о теракте в аэропорту «Домодедово». Предмет исследования – способ структурирования высказываний в печатных и Интернет-СМИ и других Интернет-ресурсах, которые отражают особенности социальной репрезентации и социальной маркировки террористической деятельности и личности террористов.

Ключевые слова: *средства массовой информации, терроризм, террористический акт, террористическая деятельность, социальные репрезентации, информация, воздействие, социальная маркировка, дискурс.*

Терроризм как социальное явление многолик и многогранен. Однако общепризнанно, что современный терроризм неразрывно связан с деятельностью средств массовой информации, которые относятся к дискурсивным системам и участвуют в производстве и воспроизводстве типизированных значений.

Важно отметить, что в научных кругах на сегодняшний день не сложилось однозначного и общепринятого определения дискурса. В контексте нашего исследования мы будем исходить из понимания дискурса, предложенного крупнейшим современным дискурсологом Тойном ван Дейком: «Дискурс – это коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и другими) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте» [3, с. 3]. В современном информационном обществе дискурс является атрибутом социальной реальности. С одной стороны дискурс формируется общественными отношениями, а с другой – формирует их. Показательно, что многими современными исследователями дискурс рассматривается как важный и неотъемлемый агент коммуникации, который выступает носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований. Например, Патрик Серио считает, что дискурсы представляют собой «динамическую деятельность, конструирующую смысл». Причём, по его мнению, «...воображаемое получает, таким образом, совершенно реальное, материальное воплощение» [3, с. 5].

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что исследуя дискурс, необходимо анализировать текст в качестве социальной репрезентации. При этом

необходимо учитывать, что под социальными репрезентациями подразумеваются идеи, мысли, образы, ценности, знания и практики, разделяемые людьми и формирующиеся в социальных взаимодействиях, прежде всего, под влиянием средств массовой информации. Неслучайно С. Холл отмечает, что медиа обладают властью «предписывать» событиям некий смысл, интерпретируя их определенным образом и придавая данным интерпретациям статус общепризнанной «правды» [11, с. 35].

Нами разработана авторская методика анализа дискурса сообщений печатных СМИ и Интернет-ресурсов, содержащих информацию о террористах и их деятельности. Предмет исследования – способ структурирования высказываний в печатных и Интернет-СМИ и других Интернет-ресурсах, которые отражают особенности социальной репрезентации и социальной маркировки террористической деятельности и личности террористов [7].

Нами был проведён анализ дискурса сообщений о теракте, произошедшем в аэропорту «Домодедово» 24.01.2011. Примечательно, что на страницах печатных и Интернет-СМИ представлен ряд статей со сходной тематикой и содержанием. В частности, «Дело смертника передали молодыми // За теракт в «Домодедово» арестованы несовершеннолетние» [4]; «Дело смертника стало родственником // За теракт в «Домодедово» арестованы несовершеннолетние» [5]; «За теракт в «Домодедово» задержаны дети» [1]. Очевидно, что в заголовках указанных статей социальный акцент сделан на том, что по подозрению в причастности к особо тяжкому преступлению, терроризму задержаны несовершеннолетние граждане, являющиеся родственниками террориста-смертника, взорвавшего себя в аэропорту «Домодедово».

В этой связи целесообразен анализ дискурса статьи, по названию «Дело смертника передали молодым // За теракт в “Домодедово” арестованы несовершеннолетние», опубликованной на страницах газеты «Коммерсант» и представленной в Интернет-пространстве [4]. Следует отметить, что данная статья является одной из наиболее информативных среди подобных работ, имеющих сходную тематику.

Цель сообщения отражена в теме – «арестованы несовершеннолетние» [4]. Как известно, несовершеннолетними являются лица, не достигшие возраста, с которым закон связывает наступление дееспособности. Вместе с тем несовершеннолетние – это лица, не достигшие полной социальной и психологической зрелости. Соответственно, такое название статьи вызывает когнитивный диссонанс у читателей, т. е. психологический дискомфорт, порождаемый противоречием между имеющимся устоявшимся представлением и свежей поступающей информацией. Общеизвестно, что терроризм является особо тяжким преступлением и олицетворяет собой социальное зло. В то же время несовершеннолетние воспринимаются как незрелые с правовой и морально-психологической точки зрения личности и, следовательно, неспособные к организации такого тяжкого преступления.

Следует отметить, что в тексте статьи уточняется возраст арестованных «15-летний Ахмед и 16-летняя Фатима Евлоева» и их родственные связи с террористом «... арестованы младший брат и сестра Магомеда Евлоева, взорвавшего себя в аэропорту “Домодедово”» [4].

Вместе с тем сообщается, что «третьим привезли друга смертника Евлоева – Адама Ганижева» [4]. Важно отметить, что брат, сестра, друг – это указание на родственные и межличностные отношения, а не на преступный союз. Показательно, что аргументированность ареста комментируется таким образом: «молодые люди якобы знали о том, что Магомед Евлоев собирается взорваться в Москве, но не только не воспрепятствовали этому, но даже помогли террористу. Чем именно, следствие пока не сообщает» [4].

«Отвечать за теракт пока придется несовершеннолетним родственникам смертника», – констатируется в статье [4]. Такая формулировка не оправдывает социальных ожиданий граждан, поскольку в правовом государстве отвечать за преступление должны преступники. Вместе с тем в статье сообщается, что ответственность за организацию данного теракта «взял на себя лидер “Имарата Кавказ” Доку Умаров». Однако уточняется, что «Умарова поймать никак не могут», «Дело смертника передали молодым» и указывается причина, «только потому, что они являются родственниками предполагаемого террориста!» [4].

Очевидно, что такая причинно-следственная связь порождает ощущение социальной несправедливости. В этой связи вполне обоснованной выглядит морально-этическая оценка ситуации, данная провозащитником Ингушетии Магомедом Хазбиевым: «Это же надо дойти до такого! Задержать и арестовать несовершеннолетних, тем более девушку. Это абсурд и дикость – брать людей только потому, что они являются родственниками предполагаемого террориста!» [4]. Следует отметить, что он акцентирует внимание на том, что арестована девушка. Это усиливает негативную социальную окраску ситуации, поскольку социально-культурные нормы предписывают защищать и оберегать девушку.

Итак, очевидно, что в качестве социальной маркировки лиц, арестованных по подозрению в причастности к теракту, используются следующие понятия – «несовершеннолетние», «родственники», «брат», «сестра», «девушка». Таким образом, наблюдается подмена понятий «пособники террориста», «вовлечённые в террористическую деятельность». В результате происходит смещение акцентов с антигуманной сущности терроризма на антигуманность наказания за преступление «несовершеннолетних родственников». Следствием этого является ощущение социальной несправедливости и незащищённости.

В этой связи важно отметить, что развитию социальной тревожности способствуют такие утверждения, как «Милиция, которая охраняет московские аэропорты – это предатели», «Ответственность за теракт в “Домодедово” должна лечь на плечи милиции», приведенные в статье «Смертник в “Домодедово” пообещал убить всех // Стала известна последняя фраза смертника из “Домодедово”» [8]. Авторитетность данной позиции подкрепляется следующим примечанием «заявил эксперт в комментарии ER-Portal.ru». В качестве эксперта называется «летчик-испытатель, Герой Российской Федерации, начальник авиации Московского округа внутренних войск МВД России Магомед Толбоев» [8]. Следует подчеркнуть, что слово эксперт в данном контексте является социальным маркером, поскольку призвано усилить значимость сообщаемого. Как известно, эксперт (от лат. *expertus* – опытный) приглашается для исследования каких-либо вопросов, решение которых требует специальных знаний [2]. В статье указывается «он лично неоднократно проверял работу милиции в московских аэропортах» и констатируется «она не работает, в здание может зайти, кто угодно и его не проверят» [8]. Наряду с этим в статье сообщается, что сходного мнения придерживается и официальный представитель Национального антитеррористического комитета (НАК) Николай Синцов. Приводится его заявление, сделанное в эфире телеканала «России 24»: «Меры

безопасности в аэропорту «Домодедово» не были достаточными, иначе террористического акта не произошло бы» [8].

Соответственно, такая информация способствует не только возрастанию недоверия по отношению к силовым структурам, продемонстрировавшим неспособность организовать эффективную защиту от террористической угрозы, но и развитию страха перед лицом террора. Усилению данного страха способствует и безапелляционность последней фразы террориста приведённой статье. «Террорист-смертник в “Домодедово” перед взрывом крикнул: «Я вас всех убью!». Объективность этой информации подтверждается следующим уточнением: «сообщил... телеканал «Вести» со ссылкой на очевидцев» [8].

Однако реальность угрозы новых террористических актов в ближайшем будущем интенсифицируется такими утверждениями, как «Умаров пообещал продолжить проводить теракты на территории России», «Умаров обещал России “год слез”», приведёнными в статье «Смертника в Домодедово сопровождал брат» [9].

В контексте проблематики угрозы терроризма представляют интерес материалы масс-медиа, посвящённые теме вовлечения в террористическую деятельность. В этой связи показательна статья под названием «Тупо используют уже более молодых ребят, которые ничего не соображают», размещённая на страницах он-лайн версии газеты «Коммерсант». В ней приводится текст интервью с главой республики Ингушетии Юнус-Бекком Евкуровым [10]. Очевидно, что социальный акцент сообщения актуализирован в теме «используют уже более молодых ребят». В ходе интервью утверждается, что «в целом терроризм так и остался». Однако уточняется, что «частично, конечно, помолодел». «Смертники, вот там да, там помолодел», – отмечает глава республики Юнус-Бек Евкуров. Вместе с тем объясняется причина «те, которые там уже давно, они частично выбыли из строя или выходят на правильную дорогу». Описание и оценка проблемной ситуации представлена в следующих выражениях: «мы наблюдаем что тех, кого привлекают», «конечно, ничего не соображают», «поддаются влиянию» [10]. Такие формулировки указывают на то, что молодые люди, пополняющие ряды террористов, являются жертвами манипуляций. Таким образом, они репрезентируются как жертвы, а не как преступники.

Итак, проведённое исследование позволило сделать соответствующие выводы. Вышеизложенные особенности социальной маркировки, такие как «брат», «сестра», «друг», «девушка», «несовершеннолетние родственники» способствуют возникновению социальной эмпатии по отношению к лицам, участвующим в террористической деятельности.

Это обусловлено тем, что они репрезентируются как жертвы обстоятельств. Это ярко иллюстрируют такие утверждения, как арестованы «только потому, что они являются родственниками предполагаемого террориста»; участвуют в террористической деятельности, потому что их «тупо используют».

Соответственно, происходит смещение социальных акцентов с антигуманной сущности терроризма на антигуманность того, что в правовом государстве несовершеннолетние граждане подвергаются аресту по причине родственных связей с предполагаемым террористом. В то же время отсутствуют эффективные механизмы нейтрализации манипулятивных воздействий, оказываемых на молодых людей с целью вовлечения их в террористическую деятельность. Это вызывает вербальную агрессию, выраженную ненормативной лексикой, в комментариях к анализируемым статьям и провоцирует недоверие по отношению к властным структурам, не способным предотвратить такие ситуации и защитить молодёжь от негативных воздействий.

Таким образом, на наш взгляд, рассмотренные особенности социальной репрезентации и социальной маркировки лиц, участвующих в террористической деятельности порождает психологический оксюморон. Оксюморон в лингвистике представляет собой нарочитое сочетание противоречивых понятий, в результате которых возникает новое смысловое качество. Психологический оксюморон проанализированных нами сообщений в СМИ о теракте в аэропорту «Домодедово» состоит в репрезентации терроризма как вида деструктивной человеческой деятельности и участников этой деятельности как беззащитных жертв. Как известно, совмещение несовместимого в оксюмоне вызывает множество амбивалентных эмоций. Это обусловлено тем, что «если в сознание одновременно ввести логически несовместимые вещи, то механизм сознания начинает искать способ связывания их в непротиворечивое целое». Безусловно, это усиливает негативный социально-психологический эффект террористических акций и оказывает деструктивное влияние на качество жизни населения. Важно отметить, что современные исследователи констатируют, что в настоящее время в число навязчивых страхов (фобий) входят и страхи перед террором. Однако отмечается, что это не классические психиатрические фобии, подразумевающие навязчивую, необоснованную боязнь чего-либо неопределённого. Страх перед террористическим актом – глобальная угроза не только физическому выживанию, но и нормальному психическому состоянию человечества [3]. На наш взгляд, страх перед лицом террора имеет социальную природу и является следствием соответствующих представлений о терроризме, формирующихся под

воздействием дискурсивных практик СМИ. Причем одним из факторов, порождающих данный страх, является негативное позиционирование работы силовых структур, выраженное такими формулировками, как: «Милиция, которая охраняет московские аэропорты – это предатели» [8].

В этой связи следует отметить, что согласно результатам нашего диссертационного исследования, террористы преднамеренно и целенаправленно используют современные средства массовой коммуникации для усиления значения своей деятельности и достижения социально-политических целей. Это обусловлено тем, что терроризм направлен не на конкретных лиц, его цель – устрашение широких слоёв населения. СМИ используются террористами как коммуникационный канал. Терракт представляет собой манипулятивный акт коммуникации и является средством управления социально-политическими процессами, поскольку «сообщение», которое в нём закодировано, имеет своим адресатом власть. Общество выступает в качестве резонансной среды [6].

На наш взгляд, необходимо всестороннее изучение влияния дискурсивных практик печатных СМИ и Интернет-ресурсов на процесс формирования социальных представлений о терроризме и личности террористов у представителей различных социальных и возрастных групп населения. Это обусловлено тем, что результаты данного исследования, на наш взгляд, будут способствовать организации эффективного информационно-психологического противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма как его действенного продолжения; а также созданию практико-ориентированных технологий и инновационных образовательных программ, направленных на профилактику пособничества и участия в террористической деятельности подростков и молодёжи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобчинский С. За терракт в «Домодедово» задержаны дети // URL: <http://pda.utro.ru/articles/2011/02/09/955013.shtml/>
2. Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wik/>.
3. Макаров Д., Кузнецов А. Дискурсология: проблемы и вызовы сегодняшнего дня // Универсальные базы данных изданий России и стран СНГ. URL: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/12358157,2007>.
4. Мурадов М. Дело смертника передали молодыми // За терракт в Домодедово арестованы несовершеннолетние // Газета «Коммерсантъ» № 22 (4563) от 09.02.2011. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y.aspx?DocID=1581826>.
5. Мурадов М. Дело смертника стало родственным // За терракт в «Домодедово» арестованы несовершеннолетние // Газета «Коммерсантъ» УКРАИНА № 18 от 09.02.2011, СР // <http://www.kommersant.ua/doc.html?docId=1581882>.
6. Седых Н.С. Социальные последствия терроризма в контексте глобализационных процессов современности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2006.
7. Седых Н.С. К вопросу о влиянии дискурсивных практик СМИ на формирование социальных представлений о терроризме // Материалы антитеррористического фестиваля «Мир Кавказу». – Москва «КРЕДО», 2010.
8. Смертника в Домодедово пообещал убить всех // Стала известна последняя фраза смертника из «Домодедово» // Единый российский портал URL: <http://erportal.ru/about/text.shtml?18/1846,110918>.
9. Смертника в Домодедово сопровождал брат // Единый российский портал URL: <http://er-portal.ru/about/text.shtml?18/4948,110993>.
10. Тупо используют уже более молодых ребят, которые ничего не соображают // Ъ-Online, 09.02.2011 // URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=173a9394-55f1-433a-a26ae299bd8ee63c&docsid=1582024>.
11. Hall S. The Problem of Ideology – Marxism Without Guarantees // Journal of Communication Inquiry. – 1986. – Vol. 10. – N 2.

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ЧЕЛОВЕКА НА ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫЯВЛЕНИЯ У НЕГО СКРЫВАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ С ПОМОЩЬЮ ПОЛИГРАФА

Иванов Р.С.

В статье автор проводит краткий обзор литературы на тему влияния индивидуально-психологических особенностей и психопатологических состояний человека на возможность выявления у него скрываемой информации с помощью метода психофизиологических исследований с применением полиграфа.

Ключевые слова: полиграф, детектор лжи, тестирование на полиграфе, индивидуально-психологические особенности, психопатологические состояния.

В условиях развития мирового финансового кризиса криминальная ситуация в России продолжает оставаться сложной и напряженной. Рост в стране преступности требует от правоохранительных органов и спецслужб постоянного расширения и совершенствования методов, средств и технологий, применяемых при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений. В этой связи наблюдается увеличение инструментария юридической психологии, и, в частности, – появление научных методов, связанных с исследованием организма и психики человека. Одним из таких инструментов является метод психофизиологических исследований (далее – ПФИ) с применением полиграфа – «детектора лжи».

В 1993 г. метод ПФИ был допущен к применению в оперативно-розыскной деятельности на территории России в форме разновидности оперативно-розыскного мероприятия «опрос с использованием полиграфа» [9]. За прошедшие годы применение полиграфа в общественной практике нашей страны неуклонно растёт из года в год, и уже не ставится под сомнение эффективность его применения при отборе и контроле деятельности кадров, при расследовании преступлений или в ходе служебных разбирательствах, а также при производстве психофизиологических судебных экспертиз с применением полиграфа (далее – СПФЭ) [4].

Пионером становления и развития в СССР аппаратного метода «детекции лжи» стал психолог А.Р. Лурия. Работая в лаборатории экспериментальной психологии при Московской губернской прокуратуре, А.Р. Лурия имел уникальную возможность экспериментировать с лицами, подо-

зреваемыми в совершении тяжких преступлений, в период между их арестом и судом, а также после суда. Именно А.Р. Лурия сформулировал генеральный принцип современных психофизиологических методов выявления у человека скрываемой им информации: «единственная возможность изучить механику внутренних «скрытых» процессов сводится к тому, чтобы соединить эти скрытые процессы с каким-нибудь одновременно протекающим рядом доступных для непосредственного наблюдения процессов, в которых внутренние закономерности и соотношения находили бы своё отражение» [5, с. 228–234].

Предпринятый в конце 70-х – начале 80-х гг. отечественными специалистами анализ технологии одной из методик ПФИ с применением полиграфа позволил выдвинуть гипотезу о том, что существует некое единое явление, лежащее в основе этой и иных методик тестирования на полиграфе. Этому явлению для удобства дальнейшего его употребления было дано условное рабочее наименование «психофизиологический феномен».

Психофизиологический феномен (далее – ПФ) – если его описывать с позиции технологии ПФИ – заключается в том, что внешний стимул (слово, предмет, фотография и т. п.), несущий человеку значимую в конкретной ситуации информацию о событии, запечатленном в его памяти, устойчиво вызывает физиологическую реакцию, превышающую реакции на родственные (однородные) стимулы, предъявляемые в тех же условиях, но не связанные с упомянутым событием и не несущие человеку ситуационно значимой информации [10].

Психофизиология – наука, изучающая нейрофизиологические механизмы психических процессов,

состояний и поведения. Исследования с применением полиграфа являются частным методом психофизиологии [6]. Поэтому ни у кого не вызывает сомнения, что психические процессы человека оказывают значительное влияние на успешность выявления у него скрываемой информации о событиях прошлого, в условиях применения метода ПФИ. Также на специфику такой работы в большой степени влияют индивидуально-психологические особенности и психопатологические состояние испытуемого.

Несмотря на то, что в мировой практике уже предпринимались попытки оценить влияние различных факторов, в том числе психологических особенностей и психопатологических состояний испытуемых на ход и результаты ПФИ, в целом данная проблематика на сегодняшний день остается неразработанной. При этом большинство работ, посвященных исследованиям в данной области, были направлены на изучение информативности регистрируемых в ходе ПФИ физиологических параметров в зависимости от наличия той или иной патологии.

В XX в. некоторые зарубежные исследователи считали, что диапазон психических расстройств, при которых проведение ПФИ является крайне затруднительным, достаточно широк. К ним они отнесли расстройства личности, парциальную амнезию и ретардацию психического развития [12].

Вместе с тем в литературе существуют некоторые данные относительно валидности полиграфологических проверок на лицах с расстройствами личности. Так, у лиц с расстройствами личности отмечается снижение реактивности кожно-гальванического рефлекса (далее – КГР), а также нестабильность дыхания и сердечно-сосудистых реакций [15]. Аналогичные данные были получены известным американским полиграфологом Д. Ликкенем, где было показано, что у лиц с психопатией реакции в ответ на предъявление стимулов более низкие и недифференцированные, чем у психически здоровых обследуемых [13].

Наряду с этим Д. Раскин в своих исследованиях, напротив, выявил у психопатов более высокие реакции в КГР и показатели частоты сердечно-сосудистых сокращений, чем у здоровых лиц, что, по его мнению, никак не сказалось на качестве выявления скрываемой информации [14].

В исследованиях С. Аббрамса было показано, что эффективность выявления скрываемой информации у шизофреников была сравнительно низкой, при этом в ряде случаев отмечались спонтанные изменения в канале артериального давления и аперичность дыхания, при этом в канале КГР никаких изменений реактивности не обнаруживалось [11].

В нашей стране также проводилась работа по изучению данной проблематики. Так, ряд исследователей А.Я. Страумит, Н.Ф. Баскина указывали на снижение КГР у пациентов с невротоподобной формой шизофрении и больных с клиническими признаками выраженного коркового торможения различного генеза (инфекционный психоз, психоз шизофренического типа, ступорозные состояния в рамках депрессии). В то же время у пациентов с ипохондрическим синдромом (в рамках неврастении, невротических нарушений в период климакса) напротив, отмечались спонтанные (т.е. не связанных с внешним раздражителем) колебания КГР [1, 8].

Исследования С.С. Каллинер были посвящены изучению динамики КГР при черепно-мозговой травме. Так, она показала, что в остром периоде тяжелой черепно-мозговой травмы отмечался «вялый рефлекс» при быстром его угасании, в то время как при легкой травме рефлекс усиливался по сравнению со здоровыми и медленнее угасал по сравнению с пациентами, перенесшими тяжелую травму [2].

В прикладной психофизиологии существуют лишь единичные работы, касающиеся оценки влияния собственно индивидуально-психологических особенностей испытуемых на успешность выявления скрываемой информации о событиях прошлого, в условиях применения метода ПФИ.

Так, М.В. Уильям предпринял попытку оценить влияние такого психологического конструкта, как социализация, на эффективность обнаружения скрываемой информации. Интерес именно к этой характеристике личности был обусловлен эмпирическим наблюдением, что плохо социализированные индивиды обнаруживают меньший уровень возбуждения при обмане, и как следствие предполагалось, что их обман сложнее обнаружить методом ПФИ. В качестве основных результатов данного исследования автор указывает ряд выводов [17]. Во-первых, что относительно плохо социализированные индивиды с меньшей вероятностью будут верно «уличены во лжи» на основе изменений реакций в КГР, которые они демонстрируют при обмане, чем высокосоциализированные индивиды. Во-вторых, высокосоциализированные, «невиновные» испытуемые из-за их повышенной кожной реактивности в ситуации обмана с большей вероятностью будут ложно «осуждены», чем менее социализированные индивиды. Вместе с тем уровень социализации, по мнению автора, не оказывает решающего воздействия на то, будет ли правильно раскрыт обман в каждом конкретном случае.

Логическим продолжением исследований в этой области послужила работа В. Verschuerе, в которой была предпринята попытка обобщить немногочисленные и весьма противоречивые данные, связан-

ные с оценкой влияния уровня социализации на эффективность выявления скрываемой информации. Полученные учёным результаты показали, что испытуемые лица демонстрировали более низкую, по сравнению с волонтерами, реактивность вегетативной нервной системы, а также меньшую дифференцированность реакций на контрольные и проверочные вопросы. Однако пониженная реактивность вегетативной нервной системы имела незначительное влияние на эффективность выявления скрываемой информации. Кроме того, психопатические черты также не оказывали существенного влияния на эффективность детекции скрываемой информации. Таким образом, по мнению исследователя, такая личностная характеристика, как антисоциальность, связана с пониженной реактивностью вегетативной нервной системы, которая, в свою очередь, является общей особенностью для всех испытуемых, а не присуща только психопатам [16].

Наиболее современными и интересными исследованиями влияния индивидуально-психологических особенностей человека на возможность выявления у него скрываемой информации с помощью полиграфа представляется работа И.С. Козлова [3]. В исследовании приняли участие лица, привлекавшиеся к уголовной ответственности за совершение сексуальных правонарушений и проходившие стационарную комплексную судебную сексолого-психолого-психиатрическую экспертизу в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Среди индивидуально-психологических особенностей и психопатологических состояний человека к факторам, препятствующим (значительно снижающим) успешности выявления скрываемой информации, И.С. Козлов отнёс нарушения мышления; эмоционально-волевые особенности (эмоциональная неустойчивость); нарушения памяти и ригидность психических процессов (трудности вработывания в задание и нарушения переключения внимания). Проведение ПФИ с лицами, обнаруживающими указанные выше факторы риска, сопряжено со значительными трудностями, а в ряде случаев при значительной выраженности данных факторов не предоставляется возможным.

На необходимость изучения влияния индивидуально-психологических особенностей человека на специфику применения к нему метода ПФИ обращают внимание и практикующие полиграфологи силовых ведомств [7].

Очевидно, что целесообразно продолжать работу также и в направлении изучения особенностей влияния эмоциональной сферы и способностей к саморегуляции человека на успешность выявления у него скрываемой информации с помощью полиграфа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскина Н.Ф. Особенности вегетативной реактивности при неврозах и неврозоподобных формах шизофрении (по данным сосудистых и кожно-гальванических реакций) // Вопросы психоневрологии. Труды государственного научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева – 1959z – Т. XVIII.
2. Каллинер С.С. Динамика кожно-гальванического рефлекса у больных с острой черепно-мозговой травмой черепа и головного мозга // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1960. – Т. 60. – Вып. 5.
3. Козлов И.С. Методологические аспекты применения опроса с использованием полиграфа в практике. Серия: «Юридическая психология». Научно-практическое и информационное издание. – М. ИГ «Юрист», 2010. – Вып. 3. – С. 2–6.
4. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. Серия: «Закон и право». – М., 2008. – 314 с.
5. Лурия А.Р. Диагностика следов аффекта // Психология эмоций. Тексты. – М.: Изд. МГУ, 1984.
6. Марютина Т.М., Ермолаев О.Ю. Введение в психофизиологию: учебное пособие по курсу: «Общая и возрастная психофизиология». – М., 2004.
7. Методика по проведению психофизиологических исследований с использованием полиграфа в кадровой работе, оперативно-розыскной деятельности и уголовном производстве. – М., 2008. – С. 13.
8. Страумит А.Я. Исследование кожно-гальванических рефлексов у больных с явлениями выраженного коркового торможения // Экспериментальные исследования в психиатрической и неврологической клиниках. – Л.: МЕДГИЗ, 1955.
9. Федеральный закон от 13 марта 1992 г. № 2506–1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации».
10. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // Полиграф в России 1993–2008. Ретроспективный сборник научных статей, посвящённый 15-летию применения полиграфа в РФ. – М., 2008.
11. Abrams S. The validity of the polygraph schizophrenics // J. of the American polygraph association. – 1974. – Vol. 3. – № 3.
12. Floch M. Limitation of the lie detector // J. crim. low and criminal. – 1950. – Vol. 40.
13. Lykken D. A study of anxiety in the sociopathic personality // Dissertation Abstracts. – 1955. – Vol. 16. – № 4.

14. Raskin D.C., Hare R.D. Psychopathy and detection of deception in a prison population // *Psychophysiology*. – 1978. – bl. 15. – № 2.
15. Ruilmann C.J., Gulo M.J. Investigation of autonomic responses in psychopatic personalities // *So. Med. J.* – 1950. – Vol. 43.
16. Verschuere B. et al. Antisociality, underarousal, and the validity of the Concealed Information Poligraph Test // *Biological psychology*. Department of Psychology, Ghent University. – Ghent, Belgium, 2007.
17. William M. Waild, Martin T. Orne and Stuart K. Wilson. Effects of level of socialization on electrodermal detection of deception // *Polygraph*. – 1979. – Vol. 8. – № 2.

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ****Михайлюк Е.Б.**

Статья обращается к проблеме социально-психологических факторов, детерминирующих виктимное поведение в подростковом возрасте. Актуальность проблемы объясняется ростом преступности и распространением насилия против детей этой возрастной категории.

Ключевые слова: жертва, виктимное поведение, агрессия, насилие, семейное воспитание.

Статистические данные свидетельствуют, что виктимогенная ситуация в России весьма сложная. Анализ социально-демографических характеристик виктимизации свидетельствует о неодинаковой степени криминальной пораженности представителей различных групп населения. Признано, что одной из наиболее распространенной форм агрессии в современной России является насилие в отношении несовершеннолетних.

В последние годы агрессия в отношении детей и подростков вызывает все большее беспокойство общественности и считается одной из важнейших проблем общественного здоровья и ведущей причиной детского травматизма и детской смертности.

Неблагополучные отношения в семьях, жестокость и насилие в отношении детей со стороны взрослых и со стороны сверстников, унижение их достоинства и принуждение к противоправному поведению становятся фактами повседневной жизни для большого числа несовершеннолетних. В стране сформировался устойчивый преступный бизнес по содержанию притонов, сводничеству, проституции, развитию теневого рынка сексуальных услуг и вовлечению в эту деятельность несовершеннолетних, получили распространение организованные формы эксплуатации детей в коммерческих целях.

Ежегодно более 25 тыс. подростков становятся жертвами преступных посягательств, около 2 тыс. детей, не выдерживая жестокого обращения, кончают жизнь самоубийством, около 50 тыс. подростков уходят из семей, около 6 тыс. – из детских домов и интернатов [6].

Кроме того, мало обращается внимание на такие обстоятельства, когда жертвой жестокого обращения становится ребенок или подросток в среде своих

сверстников. Взрослые (родители и учителя) нередко полагают, что ребенок, а тем более подросток, должен уметь постоять за себя в разных детских коллективах, учителя и даже родители часто не различают границ дозволенного, границ между «выяснением отношений» и откровенным насилием как преступлением.

Тем не менее, известно, что жертвой жестокого обращения в детской среде потенциально может стать любой ребенок. Наиболее уязвимыми для жестокого обращения становятся дети, отличающиеся от своих ровесников какими-либо особенностями. Они могут заключаться в этнической принадлежности, в социально-экономическом статусе родительской семьи, во внешности самого подростка, в своеобразии его поведения, в психических, характерологических свойствах личности подростка и т. д. [4].

Современные социально-экономические и политические преобразования в России ведут ко все большей общей социальной виктимизации и криминализации населения в целом. Учитывая, что для многих потерпевших то обстоятельство, что они стали жертвой преступления, не является случайным, а подготовлено их поведением, личностными особенностями (в том числе и связанными с возрастом), условиями воспитания и жизненным опытом, то есть, детерминировано наличием определенных виктимных предрасположенностей, становится необходимым рассмотрение виктимного поведения жертвы и детерминирующих его факторов.

Надо признать, что в российской психологии крайне мало экспериментальных исследований по теме виктимного поведения личности. Существуют множественные исследования изучения общих теоретических виктимологических вопросов (Л.В. Франк, В.И. Полубинский, В.Я. Рыбальская, Д.В. Ривман,

А.В. Туляков др.), есть исследования, посвященные виктимологической профилактике преступности (А.Б. Антонов, В.Г. Балашов, А.И. Долгова, С.В. Минская и др.), а также исследования, которые поднимают вопросы личной безопасности граждан (Г.М. Миньковский, Е.П. Ким, А.А. Михайличенко). Но, конечно же, этих работ явно недостаточно. К сожалению, существует еще меньше работ, которые поднимают проблематику подростковой виктимности.

На сегодняшний день имеются лишь единичные работы, изучающие психологические особенности пострадавших детей и подростков на судебно-психиатрическом материале (Э.А. Бурелов, И.Г. Морозова, И.В. Кузнецов, М.А. Догадина, Л.О. Пережогин). Но эти работы посвящаются исследованию уже «состоявшихся» жертв преступных посягательств. В то время как все более возрастает необходимость в таких исследованиях с целью профилактики [6].

До настоящего времени малоизученными оказались проблемы генезиса виктимного поведения, системы факторов, детерминирующих его возникновение, особенности поведения подростков, не ставших жертвой криминальной ситуации, но потенциально возможных жертв. Практически нет хоть сколько-нибудь удовлетворительного диагностического материала, позволяющего выявлять потенциальную виктимность личности. Также отсутствует разработанная система превентивных мероприятий, направленных на предотвращение реализации виктимного потенциала.

Понимая распространенность явления виктимной деформации личности подростка, важность его изучения для решения задач юридической и возрастной психологии, криминальной виктимологии, разработки вопросов профилактики, на наш взгляд, следует активнее обращаться к изучению данных вопросов.

В психологии существует несколько подходов к объяснению феномена формирования психологии жертвы или повышенной виктимности. Формирование виктимности рассматривают и с позиций периодизации развития личности. Виктимность, в таком случае, определяется как психологическое расстройство, причиной которого стала незавершенность одной из наиболее важных стадий развития – стадии установления психологической автономии. Психологическое рождение происходит тогда, когда ребенок обретает способность быть психологически независимым от своей матери. У ребенка развивается ощущение своего Я, которое позволяет ему брать на себя ответственность за свое поведение, взаимодействовать с другими людьми, сдерживать агрессию, справляться со страхами и тревогой. Если эта стадия завершается неудачно, вернее остается

незавершенной, то ребенок остается психологически зависимым. [3]. В таком случае у подростка формируется виктимное поведение, а у взрослых людей с повышенной виктимностью обнаруживаются паттерны поведения, свойственные ребенку. Они с трудом принимают решения, ищут помощи и поддержки со стороны, специально создают ситуации, когда решение за них принимает кто-то другой.

Во всех теориях периодизации развития личности большое значение отводится подростковому возрастному периоду. В этом возрасте оживают неразрешенные конфликтные ситуации, на поведении подростка отражаются некорректные приемы воспитания, имевшие место в более раннем возрасте. Даже в семьях, которые производят впечатление благополучных, нередко присутствует унижение достоинства подростков, внутрисемейное психическое и даже физическое насилие. Появляется немало аномалий в поведении подростков, которые проявляются в различных формах девиантного поведения, в том числе и в виктимном поведении [5].

Обращение к статистическим данным приводит к ужасающей картине. Подавляющее большинство подростков-правонарушителей обоего пола испытывали на себе преступные посягательства со стороны других лиц. Каждый четвертый подросток из числа испытанных на себе преступные посягательства подвергался изнасилованиям и другим сексуальным притязаниям, столько же грабёжам, каждый пятый – истязаниям, побоям, телесным повреждениям. Абсолютное большинство подростков в правоохранительные органы по поводу совершения против них насильственных действий не заявляло. Одни желали отомстить обидчику самостоятельно, другие молчали, боясь расправы, третьи считали преступные действия против себя малозначительными [2].

Свойственные подросткам стремление познать окружающую действительность, высокая активность, появление собственных оценок тех или иных событий и фактов, повышенная эмоциональность, внушаемость, зависимость поведения от мнения ближайшего окружения вступают в противоречие с небольшим опытом, что порождает неумение преодолевать трудности и приспосабливаться к внешним условиям. Решающую роль здесь играют формирующаяся система ценностных ориентаций личности, образцы поведения, усвоенные в семье и ближайшем окружении, которые могут отличаться виктимностью [5].

Именно семья большинством авторов называется главным институтом социализации. Е.В. Руденский [7], рассматривая роль семьи в формировании нравственности личности подростка, указывает, что нравственно-педагогическая ущербность семьи, проявляющаяся в нездоровой морально-

психологической атмосфере, грубости, неправильной линии семейного воспитания ведет к дефектному формированию личности и, как правило, к ее преступному и виктимному поведению.

По мнению Э.Г. Эйдемиллера [8], в структуре психотравмирующих отношений личности с семьей центральное место занимает эмоциональное сопровождение межличностных отношений. Авторы определяют круг таких эмоций, обычно сопровождающих психотравмирующее переживание, как состояния тоски, подавленности, страха, беспокойства, неуверенности, беспомощности, тревоги.

О.О. Андронникова [1] утверждает, что травматические межличностные отношения могут возникать в разные временные интервалы развития личности, но наиболее опасны последствиями в период детства и подростничества. Рассматривая семейную систему в этой парадигме, можно увидеть, какие проявления семейных взаимоотношений, роли, структуры и стереотипы семьи влияют на формирование черт характера личности, ведущих к виктимизации.

Э.Г. Эйдемиллер и другие авторы выделяют ряд факторов виктимизации детей в семейной структуре. Это факторы, связанные с психическими особенностями родителей, факторы, связанные с объективным состоянием социально-экономического статуса семьи, факторы, связанные с нормами и стилем семейного воспитания.

Специфика взаимодействия родителей с детьми, основанная на нарушениях эмоционально-психологического статуса родителя может заключаться в таких вариантах нарушений, как гиперопека, физическое наказание, жестокое обращение, бесчисленные замечания, критика.

К факторам повышенной виктимизации относят низкий социально-экономический статус семьи, ее жизненную неустроенность, экономическую нестабильность. В подростковом возрасте к этому может добавляться дополнительная виктимизация в рамках подростковой субкультуры.

К факторам, связанным с нормами и стилем семейного воспитания отнесены следующие: особенности стиля семейного воспитания, формирующие виктимную личность; расхождение норм и ценностей семьи, абстрактность понятия морали; конфликты в семье; алкоголизация одного или обоих родителей. Таким образом, специфика взаимоотношений в семье, ее структура, особенности членов этой семьи, особенности интеракций влияют не просто на формирование личности ребенка, а на его самооценку, что может способствовать формированию виктимных черт.

О.О. Андронникова [1] перечисляет некоторые обстоятельства, которые, вызывая невротизацию ребенка, могут приводить к повышенной его виктимности. Отвергающие ребенка родители утверждают

его в мысли, что он никчемный, у него занижается самооценка, он считает себя не способным бороться, сопротивляться, у него развивается беспомощность. Люди с повышенной виктимностью – это люди, воспитывавшиеся в дисфункциональных семьях, которые имеют несбалансированные семейные структуры; структуры, содержащие в себе людей с низким социометрическим статусом; структура, стабилизирующаяся на основе дисфункции одного из ее членов и пр.

Прямое отношение к формированию виктимности имеют так называемые патологизирующие роли в семье. Выделенные патологизирующие роли Э.Г. Эйдемиллером и В. Юстицкисом [8] («кумир семьи», «козел отпущения», «больной», «спаситель», «спасаемый» и др.) оказывают психотравмирующее воздействие на члена семьи, такую роль «исполняющего».

Таким образом, при нарушении внутрисемейных отношений создается «благоприятный» фон для формирования виктимности.

Помимо влияния семейного воспитания на формирование виктимности оказывают влияние другие социальные институты и условия развития. В частности, отрешение от различных форм досугового времяпровождения в силу коммерциализации всех сфер общественной жизни, сокращением количества доступных (недорогих или бесплатных) клубов, спортивных секций, кружков, летних оздоровительных лагерей в значительной степени виктимизирует подростка. Отсутствие средств на развлечения толкают подростков на поиск денег, нередко путем совершения противоправных действий или продажи себя, что неизменно повышает их виктимность [7].

В школе, к сожалению, тоже происходит виктимизация подростка. Школа является местом его активных взаимоотношений со сверстниками, с учителями, нарушения взаимодействия в той или иной сфере могут стать причиной виктимизации. В коллективе сверстников в процессе стихийно-группового общения возможно формирование таких виктимных качеств, как агрессивность, повышенная тревожность, замкнутость и др.

В последнее время активно обсуждается такое явление, как буллинг, связанное с притеснением, дискриминацией, насилием подростка в среде сверстников. Данный термин ассоциируется с травлей, буллинг представляет собой длительный процесс сознательного жестокого отношения, физического и (или) психического, со стороны одного или группы детей к другому ребенку (другим детям).

Наравне с влиянием социальных условий и факторов виктимизации подростков большое значение имеют особенности подросткового периода, которые виктимологи относят к факторам риска в формирова-

нии виктимного поведения. Среди них называются: повышенный эгоцентризм, склонность к протесту; амбивалентность и парадоксальность характера; стремление к неизведанному и рискованному; обостренное чувство взрослости, стремление к независимости; незрелость собственных убеждений, болезненное реагирование на пубертатные изменения; склонность преувеличивать сложность проблем; кризис идентичности, деперсонализация и дореализация в восприятии себя и окружающего мира; негативная или несформированная Я-концепция; преобладание пассивных стратегий совладания в преодолении стрессовых ситуаций и др. [3].

Подростковый возраст называют девиантным уже по определению. Поскольку виктимное поведение тоже форма девиантного поведения, то и виктимным подростковый возраст является уже по определению. Если девиантное поведение рассматривается как поведенческие отклонения от социальных, моральных, этических, правовых норм, то виктимное поведение есть поведение, отклоняющееся от норм безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андронникова О.О. Основные характеристики подростков с самоповреждающим виктимным поведением // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – Вып. 9.
2. Бердышев И.С., Нечаева М.Г. Медико-психологические последствия жестокого обращения в детской среде. – СПб., 2005.
3. Крайг Г. Психология развития. – СПб., 2000.
4. Можгинский Ю.Б. Агрессивность детей и подростков. Распознавание, лечение, профилактика. – М., 2006.
5. Полтарыгин Р.В. Виктимологические аспекты преступности несовершеннолетних. – М., 2002.
6. Полубинский В.И., Ситковский А.Л. Теоретические и практические основы криминальной виктимизации. – М., 2006.
7. Руденский Е.В. Культурогенетическая концепция социально-педагогической виктимологии личности подростка. – Новосибирск, 2000.
8. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – Л., 1990.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРАТАКАМ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

**Сарычев Н.В.,
Волков С.И.**

Анализ существующих международных политико-правовых документов позволяет предположить, что именно комплексный подход, учитывающий две концепции (ограничение информационной агрессии, с одной стороны, и психологическая минимизация ее последствий – с другой), является наиболее эффективным направлением работы по регулированию в сфере информационного противоборства и организации противодействия информационному экстремизму и терроризму.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационное противодействие, кибертерроризм, кибератаки, компьютерные преступления.

Следует различать информационное противоборство (борьбу) в широком (во всех сферах) и узком смысле слова (в какой-либо сфере, например в политической).

Информационное противоборство (борьба) – форма борьбы сторон, представляющая собой использование специальных (политических, экономических, дипломатических, военных и иных) методов, способов и средств для воздействия на информационную среду противостоящей стороны и защиты собственной в интересах достижения поставленных целей.

Основные сферы ведения информационного противоборства:

- политическая,
- дипломатическая,
- финансово-экономическая,
- военная,
- космическая.

Следует выделить два вида информационного противоборства (борьбы): информационно-техническое и информационно-психологическое.

При информационно-техническом противоборстве главные объекты воздействия и защиты – информационно-технические системы: системы передачи данных (СПД), системы защиты информации (СЗИ) и так далее.

При информационно-психологическом противоборстве главными объектами воздействия и защиты являются следующие.

1. Система принятия политических и экономических решений.
2. Система формирования общественного сознания.
3. Система формирования общественного мнения.

4. Психика политической элиты и населения противостоящих сторон.

Информационное противоборство включает три составные части.

Первая – стратегический анализ, вторая – информационное воздействие, третья – информационное противодействие.

России следует незамедлительно рассмотреть возможность создания специального организационно-управленческого и информационно-аналитического механизма (инструмента), который сможет выполнять организационно-управленческие и информационно-аналитические функции по разработке и проведению информационных операций (оборонительных и наступательных).

Назрела необходимость создания в России системы информационного противоборства, частью которой должна стать внешнеполитическая пропаганда. России для того, чтобы выигрывать информационные войны, необходимо создать специальные организационно-управленческие и аналитические структуры для противодействия информационной агрессии против нашей страны.

Так, после начала грузинской агрессии 8 августа 2008 г. президент России Д.А. Медведев, прервав отпуск, принимает решение: военной силой прекратить геноцид осетинского народа и принудить грузинское руководство к миру. Для Саакашвили и его заокеанских покровителей действия России стали полной неожиданностью. Ожидали дипломатических заявлений, а в ответ на агрессию против Южной Осетии и убийство российских миротворцев регулярные российские воинские части с тяжелой боевой техникой: танками, гаубицами, системами залпового огня, авиацией – перешли Рокский пере-

вал. Российские войска вошли не только в Южную Осетию, народ которой в августе 2008 г. подвергся огню на уничтожение со стороны грузинских войск, действовавших поистине с жестокостью фашистов, но и в Абхазию, чтобы предотвратить возможность повторения югоосетинской трагедии. После наказания агрессора в соответствии с нормами международного права непрерывно нарастает информационное давление на нашу страну, которая защитила осетинский народ от уничтожения. По сути, в августе 2008 г. против России была развернута грязная информационная война. Активное участие в ней принимали, прежде всего, американские и британские СМИ. В материалах CNN, Би-би-си и ряда других СМИ доминировали антироссийские материалы. В США, Великобритании и некоторых других странах усилились попытки формирования негативного образа России.

Агрессивная антироссийская пропаганда пытается навязать мировому сообществу отрицательные информационные клише о России. К сожалению, «пятидневная августовская война» на Кавказе показала нашу несостоятельность в отстаивании своих целей и интересов в мировом информационном пространстве.

Поэтому России в ближайшее время нужно сформулировать и дать адекватный информационный ответ, в первую очередь, на европейском и постсоветском пространстве. Прошедшее после «пятидневной августовской войны» на Кавказе время показало, что пока российская политическая элита пытается сделать соответствующие выводы после информационной агрессии США, Великобритании и ряда других стран против России. Прошло несколько публичных мероприятий с участием ведущих российских экспертов, на которых анализировался ход информационной войны против России (17 сентября 2008 г. – организованный Общественной палатой «круглый стол» «Информационная агрессия против России: методы противостояния», 2 октября 2008 г. – организованная партией «Справедливая Россия» Международная конференция «Информационные войны в современном мире»).

Главная проблема, которая была очевидной в ходе дискуссий, – это явная недооценка роли информационного противоборства современной российской политической элитой в условиях усиления глобальной экономической и геополитической конкуренции в мире.

После принуждения Грузии и ее заокеанских покровителей к миру геополитическая и геоэкономическая роль России в мире во многом будет определяться тем, сможет ли она создать эффективную систему информационного противоборства. Время требует одновременного создания мощных

информационно-аналитических и информационно-пропагандистских структур, предназначенных для реализации информационных моделей урегулирования конфликтов [1].

России необходимо восстановить свой потенциал механизма внешнеполитической пропаганды, который был основательно разрушен в 90-е гг. В этой сфере, как и в сфере ядерных вооружений, к сожалению, произошло одностороннее информационное разоружение. К концу 90-х гг. прошлого века, например, на всем африканском континенте не осталось ни одного российского корреспондентского пункта, ни одного представительства отечественных информационных агентств. Сегодня эту «информационную нишу», которую мы покинули после распада СССР, активно заполняет Китай.

Очевидно, что провал 90-х гг. был осознан российским руководством. С приходом к власти президента В. Путина началось постепенное уверенное восстановление утраченных позиций. Ключевым шагом в этом направлении является создание в 2006 г. спутникового телеканала Russia Today. Напомним, что ведущий западный новостной канал CNN был создан в 1980 г. В СССР выделялись огромные деньги на строительство и развитие ракетно-ядерных сил. Однако денег на создание советского спутникового телеканала не нашлось.

Власть России должна умело управлять информационными потоками, наладив конструктивное сотрудничество со СМИ, российскими и зарубежными. Должна быть исключена ситуация 8–11 августа 2008 г., когда даже в новостных программах на российских государственных телеканалах Саакашвили показывали больше, чем лидеров России. За счет заблаговременно подготовленных информационно-пропагандистских операций противнику удалось некоторое время навязывать свои комментарии происходящих событий.

На принципах системности и многоуровневости должна быть построена информационная деятельность российского государства на федеральном, региональном и международном уровнях. Власть должна своевременно, в режиме реального времени предоставлять свои комментарии к происходящим событиям в мировое информационное пространство. Власть должна уметь эффективно применять преднамеренные утечки государственными структурами в масс-медиа «сенсационной информации». Суть подобной обоюдовыгодной «сделки» заключается в создании посредством подобных публикаций (репортажей) благоприятного имиджа России в мировом информационном пространстве.

Важным аспектом являются необдуманные, нескоординированные, неполные, подверженные двойному толкованию комментарии происходящих

событий, касающиеся конфликтных регионов. В этом случае неподготовленные выступления перед прессой, интервьюирование «на ходу», неопределенность формулировок в конечном итоге осложняют ситуацию, порождают слухи и недоверие к властям. Такая «информационная среда», кроме того, способствует дестабилизации обстановки в стране. Власть должна была заранее разработать и внедрить ряд «домашних заготовок». Ведь конфликты развиваются, как правило, на протяжении длительного периода времени. Суть информационных моделей урегулирования конфликтов должна заключаться в оперативном «вбросе» в СМИ заранее подготовленных комментариев для урегулирования ситуации [1].

С учетом вышеизложенного, предлагаем рассмотреть возможность создания системы противодействия информационным операциям геополитических противников России, включающей ресурсы, как государства, так и крупного бизнеса, институтов гражданского общества.

Целесообразно сделать ответ на усиливающееся информационное давление – создать государственную систему информационного противоборства с участием крупного бизнеса, которая была бы способна аккумулировать, координировать и направлять все информационные действия. Также нужно резко усилить финансирование программ информационного противоборства. Мероприятия информационного противоборства должны финансироваться по принципу главного приоритета. Сегодня финансирование программ информационного противоборства более важно, чем финансирование программ ядерного

сдерживания. Информационное оружие более опасно для России, чем оружие ядерное. И это необходимо признать политической элите России.

Следует создать частно-государственную систему управления проведением мероприятий информационного противоборства различных уровней: общефедерального, профессионального, группового и индивидуального.

Необходимо начать частно-государственный процесс формирования позитивного имиджа России за рубежом, прежде всего в Европе. Российский национальный бизнес должен перейти от стратегии покупки футбольных клубов к стратегии покупки крупнейших мировых СМИ для изменения их антироссийской информационной политики.

Расширить информирование русскоязычного населения всех стран мира. Нельзя ограничивать эту работу только рамками СНГ (хотя наши ближайшие соседи, конечно же, должны быть регионом особого внимания).

Естественно, что каждая страна сама должна вырабатывать шаги для снижения собственных специфических рисков, однако необходимо выработать и дальнейшие международные меры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панарин И. Информационные войны – реальный фактор геополитики. Системы информационного противоборства // ЦентрАзия – записная книжка (справочник) специалиста по Центральной Азии. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1224016740> (дата посещения: 20.05.2011).

ХАРАКТЕРИСТИКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ЕЁ ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ

Березин И.Г.

Статья посвящена наиболее важным элементам характеристики несовершеннолетних, в отношении которых совершаются преступления сексуального характера, в ней дана классификация групп несовершеннолетних в зависимости от обстановки и способа преступления, показано их значение.

Ключевые слова: личность несовершеннолетнего, классификация групп несовершеннолетних, обстановка и способ совершения преступлений, криминальные ситуации.

Анализ информации, связанной с преступлениями сексуального характера, совершаемыми в отношении несовершеннолетних, в том числе малолетних детей, позволяет, на наш взгляд, сделать несколько принципиальных выводов.

Во-первых, ситуация действительно что называется, перезрела. В качестве примера достаточно привести выступление Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина в 2009 г., когда был отмечен значительный рост преступлений против детей, в том числе, сексуального характера, и особенно таких, которые совершаются как будто бы по согласию ребенка – более чем в 20 раз за последние несколько лет.

Еще в одном выступлении, но уже в 2011 г., на расширенном заседании коллегии Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкиным были названы следующие цифры: 30 тыс. преступлений указанной группы совершены против несовершеннолетних, в том числе более 9,5 тыс. изнасилований. 384 жертвы этих преступлений не достигли возраста 14 лет [1].

То есть количество, удельный вес, динамика и другие признаки указанных преступлений говорят только об ухудшении ситуации.

Во-вторых, по различным причинам официальные цифры не показывают реального, еще более тревожного положения дел. Здесь можно указать и случаи, скрываемые родителями (чаще всего матерями пострадавших детей), и факты принятия незаконных и необоснованных процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовных дел, и изменение квалификации деяний в связи с тем, что следователи не смогли собрать доказательства, позволяющие выдвинуть обвинение против преступника, и пре-

ступления, которые не стали достоянием гласности из-за несообщения по разным причинам об этом самим ребенком, и т. д.

В-третьих, решение задач, связанных с выявлением исследуемой группы преступлений, их полным и всесторонним раскрытием и расследованием, не может осуществляться только на основе имеющегося опыта лиц, работающих в следственных органах. К тому же этот опыт на сегодняшний день очень незначительный, поскольку многие следователи, работающие в Следственном комитете Российской Федерации, обладают стажем следственной работы менее одного года или менее трех лет, что тоже не очень много.

Показателен такой пример: на вопрос о том, куда необходимо определять несовершеннолетних, пострадавших от преступлений, если подозреваемым является отец (отчим), постоянно проживающий с ребенком в одном жилище, а мать, зная о длительно совершаемом преступлении, оправдывает своего мужа или сожителя и не обеспечивает ребенку безопасные условия, следователи либо вообще не знают ответ, либо говорят об инспекции по делам несовершеннолетних, центрах временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей, учреждениях образования и т. д.

То есть большинство из них даже не знает о социально-реабилитационных центрах несовершеннолетних или социальных приютах несовершеннолетних, где есть подготовленные для работы с такими детьми педагоги и психологи, а также все условия для их безопасного проживания и учебы. Допрос несовершеннолетнего, а особенно малолетнего потерпевшего или свидетеля, производство других следственных действий с их участием пред-

ставляют для таких следователей значительную трудность.

Кроме неопытности сотрудников имеется очень много трудностей, обусловленных спецификой преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Она, в свою очередь, обусловлена, прежде всего, особенностями криминальных ситуаций, складывающихся в процессе подготовки и совершения преступлений, основу которых составляют признаки обстановки, способа преступления и личности ребенка.

Говоря о несовершеннолетнем, необходимо иметь в виду многогранную характеристику его личности. Здесь и возрастные особенности, и особенности психологического характера, влияющие на формирование поведения преступника по отношению к ребенку. Кроме того есть и другие не менее важные факторы, связанные с формированием личности несовершеннолетнего и определяющие высокую вероятность попадания отдельных групп детей в криминальные ситуации.

Следует отметить существующую тенденцию к более дробной дифференциации возраста несовершеннолетних и изучению их психологических особенностей применительно к этой классификации. Особенно это касается детей, не достигших 12 лет.

Предлагается градация: до 3 лет, от 3 до 5 лет и от 5 до 7 лет (дошкольный возраст), 7–10 лет (младший школьный возраст), далее выделяется средний школьный (11–15 лет) и старший школьный возраст (15–17 лет).

Проводимые нами исследования подтверждают правильность такой подробной классификации. Особенно наглядно это проявляется в случаях нападения на детей по сексуальному мотиву. Здесь, прежде всего, бросается в глаза то, что большая часть жертв (около 30 %) имеет возраст 10–11 лет и не обособляется преступником по половому признаку. Еще около 20 % детей-жертв таких нападений достигли к моменту совершения в отношении них преступлений 14 лет и также нет явного преобладания какой-либо половой группы (мальчики составляют около 60 %, а девочки – около 40 %).

Таким образом, половина всех жертв нападений с целью убийства по сексуальному мотиву – малолетние дети. Их объединяет то, что несовершеннолетние, входящие в эту группу в силу особенностей мыслительных и личностных качеств, отсутствия должного жизненного опыта не могут применять неблагоприятный социальный прогноз непосредственно к себе и собственным действиям, не могут предвосхищать развитие ситуации в реальности, а также ясно осознавать ее последствия (речь идет о ситуациях, когда дети не находятся под контролем родителей или взрослых родственников). В связи с этим даже при наличии яв-

ной угрозы (не говоря уже о ситуациях, в которых эта угроза явно не просматривается) подростки надеются избежать осложнений, уверены в своей способности оказать сопротивление, а девочки считают, что при возникновении опасности сумеют покинуть помещение, местность или другим образом не допустить нежелательного развития событий.

При этом если более молодые представители этой группы оценивают ситуации, в которых они находятся, в силу только недостатка опыта, то более старшие представители из-за неблагоприятных отношений с теми, кто отвечает за их воспитание (неполные семьи, алкоголизм родителей, безнадзорность, беспризорность и т. д.), сами способствуют легким контактам с преступниками. Последние учитывают эти свойства и либо сами находят свои жертвы в местах массового скопления людей, в том числе в местах, где проводят большую часть времени несовершеннолетние (вокзалы, остановки общественного транспорта, школы и т. д.) и затем заманивают в безлюдное место (кладбища, окраины городов, поселков), либо поджидают в таких местах, зная, что их регулярно посещают дети без сопровождения взрослых (чердаки, подвалы, общественные туалеты, подъезды многоквартирных домов и т. д.). Немаловажным фактором при выборе жертвы является также то, что, по мнению насильников, жертвы в силу своих физических данных не смогут оказать реального сопротивления.

Когда изучаем преступления, связанные с длительным сексуальным взаимодействием взрослого с ребенком под принуждением, то также в подавляющем большинстве пострадавшие от таких посягательств не достигли возраста 12 лет. Особенностью данной группы является то, что в основном это девочки. Они являются жертвами длительных принудительных сексуальных контактов со стороны родных отцов, отчимов или мужчин, проживающих вблизи девочек и имеющих возможность часто общаться с последними. Очень часто они подвержены внушаемости со стороны взрослых. Особенно часто преступники используют то обстоятельство, что находятся дома или вблизи какого-то жилья, где остаются наедине с избранной ими жертвой, и ребенок при этом не рассказывает матери или другим родственникам, или близким ему людям о таких контактах под угрозой, что преступник сделает что-то ужасное с этими близкими, и несовершеннолетний воспринимает это как реальность.

Выделяемые нами типовые криминальные ситуации, связанные с длительным взаимодействием «по согласию» ребенка, также показывают, что большинство пострадавших от таких преступлений – это дети обоих полов в возрасте до 12 лет. Мальчиков, в отношении которых совершались изученные нами преступления, больше, но сказать, что здесь есть четкая половая дифференциация, нельзя.

Так называемые «встречи по согласию» чаще всего происходят по месту работы или жительства преступника. Способом добиться такого согласия выступают чаще всего деньги. Учитывая личностные характеристики детей (из неполных и небогатых семей, обделенные вниманием, лаской, имеющие задержки в своем развитии, подверженные внушаемости и т. д.), преступникам удается за относительно небольшие суммы добиваться согласия детей и их молчания.

Такие встречи длятся довольно длительный период, о них никто не знает. Учитывая материальное положение семей, где проживают дети, то даже когда становятся известными факты сексуальных отношений, преступникам, благодаря своим высоким доходам, удается урегулировать конфликт с родителями и избежать ответственности.

Для максимально эффективного использования сведений, получаемых от жертвы преступления, необходимо учитывать не только возрастные и психологические особенности ребенка, но и его внутрисемейные взаимоотношения, отношения с окружающими вне семьи, особенно в среде сверстников, а также ситуативные факторы, способствовавшие совершению преступления в отношении ребенка.

Очень важно учесть различные этапы формирования личности несовершеннолетнего. Особенно это касается периода их развития до 12 лет. В этом возрастном диапазоне выделяется множество подэтапов, связанных с критическими, переходными периодами развития ребенка.

В эти периоды ребенок испытывает потребность в общении с взрослыми, в зависимости от степени позитивности этих отношений происходит более или менее быстрое развитие ребенка.

В дальнейшем на судьбу несовершеннолетнего влияют такие факторы, как необдуманность поведения, противостояние запретам родителей или лиц, их заменяющих и в то же время излишняя доверчивость, отсутствие способности к адекватной оценке собственных качеств и поведения, а также качеств и поступков окружающих.

Соглашаясь с тем, что свойства личности несовершеннолетних потерпевших различных возрастов обуславливают особенности их поведения в криминальной ситуации и оказывают влияние на механизм преступного события, содержание способа совершения преступления, характер и локализацию образующихся в результате следов, следует, на наш взгляд, указать на то, что для более объективной оценки таких ситуаций следует учитывать и другие факторы виктимизации несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина на расширенном заседании коллегии «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета за 2010 г. и задачах на 2011 г.» // Следователь. – 2011. – № 1. – С. 25–26.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕТА УСПЕВАЕМОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Куденцова С.Н.

В статье рассматриваются основы электронного учета успеваемости как способа получения информации о качественном состоянии учебного процесса, появление возможности проводить необходимую корректировку и совершенствование методов и форм организации учебного процесса в вузе.

Ключевые слова: технологии управления, программное обеспечение, рейтинг-контроль, автоматизация учебного процесса, информационно-образовательное пространство.

Новые технологии, автоматизация различных видов деятельности предприятий, в т. ч. и высших учебных заведений, все прочнее входит в нашу жизнь. В настоящий момент это неоднократно звучит и в выступлениях Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева, проходит стержневой нитью в политике нашей страны.

В условиях современного мира технологии управления различными процессами перекладывались на программный (компьютеризированный) язык. Программное обеспечение с использованием рейтинг-контроля, применяемое для автоматизации учебного процесса, довольно разнообразно: это зарубежные программные продукты, например, Microsoft IT Academy, и отечественные программные системы: «Вектор», «Ритм», Naumen University, «Рейтинг».

Основным видом деятельности образовательного предприятия является учебный процесс. Автоматизация учебного процесса включает в себя:

- электронное ведение учебных планов,
- составление расписания для студентов и кафедр,
- расчет педагогической нагрузки для кафедры, для конкретного преподавателя, загрузки аудиторного фонда,
- ведение базы данных студентов и преподавателей,
- отслеживание движения контингента,
- учет успеваемости с учетом балльно-рейтинговой системы обучения,
- создание различных отчетных форм.

В условиях единого информационно-образовательного пространства высшего образовательного заведения и выхода в Интернет появляется возможность создания информационных киосков, инфор-

мационного портала для персонифицированных пользователей.

Специфика медицинского высшего учебного заведения заключается в большой распределенности университета. Собрать данные об успеваемости, проинформировать кафедры, студентов порой оказывается довольно сложно. В Московском медико-стоматологическом университете только закладывается возможность выхода всех кафедр в Интернет, получения электронного почтового ящика, создания информационных киосков, информационного портала для персонифицированных пользователей, создание системы дистанционного образования. Это даст возможность более тесно связать кафедры с деканатами, наладить обмен информацией, ускорить совместную работу.

Установка программного обеспечения по типу «Клиент-Сервер» дает возможность локальным пользователям сети совместно работать над созданием единой базы данных и использованием накопленной информации для учебных целей. В программный комплекс закладывается алгоритм расчета итогового и академического рейтинга студента. В отчетных формах предусматриваются поля для отражения текущей и итоговой успеваемости.

Если программный комплекс предусматривает гибкое распределение прав пользователей системы, то имеется возможность совместной работы кафедры и деканата факультета. Тогда происходит распределение нагрузки по вводу информации об успеваемости студентов между сотрудниками кафедр и деканатов, перекрестный контроль достоверности вводимой информации.

Кафедры медицинского вуза находятся при клинических больницах. Использовать общие образо-

вательные ресурсы им может помочь разработка Web-интерфейса программного продукта, используемого в вузе при автоматизации образовательной деятельности.

В Московском медико-стоматологическом университете в настоящий момент идет активное внедрение программного комплекса «Вектор». Программа установлена в деканатах университета. Вся информация, поступающая в деканат от кафедр, руководства университета, приемной комиссии, фиксируется в комплексной информационной системе «Вектор». В будущем планируется совместная работа в программе:

- деканатов и кафедр для учета успеваемости студентов,
- планового отдела и деканатов для учета контингента студентов,
- учебного отдела, деканатов и кафедр для ведения учебных планов, составления расписания студентов и преподавателей, загрузки аудиторий,
- а также деканатов, руководства и отдела контроля и качества образования для анализа образовательной деятельности Московского медико-стоматологического университета и др.

При учете данных на электронных носителях в любой момент времени пользователям системы открывается возможность просмотра текущего рейтинга студента, группы, курса, факультета по любой преподаваемой дисциплине. Достигается одно из важнейших условий успешного внедрения балльно-рейтинговой системы – открытость системы. При возможности персонифицированного доступа к системе любой участник учебного процесса может получить соответствующую информацию из базы данных программного комплекса.

По запросу пользователь может получить визуализированный отчет об успеваемости студента/студентов. Это отвечает требованиям доступности балльно-рейтинговой системы руководителям высшего учебного заведения, ускоряет работу различных структур для получения необходимой информации.

На каждой кафедре ведется журнал учета успеваемости академической группы. Для упрощения учета успеваемости студентов, оперативности получения и достоверности информационного потока сотрудники кафедры могут вести специальный электронный журнал успеваемости, в котором преподаватель отмечает текущую успеваемость студента, его посещаемость в неких контрольных точках. Контрольные точки – это некие временные интервалы времени, в течение которых снимаются показатели успеваемости.

Достоинства такого журнала могут заключаться в том, что он легко может выкладываться на пор-

тале университета и быть доступен для просмотра определенному кругу пользователей. Такой журнал будет нести также контролируемую роль успеваемости студентов, позволяя проводить постоянное ее мониторинг. Электронный журнал успеваемости может облегчить процедуру подсчета баллов текущей и итоговой успеваемости студентов. Такие журналы можно хранить в электронном виде, создавая постепенно легкодоступную архивную базу кафедры.

Для создания электронного журнала успеваемости не требуется специальное дорогостоящее программное обеспечение. При определенных условиях он может быть реализован на базе прикладного программного обеспечения деканата/кафедры.

На сегодняшний день каждая кафедра оборудована персональным компьютером автономным или подключенным к корпоративной сети университета. На данный компьютер ставится локальная программа прикладного характера, например, Microsoft Excel, где, при помощи специального макроса, в зависимости от заданных начальных параметров, автоматически рисуется журнал успеваемости для каждой учебной группы кафедры. Здесь также, изначально, могут закладываться формулы для подсчета текущей успеваемости студента и расчета итоговой успеваемости студента. Пользоваться таким журналом легко и специальная подготовка не нужна.

В целях безопасности сохранности данных доступ к компьютеру, на котором ведется кафедрой журнал успеваемости студентов, должен быть ограничен. Данные, вводимые ответственными лицами в журнал успеваемости, должны быть запрещены к изменению. Эти требования со стороны заведующего кафедрой должны быть обязательными. По окончании семестра или цикла журналы текущей успеваемости могут быть распечатаны и подшиты соответствующим образом, как кафедральный отчетный документ.

Недостатком электронного журнала успеваемости может быть его отсутствие под рукой преподавателя и необходимость дополнительного времени на дублирование информации бумажной на электронный носитель, что в условиях медицинского высшего учебного заведения не всегда возможно.

При электронном учете успеваемости появляется понятие ведомости текущей успеваемости. В такие ведомости заносится информация об успеваемости студентов в течение семестра на контрольных точках. Заполнение кафедрой таких ведомостей может осуществляться на основе электронного журнала успеваемости, или обычного бумажного варианта журнала успеваемости.

При отсутствии доступа кафедры к единой информационной среде высшего учебного заведения, деканат самостоятельно вносит данные о накоплен-

ных баллах студента в электронную базу данных из ведомостей текущей успеваемости.

Если же кафедра имеет возможность доступа к серверу базы данных, то совместная работа деканата и кафедры существенно меняется. Задача деканатов будет заключаться в формировании к определенному сроку ведомостей текущей успеваемости, а задача кафедры вовремя внести результаты текущей успеваемости в ведомости.

Информация, вводимая кафедрой в ведомости текущей успеваемости, будет сразу попадать в базу данных. Таким образом, на контрольных точках можно всегда отследить успеваемость студента в течение семестра, как самому студенту, так и преподавателю. Чем чаще проводятся поперечные срезы успевае-

мости, тем больше контрольных точек будет иметь место, тем достовернее «свежее» информацию будет получать руководитель.

Оперативная информативность, которая постоянно доступна студенту, подвигает его к постоянному самосовершенствованию, закрытию имеющихся пробелов в знаниях, увеличению своего рейтинга, как по текущей дисциплине, так и по успеваемости в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – МГУ, 1972.
2. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. – М.: Мысль, 1976.

ИЗУЧЕНИЕ «СКРЫТОЙ ПОЗИЦИИ» В РАБОТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Олейникова А.М.

В данной статье представлены результаты исследования, посвященные изучению метода «скрытой позиции», умению применять его в своей педагогической деятельности. Результаты данного исследования позволяют выявлять те специфические особенности деятельности педагога, при которых возможно применение метода скрытой позиции. Методика «скрытой позиции педагога», в целом, едва ли не единственный способ получить результаты в тех педагогических ситуациях, когда нет других способов оказать необходимое влияние или приходится скрывать свои намерения.

Ключевые слова: метод скрытой позиции, процесс обучения.

В настоящее время существующая система образования перестала удовлетворять потребностям общества, в результате чего возникает необходимость ее модернизации. Вместе с тем, внутри системы образования имеются силы, способствующие ее совершенствованию: появляются новые педагогические идеи, развивается теория инновационной деятельности, наличествует передовая педагогическая практика. Однако они не получают широкого распространения, поскольку самое сложное в реформировании образования – это системная и целенаправленная реализация внутришкольных изменений, основанных на научном подходе и направленных на обеспечение требуемого качества образования.

В условиях решения новых задач, связанных с признанием свободного, целостного развития личности, возникает потребность в новом содержании и формах педагогического менеджмента на всех его уровнях. Анализ педагогической деятельности учителей показывает, что большинство из них во взаимодействии с детьми либо управляют детьми открыто в форме непосредственного требования, поощрения или наказания, либо манипулируют ими, противопоставляя друг другу, навязывая им свои эмоции, подводя к однозначному мнению и т. д.

Развитие образовательной ситуации и педагогической реальности предлагает усложнение управления. Учителю важно овладеть способами воздействия, которые бы учитывали всю сложность и неоднозначность многообразных явлений, существующих «внутри» педагогического процесса. Такое гибкое, ненавязчивое, «внутренне скрытое» управление наладить гораздо сложнее, чем жесткое и однозначное [1].

Учитель может добиться желаемого результата не только благодаря своим интуитивным управленческим действиям, но и за счет использования основных положений педагогического менеджмента, методики «скрытой позиции». Личность учителя, его гуманистические качества, методы и формы работы, такт, время и способ подачи информации, умение вести беседу – это лишь некоторые составляющие данной технологии, знание и использование которых позволяет добиться положительного эффекта. «Скрытая позиция» порой является порой единственным способом воздействия. Оно дает возможность учителю индивидуализировать учебно-воспитательный процесс, предполагает сохранение здоровой творческой обстановки, способствующей эффективному обучению, созданию благоприятного психологического климата в классе.

Сущность скрытой позиции в обучении заключается в том, что когда процесс обучения спроектирован, то внутренняя подоплека действий педагога, их истинных устремлений от учащихся может быть скрыта. На основе этого становится возможным, несмотря на многоплановую организацию деятельности учащихся, четко направить процесс, а проявление самой связи сделать для них неожиданной, побуждая этим учащихся обратить на нее внимание.

Осуществляя технологию «скрытой позиции», необходимо «зацепить» того, на кого оказывается управляющее воздействие. Для этой цели используются «приманки» – приемы, которые облегчают инициатору достижение своей цели, помогают привлечь внимание объекта к выгодной для него стороне дела и тем самым отвлечь от истинной цели инициатора [2]. К ним можно отнести интерес к личности, интересы собеседника, обещания и т. д. Эти «приманки»

Таблица 1

**Распределение средних значений
ответов респондентов по шкалам
«Диагностика личностной креативности»**

Склонность к риску	Любознательность	Сложность	Воображение
22,3	18,5	18,1	11,4

обеспечивают также выполнение необходимого условия технологии «скрытой позиции» – непонимание адресатом того, что им управляют.

Скрытую позицию можно обнаружить фактически в любом фрагменте, аспекте, сегменте, компоненте учебного процесса. Данное обстоятельство и делает актуальной и возможной скрытую позицию педагога.

Определение основных условий, от которых зависит эффективность реализации технологии «скрытой позиции», стало возможным благодаря анализу работ об управлении педагогическими системами (В.В. Сериков, Т.И. Шамова и др.), а также рассмотрению феномена «скрытой позиции» [3].

Возьмем, к примеру, школьных педагогов (лицей № 11 и школа № 127) г. Ростова-на-Дону и исследуем умение применять и формировать скрытую позицию.

Для изучения скрытой позиции в педагогическом коллективе были использованы следующие методики: Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (Д.А. Леонтьева), Диагностика личностной креативности (Е.Е. Туник), Экспресс-диагностика социальных ценностей личности, шкала самооценки Спилбергера, а также анкетирование направленное на умение применять и формировать скрытую позицию.

1. Результаты анализа анкетирования показали, что среди всей выборки школьных педагогов (80 чел.) 22 респондента – 27,5 % умеют применять и формировать скрытую позицию в педагогическом процессе, 26 чел. – 33 % пытаются в своей деятельности применять технологию скрытой позиции, и остальные 32 чел. – 39,5 % слабо знают и используют методы психолого-педагогического воздействия, такие как скрытая позиция.

В результате анкетирования среди преподавателей школ г. Ростова-на-Дону инновационные технологии и техники используются редко, вследствие недостаточного количества времени (личного и длительности урока) и устоявшегося перечня тем, за исключением единиц преподавателей, которые стремятся их знать и применять. Интерпретация анкеты проводилась методом контент-анализа и на основе мнений респондентов.

2. По методике «Диагностика личностной креативности» (Е.Е. Туник) были получены следующие данные. Максимальное количество баллов было набрано по шкале «Склонность к риску», а минимальное – по шкале «Воображение». Это свидетельствует о том, что из всей выборки респондентов преобладающей тенденцией является рискованная деятельность, а воображение сведено к минимуму. Рассматривая данную методику, необходимо охарактеризовать и средний суммарный показатель по каждой шкале (таб. 1).

Преобладание склонности к риску было отмечено у 53 респондентов – это составляет 66,5 % от общей выборки. Данные, полученные по этой шкале, свидетельствуют о том, что респондент как субъект будет отстаивать свои идеи, не обращая внимания на реакцию других; ставить перед собой высокие цели и будет пытаться их осуществить; допускает для себя возможность ошибок и провалов; любит изучать новые вещи или идеи и не поддается чужому мнению; не слишком озабочен, когда одноклассники, учителя или родители выражают свое неодобрение; предпочитает иметь шанс рискнуть, чтобы узнать, что из этого получится.

По шкалам «Любознательность» и «Сложность» были получены примерно одинаковые показатели, у 33 респондентов (41,5 %). Высокий балл по данным шкалам свидетельствует о следующем. Субъекты с выраженной любознательностью чаще всего спрашивает всех и обо всем, им нравится изучать устройство механических вещей, они постоянно ищут новые пути (способы) мышления, любят изучать новые вещи и идеи, ищут разные возможности решения задач, изучают книги, карты, картины и т. д., чтобы познать как можно больше. Также респонденты ориентированы на познание сложных явлений, проявляют интерес к сложным вещам и идеям; любят ставить перед собой трудные задачи; любят изучать что-то без посторонней помощи; проявляют настойчивость, чтобы достичь своей цели; предлагают слишком сложные пути решения проблемы, чем это кажется необходимым; им нравятся сложные задания.

Преобладание шкалы «воображение» представлено у 8 человек из всей выборки, это свидетельствует о том, что субъект представляет, как другие будут решать проблему, которую он решает сам; мечтает о различных местах и вещах; любит думать о явлениях, с которыми не сталкивался; видит то, что изображено на картинах и рисунках, необычно, не так, как другие; часто испытывает удивление по поводу различных идей и событий.

3. Результаты по методике «Экспресс-диагностика социальных ценностей личности» можно представить следующим образом. Интерпретация проводилась по максимальному и минимальному количеству баллов. По многим шкалам результаты были равны. В полученных данных мы получили количество человек, для которых большую и меньшую ценность

представляет одно из данных направлений. Нами приведены средние значения по шкалам, приведенные в таблице 2.

Таблица 2

Распределение средних значений ответов респондентов по шкалам методики «Экспресс – диагностика социальных ценностей личности»

Профессиональные шкалы 1 и 9	Финансовые шкалы 2 и 10	Семейные шкалы 3 и 11	Социальные шкалы 4 и 12	Общественные шкалы 5 и 13	Духовные шкалы 6 и 14	Физические шкалы 7 и 15	Интеллектуальные шкалы 8 и 16
3,2	5,1	10,4	1,6	0,7	1,8	2,3	10,5

Максимальные значения получены по семейному и интеллектуальному направлениям у 76 % испытуемых – 61 чел., а минимальное значение у 5 % (4 чел.) – по общественному направлению. Анализ полученных данных позволяет сделать следующий вывод. У большинства испытуемых преобладают интеллектуальные и семейные ценности, это позволяет утверждать, что на первом месте стоит достижение интеллектуального успеха и решение мыслительных задач.

4. По результатам «Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (Д.А. Леонтьева)» были получены следующие данные, соответствующие каждой шкале.

4.1. Полученные данные говорят о том, что среди всей выборки в 80 чел. у 25 % испытуемых преобладает тенденция, связанная с «Процессом жизни, или интересом и эмоциональной насыщенностью жизни». Баллы по этой шкале характеризуют наличие или отсутствие в жизни испытуемого целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Вместе с тем высокие баллы по этой шкале могут характеризовать не только целеустремленного человека, но и прожектёра, планы которого не имеют реальной опоры в настоящем и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию.

4.2. Не менее значительным по результатам у 25 % испытуемых является показатель «Цели в жизни». Баллы по этой шкале присущи человеку, живущему сегодняшним или вчерашним днем. Содержание этой шкалы совпадает с известной теорией о том, что единственный смысл жизни состоит в том, чтобы жить. Этот показатель

говорит о том, воспринимает ли испытуемый сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Процентный показатель по данной шкале подтверждает результаты по шкале «Процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни».

4.3. Шкала «Результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией» достигла максимальных размеров у 16 % – 14 чел. Баллы по этой шкале отражают оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть. Высокие баллы по этой шкале и низкие по остальным будут характеризовать человека, который доживает свою жизнь, у которого все в прошлом, но прошлое способно придать смысл остатку жизни.

4.4. Шкала «Локус контроля-Я (Я – хозяин жизни)» представлена максимумом у 7 чел. (8 %). Высокие баллы соответствуют представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле.

4.5. Шкала «Локус контроля-жизнь, или управляемость жизни» – у 21 чел. (26 %). При высоких баллах – убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

5. В результате анализа «Шкала самооценки» Ч.Д. Спилберга–Ю.Л. Ханина были получены следующие данные. По шкале «Реактивная тревожность» наблюдается низкая тревожность у 68 % испытуемых и умеренная тревожность у 32 %. Высокой тревожности по данной шкале не было отмечено. По шкале «Личностная тревожность» наблюдается высокая тревожность у 23 % респондентов и умеренная тревожность у 77 % респондентов.

Высокая тревожность у 19 чел. (23 %) предполагает склонность к появлению состояния тревоги у человека в ситуациях оценки его компетентности. В этом случае следует снизить субъективную значимость ситуации и задач и перенести акцент на осмысление деятельности и формирование чувства уверенности в успехе.

Низкая тревожность у 55 чел. (68 %), наоборот, требует повышения внимания к мотивам деятельности и повышения чувства ответственности. Но иногда очень низкая тревожность в показателях теста является результатом активного вытеснения личностью высокой тревоги с целью показать себя в «лучшем свете».

Полученные данные позволяют сделать следующий вывод. У большинства респондентов (по данным

проведенного исследования) присутствует наличие всех данных, которые могут быть необходимы для применения метода «скрытой позиции». Многие ее применяли (по результатам анкетирования) и на данном этапе исследования стараются ее применять в своей преподавательской деятельности. Достаточное большое количество респондентов после проведения нашего исследования заинтересовались данным методом, признали его достаточно эффективным и стремятся применять его в своей педагогической деятельности.

Таким образом, технология «скрытой позиции» отражает внутреннюю работу учителя по стимулированию познавательной активности детей, снятию их страхов и тревожности, поддержки в них чувства собственного достоинства, позволяет влиять на ребенка, опираясь на сильные стороны его личности. Объектом такого управления выступают именно система взаимоотношений, процесс взаимодействия учителя и ученика, а сам ученик рассматривается как субъект управления. В школе оно обращено к личности каждого ребенка, стимулирует его поведение, превращает трудные и сложные обязанности в источник радости, творческого настроения, в лич-

ные устремления. Эффективность использования предложенной технологии зависит как от позиции учителя по отношению к ученику, так и от уровня его общей и управленческой культуры, авторитета, убежденности в правоте своих действий, наличия у него харизматических качеств. Ему необходимо ясно понимать, что происходит с ребенком в момент управления, прогнозировать перспективы его дальнейшего развития, основываться на психолого-педагогических знаниях особенностей ребенка, среды, в которой он находится его взаимоотношений с этой средой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манджиева Е.В. Феномен «скрытого управления» в системе начального образования // Психология управления. – Элиста: АПП «Джангар», 2010. – №2 (23).
2. Шейнов В.П. Психология влияния: скрытое управление, манипулирование и защита от них. – М.: Ось-89, 2002.
3. Волков Г.Н. Педагогика национального спасения // Избранные этнопедагогические сочинения. – Элиста: АПП «Джангар», 2003.

СОДЕРЖАНИЕ Я-ФИЗИЧЕСКОГО И ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ СПОРТСМЕНОВ РАЗНОЙ СПОРТИВНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Шишковская А.В.

Успешность профессионального спортсмена связана с такими психологическими условиями, как правильное представление о своих физических возможностях и способность к саморегуляции своего психического и физиологического состояния. В статье описано исследование, направленное на изучение содержания Я-физического спортсменов и не спортсменов в связи с их особенностями саморегуляции и личностными особенностями.

Ключевые слова: психологическое сопровождение спортсменов, психическая саморегуляция, стиль произвольной саморегуляции, Я-физическое, содержание Я-физического.

Задачи исследования

1. Теоретические: выделить подходы к изучению Я-физического и сходных с ним феноменов; установить содержание Я-физического; описать на базе анализа различных подходов возрастную динамику Я-физического; рассмотреть влияние особенностей саморегуляции личности на содержание Я-физического. **2.** Методические: разработать методический инструментарий для изучения Я-физического; подобрать методический инструментарий для изучения особенностей саморегуляции, личностных особенностей. **3.** Эмпирические: осуществить описание содержания Я-физического у спортсменов, определить различия в содержании Я-физического между группами, установить взаимосвязи между содержанием Я-физического и основными регулятивными процессами, напряженностью психологических защит, базовыми стремлениями жизни, показателями осмысленности жизни.

Объект исследования: 120 мужчин, в возрасте от 20 до 30 лет, представившие вербальные версии Я-физического (КМС, МС и МСМК по пауэрлифтингу); КМС по дзюдо; спортсмены I разряда и КМС по футболу и баскетболу; не спортсмены).

Методы исследования: анализ научной литературы по проблеме исследования; психологическое тестирование, анкетирование; методы непараметрической статистики: критерий Фридмана, Вилкоксона, Манна-Уитни; процедура квартилирования; коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Методики: методика «Оценочно-содержательная интерпретация компонентов внешнего облика» В.А. Лабунской; опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой; тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана;

опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля»; тест смысловых ориентаций, адаптированный Д.А. Леонтьевым; методика «Базовые стремления» О.И. Моткова; методика самоописания; контент-анализ самоописаний; анкета для измерения самооценки Я-физического.

Результаты исследования

На основании обзора литературы по изучаемой теме, нами было теоретически и эмпирически установлено и описано содержание Я-физического, которое включает в себя: представления о своем теле, его функционировании и особенностях; представления об индивидуальных границах собственного тела; отношение к собственной внешности; представления об отдельных частях тела, их функционировании; способ самоотношения к собственному телу.

Экспериментально установлено, что содержания Я-физического субъектов различаются в зависимости от наличия или отсутствия профессионально-спортивной специализации.

1. По результатам контент-анализа самоописаний установлено, что в содержание Я-физического спортсменов и не спортсменов включены не только представления о своем теле, его функционировании и особенностях, но также представления о личностных чертах в сферах жизнедеятельности субъектов.

Дополнительные данные анкетирования, направленного на измерение самооценок параметров Я-физического позволили изучить следующие особенности в исследуемых группах респондентов: представления о границах собственного тела, об особенностях и условиях актуализации телесного самосознания, о субъективной значимости тела, его отдельных частей и функций, о способе самоотношения к телу.

С помощью методики «Оценочно-содержательная интерпретация компонентов внешнего облика» В.А. Лабунской удалось выявить различия между группами в особенностях восприятия собственной внешности. Для наглядной демонстрации различий между группами мы обобщили полученные данные и составили отдельные описания содержания Я-физического для каждой группы спортсменов и группы не спортсменов. В описаниях мы приводим также интерпретации полученных данных.

2. Группа борцов. В качестве критерия субъективного ощущения себя здоровым борцы называют общее телесное самочувствие. Среди условий актуализации телесного самосознания ведущими выступают ситуации освоения новых движений и действий. То есть борцы лучше осознают свое тело, когда осваивают и отрабатывают новые спортивные приемы, захваты и броски. Борцы осознают границы своего тела как проходящие по коже и выполняющие функции защиты от внешних воздействий. Это может быть связано с тем, что данный вид спорта является контактным, взаимодействие происходит непосредственно с соперником без использования дополнительных спортивных снарядов. Борцы демонстрируют целостное восприятие внешности, которое отражено в сознании как общая удовлетворенность своим внешним обликом. Наиболее существенными в восприятии собственного тела для них являются не внешний вид и сложение, а именно функции целого тела и его частей, среди которых наиболее значимыми оказываются спина и руки. Данные части тела максимально задействованы в каждом приеме дзюдо и исполняют функции удержания позы, равновесия, выполнения захватов и бросков. У борцов выявлен объективный способ самоотношения к телу с опорой на собственные представления. Это значит, что они стремятся контролировать проявления своего тела, в целях достижения собственных целей, спортивных результатов могут игнорировать телесные потребности и даже пойти на риск для здоровья.

3. Группа пауэрлифтеров. Пауэрлифтеры аналогично борцам называют в качестве субъективного критерия здоровья общее телесное самочувствие. Их телесное самосознание оказывается актуализированным в ситуации соматического заболевания. Возможно, это связано с тем, что данный вид спорта предполагает три базовых соревновательных упражнения, каждый из которых спортсмен должен выполнять на пределе своих силовых возможностей. Любое телесное недомогание, безусловно, сказывается на спортивных результатах и не может компенсироваться ни техникой, ни скоростью. У пауэрлифтеров представления о границах собственного тела размыты и неопределенны. Преобладает представление о пролегании границ тела по внешним объ-

ектам, находящимся в тесном и долгом физическом контакте с субъектом (одежда, сумка, спортивный снаряд и т. п.). Основные функции границ тела заключаются в отграничении субъекта от окружающей среды и определении его «местонахождения» внутри тела. Выполняя упражнения со штангой спортсмен практически образует с ней «единое целое», равномерно распределяя свой вес и вес штанги, напрягая соответствующие группы мышц. Что касается восприятия собственной внешности, пауэрлифтерам важно быть удовлетворенными своей внешностью и демонстрировать во внешнем облике гендерные черты, отражающие принадлежность к мужскому полу. В данном виде спорта действительно происходит рост мускулатуры и формирование «мужественного» телосложения. В восприятии собственного тела пауэрлифтеры наибольшее значение придают функциям отдельных частей тела, среди которых наиболее существенными называют спину, руки и ноги. Именно эти части тела задействованы в основных упражнениях пауэрлифтинга: жим лежа, приседание со штангой, становая тяга. Обнаружен объективный способ самоотношения к телу с ориентацией на требования и особенности своей профессии. Действительно, на практике мы наблюдаем как пауэрлифтеры ради набора мышечной массы и силовых качеств кардинально изменяют свой образ жизни, режим питания, привычки, принимают спортивные добавки и даже делают внутримышечные уколы препаратов.

4. Группа командных игроков. Командные игроки субъективно ощущают себя здоровыми, опираясь на общее телесное самочувствие. Для них, также как и для борцов условием актуализации телесного самосознания является ситуация освоения новых движений и действий. В данном динамичном виде спорта необходимо постоянно овладевать новыми маневрами и манипуляциями с мячом. У командных игроков преобладает представление о том, что границы тела проходят по коже и выполняют функции защиты от внешних воздействий; а также оценки роста, объемов, формы и размера своего тела в сравнении с другими объектами. Мы предполагаем, что последняя функция помогает во время игры, обеспечивая меткость передачи мяча другому игроку через поле и попадание мяча в ворота или корзину. Командным игрокам аналогично пауэрлифтерам важно быть удовлетворенными своей внешностью и демонстрировать в своем внешнем облике гендерные черты, отражающие принадлежность к мужскому полу. Командные игроки наибольшее значение в восприятии собственного тела придают функциям отдельных частей тела, среди которых наиболее существенными называют только ноги. Видимо наиболее важно для них перемещение по игровой площадке, то есть функция выполняемая ногами. Для футболистов

ноги играют важнейшую роль как средство манипуляции с мячом. Командные игроки обнаруживают смешанный способ самоотношения к своему телу с ориентацией на собственные представления. Они внимательно относятся к потребностям и особенностям своего тела и не всегда готовы их игнорировать ради достижения собственных целей.

5. Группа не спортсменов (контрольная). Не спортсмены в качестве индивидуальных критериев здоровья называют общее телесное самочувствие, а также субъективное ощущение комфортности, «прозрачности» своего тела, когда они как бы не замечают его. Данное отличие от профессиональных спортсменов по-видимому связано с тем, что спортсмены по роду деятельности чаще обращают внимание на свои телесные ощущения и самочувствие. У не спортсменов нет необходимости ежедневно оценивать собственное физиологическое состояние. Условием актуализации телесного самосознания для не спортсменов выступает ситуация спортивной тренировки. Естественно, что для них ощущения, возникающие в теле, во время и после тренировки являются непривычными и заставляют обращать внимание на особенности организма. Границы собственного тела не спортсмены воспринимают проходящими по одежде, которая на них надета, и выполняющими функции самооценки роста, объемов, формы и размера в сравнении с другими объектами. Более того, осознанность границ своего тела у них выше, чем у спортсменов. Мы предполагаем, что это связано с недостаточно развитыми навыками управления своим телом в отличие от спортсменов, вследствие чего при самооценке своего тела и положения в пространстве преобладает ориентация на объекты внешнего мира. В результате исследования восприятия собственной внешности, выявлено, что для не спортсменов важно демонстрировать в своем внешнем облике принадлежность к неким социальным ролям. То есть производимое ими внешнее впечатление должно показывать другому человеку их социальный статус. В восприятии собственного тела для не спортсменов наиболее существенными являются функции тела. Среди наиболее значимых частей тела они называют глаза и голову. Возможно, это следствие того, что в профессиональной жизни они больше опираются на информацию, полученную посредством визуального восприятия, обрабатывают информацию при помощи системы органов головы. Таким образом, данные органы являются более значимыми для их повседневной жизни. У не спортсменов преобладает объектное самоотношение к телу с ориентацией на собственные представления о своем теле. Это значит, что для достижения своих целей они могут пренебречь потребностями своего тела и даже пойти на риск для здоровья.

Особенности саморегуляции и личностные особенности субъектов, различающихся по наличию или отсутствию профессионально-спортивной специализации, связаны с представленными в самоописаниях компонентами содержания Я-физического.

Выводы

1. Мы понимаем Я-физическое как продукт самосознания, одно из измерений Я-концепции человека – совокупность представлений субъекта о своем теле, как вместилище Я, опосредующем взаимодействие субъекта с миром.
2. Содержанием Я-физического выступают отраженные в представлениях человека значимые особенности собственного тела. В содержание Я-физического включены представления о своем теле, его функционировании и особенностях; представления об индивидуальных границах собственного тела; отношение к собственной внешности; представления об отдельных частях тела, их функционировании; способ самоотношения к собственному телу.
3. Содержания Я-физического субъектов различаются в зависимости от наличия или отсутствия профессионально-спортивной специализации.
4. Особенности саморегуляции (основные регулятивные процессы, личностные особенности, базовые стремления жизни, показатели осмысленности жизни) субъектов, различающихся по наличию или отсутствию профессионально-спортивной специализации, связаны с представленными в самоописаниях компонентами содержания Я-физического.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быховская И.М. «Человек телесный» в социокультурном пространстве и времени. – М., 1997. – 212 с.
2. Конопкин О.А., Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегуляции деятельности // Психологический журнал. – 1987. – № 3. – С. 18–26.
3. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. – М., 1998. – 380 с.
4. Привалова С.Ю. Личностные аспекты саморегуляции // Научные записки НГУЭУ. – 2007. – 1.
5. Сандомирский М.Е., Кечеджан А.Г. Психологическая саморегуляция (Ретри) в предстартовой подготовке спортсмена высокой квалификации // Медицина и спорт. – 2004. – Вып. 10. – С. 25–32.
6. Уляева Л.Г. Я-физическое в структуре самосознания // Юбилейный сборник трудов ученых РГАФК, посвященный 80-летию академии. – М., 1998. – Т. 3. – С. 130–135.

**МОТИВЫ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ «ПСИХОЛОГ»
У СТУДЕНТОВ ГРУППЫ
ВТОРОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Самойлова Г.В.

В настоящем исследовании предпринята попытка выявить мотивы выбора и представления о профессии, специфичные именно для студентов, получающих второе высшее психологическое образование. В результате контент-анализа все мотивировки были условно разделены на 5 типов мотивов: профессиональные, «меркантильные», социальные, инфантильные, случайные. Проводился сравнительный анализ побудительных мотивов в отношении студентов группы второго высшего образования и студентов-первокурсников дневного отделения. Отмечалось и анализировалось изменение соотношения мотивов двух групп.

Ключевые слова: профессионализация, мотивы выбора профессии, доминирующая мотивация, типы мотивов: профессиональные, социальные, «меркантильные», случайные, инфантильные.

Выбор профессии – сложная, многоаспектная задача, которая вписана в процесс личностного развития каждого человека. Проблема профессионального самоопределения является актуальной не только в социально-возрастном аспекте, но и в личностном. Правильно сделанный выбор обеспечивает внутреннюю гармонию, душевный комфорт, ощущение своего места в этой жизни [1].

Знание системы мотивов выбора профессии у обучающихся позволит определить их дальнейшую учебную активность, позволит судить о субъективной значимости для них учебной деятельности, прогнозировать ее результативность на различных курсах, глубже понять их как объект профессионального обучения и воспитания.

Данной проблеме уделяется явно недостаточное внимание, необходимость выявления мотивов студентов не учитывается, не всегда ставится задача выявить их побуждения, проанализировать отношение к учебной деятельности, понять, какой личностный смысл они вкладывают в нее, во имя каких целей учатся. Об их отношении к учебе зачастую судят по оценкам, фиксирующим успеваемость по предметам, за которыми могут совершенно иные мотивы. Под мотивами выбора профессии следует понимать внутренние силы, побуждающие обучающихся ставить цели по овладению профессией и проявлять настойчивость по их достижению.

При изучении проблем профессионализации конкретного индивида необходимо исследовать «взращивание» человека в новую для него среду,

в определенное профессиональное сообщество. Проследить такое «взращивание» во всей полноте характеристик невозможно. Ведь жизнь – это не жестко обусловленная последовательность действий и форм поведения. У каждого студента есть (в разной степени осознанные) смыслы жизнедеятельности, стратегические схемы, которые содержат как личностный (индивидуальный) аспект, так и социально детерминированный. В обществе и его частях (в семье, ближайшем окружении) также существуют определенные схемы, включающие критерии успешности/неуспешности обучения, нормы и ценности, обязательные для человека определенного возраста, способы и формы достижения социально приветствуемых результатов. В процессе профессионализации все эти моменты находятся в постоянном взаимодействии, результаты которого интегрируются в представлениях студента о себе и своей профессиональной судьбе [2]. Многие проблемы профессионализации студентов-психологов рассмотрены в специальной литературе (Булынин, 1996; Головаха, 1988; Климов, 1997, 2003; Поваренков, 2002; Романова, 1992 и др.).

В настоящем исследовании предпринята попытка выявить представления о профессии, специфичные именно для студентов-психологов. В исследовании участвовали 57 студентов группы второго высшего образования 1 курса факультета психологии ЮФУ. Исследование проводилось и в группе студентов 1 курса дневного отделения, где приняли участие 90 человек в возрасте от 17 до 21 года.

Особенностью мотивов является то, что они напрямую не наблюдаемы и это создает трудности для их непосредственного познания. К особенностям мотивов относится возможность вербализации побуждения. Это предполагает обоснование студентами совершаемых действий, поступков. Для выявления мотивов выбора профессии студенты отвечали на первый пункт плана эссе: «Почему, по каким причинам я выбрал профессию психолога?».

Для выявления разных аспектов представлений о будущей профессии, использовались три последующие пункта эссе, в которых необходимо было описать: цели обучения данной профессии, достоинства и недостатки выбранной профессии, ПВК психолога.

Для выявления мотивов выбора профессии и представлений о будущей профессиональной деятельности использовались следующие методы: письменный опрос (эссе) и обработка текстов контент-анализом. Учебным группам давалось задание в рамках дисциплины «Введение в профессию»: «Запишите задание, которое необходимо будет выполнить вне учебное время. Внимательно выслушайте комментарии к нему, возникающие вопросы запоминайте и затем их задайте. Необходимо будет написать эссе на тему: «Мои представления об идеальном психологе».

План

1. Почему, по каким причинам я выбрал профессию психолога (Вы, отвечая на вопрос «почему?», описываете мотив выбора профессии, что побудило вас к такому выбору, что привело вас в психологию: книга, человек, случай)?
2. Зачем я хочу стать психологом (Зачем? То есть цель вашего обучения здесь)?
3. Достоинства и недостатки профессии (то, что вы пока еще не являетесь специалистами в области психологии, не означает, что вы не можете представить проблемы, трудности, с которыми, возможно, придется столкнуться специалисту данной области, а также перечислить достоинства).
4. Какими качествами необходимо обладать, чтобы стать профессиональным психологом (здесь вы составите психограмму – документ, содержащий список профессионально важных качеств. Описываете психологический портрет «успешного психолога»)?

Пояснения к заданию

1. Обязательно раскрыть все 4 пункта (отсутствие какого-либо из пунктов – причина, по которой может быть снижена оценка).
2. Можно менять последовательность пунктов. Можно добавлять свои пункты, какие считаете нужными, тогда их необходимо будет дописать в план эссе.

3. Можно пользоваться литературой, тогда ее необходимо будет указать в конце эссе, в списке литературы. Желательно ограничиться своим мнением, своими представлениями по каждому из вопросов.

4. Объем текста – не абзац и не 25 страниц. Важно одно – все 4 пункта должны быть раскрыты. Это один из содержательных критериев оценивания вашей работы.

В общей сложности первокурсники упомянули 215 мотивировок, которые в результате контент-анализа были условно разделены на 5 категорий (типов): 1) профессиональные, 2) «меркантильные», 3) социальные, 4) инфантильные, 5) случайные (реально действующие, но не связанные со сферой будущей профессиональной деятельности). Пять категорий (типов) мотивов послужили основанием для распределения и объединения отдельных высказываний респондентов, с целью выявления доминирующего типа мотива в группе студентов второго высшего образования.

Таблица 1

Мотивы выбора профессии «психолог» у группы студентов второго высшего образования 1 курса

Типы мотивов и их показатели
1. Профессиональные
1. Ценность профессионального мастерства.
2. Владеть навыками диагностики, анализа и коррекции психол. проблем.
3. Выработка индивидуального подхода к работе – 2 чел.
4. Высокая заинтересованность в результатах работы, моральное удовлетворение от ее выполнения. Получение удовлетворенности от осознания пользы своей работы – 6 чел.
5. Желание связать свой жизненный путь именно с этой сферой деятельности.
6. Обладание профессионально важными качествами, по мнению других людей – 3 чел.
7. Способности с детства (талант рассказчика, создать особую атмосферу и др.
8. Интерес 17 чел.
9. Желание видеть и понимать причинно-следственные связи явлений – 3 чел.
10. Профессиональный рост – 4 чел.
11. Недостаточность, нехватка знаний, их поверхностность и обобщенность; потребность в психологическом знании – 7 чел.
12. Быть высококлассным специалистом, «держать марку».
13. Психология – неотъемлемая часть моей жизни, предназначение, стиль, образ жизни – 3 чел.
14. Готовность, потребность, «созрела» для психологического образования.
15. Призвание, судьба – 2 чел.
16. Получение психологических зун – 3 чел.
17. Внести свой вклад в науку, что-то новое, свое – 2 чел.
18. Стать специалистом в области практической психологии, хочу быть психологом в организации/предприятии – 2 чел.
Итого: 60

2. Социальные (альтруистические)
1. Помощь в решении проблем, связанных с миром переживаний человека. 2. Готовность к любым трудностям в профессии. 3. Помощь людям – 18 чел 4. Интерес к людям. Люблю общение. Общение с людьми – 6 чел. 5. Понять людей – 4 чел.
Итого: 30
3. Случайные
1. «Не лежит душа» к первой профессии – 3 чел. 2. Пережитая депрессия, горе, ситуация – 3 чел. 3. Прочитанные книги по психологии – 7 чел. 4. Школьный спецкурс «Психология» – 3 чел. 5. Лекции по психологии в колледже. 6. Психолог (мама – 2 чел) неординарный, умеющий заинтересовать – 3 чел.
Итого: 20
4. «Меркантильные»
1. Психология поможет сориентироваться в мире разных людей – 2 чел. 2. Знание психологии необходимо в житейских ситуациях – 4 чел. 3. Возможность приобрести навыки самоанализа, рефлексии собственных действий. 4. Перспектива экономической и социальной выгоды. 5. Получение благ при оказании услуг. 6. Высокий заработок (гонорары) – 5 чел. 7. Карьерный рост (практикующий психолог бизнес-тренер, PR-специалист). 8. Огромное количество вариантов трудоустройства (связанного с бизнесом и сферой услуг). 9. Стремление к самосовершенствованию, самораскрытию, самореализации – 10 чел. 10. Популярность, востребованность профессии, престижная, модная профессия – 11 чел. 11. Помощь себе – 6 чел. 12. Повезло – профессия совпала с хобби – 3 чел. 13. Познание себя и др. – 13 чел. 14. Возможность личностного роста – 4 чел. 15. Найти ответы на свои вопросы – 5 чел. 16. Научится управлять своей жизнью – 3 чел. 17. Психология как фундамент для любой др. профессии – 2 чел, юриспруденция и психология взаимодополняют и обогащают друг друга – 1 чел; психология как значительный плюс к профессии – 1 чел. 18. Обрести душевное комфортное состояние и равновесие; жить в гармонии с окружающим миром – 2 чел. 19. Разбираться в людях, ситуациях – 3 чел. 20. Компенсировать то, что недополучено в детстве (груз страхов, обид, несбывшихся надежд, мечтаний). 21. Получение диплома. 22. Понять себя – 4 чел. 23. Поиск себя, обрести себя, «найти себя в этой жизни» – 4 чел.
Итого: 90
5. Инфантильные
1. Профессия окружена ореолом загадочности, причастности к таинству человеческого бытия – 3 чел. 2. Мечта с детства. 3. Мой мечтательный характер, ранимый, впечатлительный – 2 чел. 4. «Насколько видеть человека». 5. «Выбор по велению сердца». 6. Психология как волшебная палочка. 7. Обрести душевный покой, ощутить состояние полноценного счастья для себя самого – 2 чел. 8. Сделать счастливыми и жизнерадостными людей – 4 чел.
Итого: 15

У студентов первокурсников группы второго высшего образования (таб. 1) мотивация выбора профессии характеризуется ярко выраженным интересом к науке психологии и к профессии психолога. Превалируют меркантильные (42 %), профессиональные (28 %) и социальные (14 %) мотивы. Среди «меркантильных» мотивов наиболее сильно выражены категории «разобраться в себе», «помочь себе», «возможность личностного роста», а также выражены «престиж», «карьера», «деньги». Сравнительно невысока доля случайных (9 %) и инфантильных (7 %) мотивов.

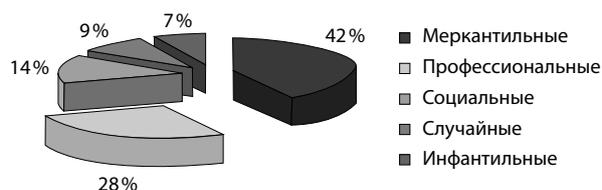

Рисунок 1. Распределение мотивов выбора профессии студентов-психологов 1 курса группы второго высшего образования

Общий анализ материалов (эссе) показал, что первокурсники группы второго высшего образования по сравнению с первокурсниками дневного обучения имеют гораздо более адекватные представления о своей будущей профессиональной работе. Им известны сферы возможной деятельности, потребности рынка труда, условия оплаты, типичные трудности. Представления студентов о своей второй профессии более приближены к профессиональным реалиям, что проявляется в малом проценте инфантильных и нереалистичных «домыслов» о специфике работы. Когда у студентов 1-го курса дневного обучения нами обнаружен искаженный образ деятельности психолога-профессионала. Нереалистичность их представлений проявляется в незнании конкретных сфер профессионально-психологической деятельности, а также в идеализации профессии.

Таким образом, основным фактором успешной динамики профессионализации является принятие действительности – готовность к профессиональной самореализации в имеющихся жизненных условиях.

Мотивация является ядром личности, стержневым определяющим компонентом, внутренней движущей силой деятельности. Мотивация выбора профессии определяет дальнейшую учебную активность студентов, их настойчивость и усердие в овладении учебным материалом. Поэтому отсутствие целенаправленного развития и формирования мотивации студентов может привести к издержкам

в учебной работе, к отсутствию интереса к будущей профессиональной деятельности. Возникает необходимость специального изучения вопросов выбора абитуриентами профессии «психолог». При одной и той же цели – поступление в вуз, мотивы ее достижения могут быть разными, например: ради престижа, чтобы не расстроить родителей и продолжить семейную традицию, чтобы не пойти в армию и прочее.

Мотивы для дальнейшего профессионального развития также будут различны: для одних студентов учеба будет ступенькой к овладению новыми знания-

ми по привлекательной специальности, для других – промелькнут, не оставив ощутимого следа, так как их мотивы были чисто внешними, проходящими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронова Т.Б. Актуальные проблемы профессионального самоопределения студентов-психологов // Психология в вузе. – 2005. – № 3, С. 31–42.
2. Фокин В.А. Об особенностях профессионализации студентов-психологов // Вестник МГУ. – 2005. – Серия 14. – № 2. – С. 33–44.

РОЛЬ ОПТИМИЗМА И АКТИВНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МЕНЕДЖЕРОВ ПО ПРОДАЖАМ

Шипитько О.Ю.

В статье рассматриваются социально – психологические подходы к пониманию оптимизма и активности личности. Предложены результаты эмпирического изучения оптимизма и активности успешно самореализующихся менеджеров по продажам. Приводятся выводы и практические рекомендации на основе проведенного исследования. В статье также намечаются перспективные направления, дальнейшего изучения проблемы профессиональной самореализации менеджеров по продажам.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, профессиональная культура, самореализация, успешность, оптимизм, активность, менеджер, продажи.

Среди многообразных видов социальной деятельности человека особое место занимает профессиональная деятельность. Личность как субъект деятельности большую часть своей жизни посвящает профессиональному виду труда как главному направлению в становлении сущности человека. Поэтому изучение проблемы профессиональной самореализации личности обусловлено высокой социальной значимостью. Непрерывное развитие общества требует пересмотра стандартных подходов к пониманию профессиональной самореализации и насыщения этого феномена новым содержанием. Это происходит на основании расширения понятий «оптимизма» и «активности», которые выражаются в индивидуальном характере реакций и способах взаимодействия с внешним миром. В этой связи возрастает интерес к изучению психологических особенностей деятельности менеджеров по продажам. Специфика данной профессии предполагает наличие ежедневных контактов с внешней средой организации. На первый план выдвигаются вопросы построения оптимального управления продажами, как развивающейся системы, при учете личностного саморазвития. Для современной психологической науки представляет интерес преломление проблематики развития управленческих кадров, к числу которых относятся менеджеры по продажам. Особенно важны психологические аспекты деятельности данных специалистов, поскольку их профессиональная успешность во многом зависит от уровня развития целого ряда социально-психологических компетенций и их личностной зрелости. Оптимизм и активность необходимы представителям так называемых коммуникативных профессий, к числу

которых относятся и менеджеры по продажам. Указанная проблематика активно изучается в рамках психологии менеджмента, основу которого составляют разработки многих научных дисциплин: философии, истории, социологии, психологии труда, медицинской психологии, социальной психологии, менеджмента и т. д.

Оптимизм характеризует систему представлений о мире с точки зрения выраженного в ней позитивного отношения к сущему, и положительных ожиданий от будущего [4]. «Оптимисты», как правило, экстравертированы, доброжелательны и открыты для общения. Для противоположной категории людей, свойственны сомнения в своих силах, ожидание неудачи, а также стремление избегать широких контактов. В свою очередь, общая активность объединяется группой личностных качеств, которая включает в себя внутренние потребности индивида и тенденции к освоению внешней действительности [5]. Под активностью в данном контексте понимается энергичность, жизнерадостность и склонность к риску. Пассивность, напротив, проявляется в тревожности, боязливости и неуверенности в себе. По мнению отечественных психологов (В.П. Зинченко, Б.Г. Ананьев, В.Д. Небылицын, А.В. Брушлинский, Б.Г. Мещерякова и др.), наличие указанных качеств позволяет развивать креативность и гибкость мышления, социальную смелость и эмоциональное лидерство. Вместе с тем, оптимизм и активность менеджеров по продажам, способствует формированию оптимальной профессиональной культуры. Профессиональная культура менеджера по продажам, являясь обобщенным показателем личностно-профессиональной компетентности

в области менеджмента и продаж, определяет наиболее продуктивные способы выполнения профессиональной деятельности. Это отражается в гуманистической направленности личности и проявляется во внутреннем (культура мышления, эмоциональная культура, культура рефлексии) и внешнем (культура общения, культура проявления эмоций, культура поведения, культура профессиональной деятельности, культура внешнего вида) плане, определяя отношение специалиста к труду, основываясь на понимании ее значимости как государственной, общественной и личностной ценностях. Поведение менеджеров в учреждениях, в ходе деловых встреч и в различных жизненных ситуациях, должно характеризоваться высокой личной культурой [2]. Это предопределяет не только эффективную деятельность организации, но и профессиональное развитие личности. Известно, что высокая профессиональная культура влияет на организационный оптимизм и направляет активность человека в нужное русло. Каждая организация уникальна, она имеет свою индивидуальность. И в этом смысле она подвержена смене эмоциональных состояний, в обиходе называемых настроением: от радостного энтузиазма до апатии. Настроения задают эмоциональный тонус организации, который существенно сказывается на работе. Если он высок, то побуждает сотрудников исполнять функции на высшем уровне возможного и даже за рамками своих прямых обязанностей.

Понимание профессиональной самореализации, как результата изменения социальной реальности, базирующейся на факторах социального оптимизма и активности, тем самым способствуя повышению уровня саморазвития, находит отражение в концепции конструкционизма (П. Бергер, Т. Лукман [7]). В настоящее время такой подход является наиболее актуальным, ясно указывая на бесконечные возможности профессионального развития. Продуктивным также является изучение профессиональной самореализации личности в контексте культурно-исторической концепции, так как выбор профессии и способы построения профессиональной карьеры во многом определяются социальными представлениями, ценностными ориентациями и эталонами современного общества [1]. Таким образом, феномен самореализации и его сущность напрямую, связаны с культурой современного мира, его ценностями и установками. Развитие предполагает формирование новых потребностей (вторичных, третичных и т. д.). Однако одними потребностями как первоисточниками самореализации нельзя объяснить примеры высшего развития способностей человека, как нельзя свести их к социальным факторам. Помимо активности и оптимизма, вытекающих из базовых

потребностей и направленных на адаптацию в конкретной профессиональной ситуации, существует надситуативная, или как ее называет В.А. Петровский [6], неадаптивная активность личности. Такая активность личности как субъекта деятельности является необходимой ступенью саморазвития. Неадаптивная активность индивидуальности перерождается в адаптивную активность по отношению к обществу тогда, когда созданные этой активностью в процессе самореализации нормы и ценности становятся нормами и ценностями соответствующей культуры [3]. Таким образом, обладая профессиональной активностью и оптимизмом, менеджеры способствуют стабилизации управленческого аппарата в области продаж и вносят изменения во внутреннюю среду организации. В результате они сохраняют управленческую систему и способствуют проявлению активности других участников управленческого процесса. В этой связи представляет интерес изучение оптимизма и активности успешно самореализующихся менеджеров по продажам. **Гипотеза исследования:** мы предполагаем, что успешная самореализация в профессиональной деятельности менеджеров по продажам, связана с их позитивным эмоциональным самочувствием (оптимизм, активность).

В эмпирическом исследовании приняли участие 240 респондентов (134 женщины и 106 мужчин) в возрасте от 23 до 50 лет. Выборку составили респонденты, имеющие высшее образование и занимающие должность менеджера по продажам в коммерческих организациях, целью которых является расширение рынка товаров и услуг, а также увеличение прибыли. Поэтому в обязанности таких менеджеров входит не только продажа предполагаемого товара, но и ведение деловых, телефонных переговоров, а также контроль и ведение клиентской базы. Особенности позитивного эмоционального самочувствия рассматривались на материале трех групп респондентов, дифференцированных по уровню выраженности профессиональной самореализации в деятельности. Однако, в данной статье, мы остановимся на рассмотрении оптимизма и активности участников исследования с высоким уровнем профессионального саморазвития (44 менеджера, средний возраст которых 36 лет).

Методами исследования выступили: тестирование (Опросник самоактуализирующейся личности Э. Шостром (САМОАЛ), модифицированный А.В. Лазукиным и Н.Ф. Калиной, измеряющий общий уровень самоактуализации. Шкала «Оценка оптимизма и активности личности менеджера» Н.Е. Водопьяновой, направлена на выявление личностных факторов, способствующих стрессоустойчивости); методы статистической обработки данных (линейная корреляция по Пирсону, применяется для измерения степени линейных связей между переменными).

Результаты, полученные в ходе соответствующих статистических процедур, позволяют утверждать, что успешность в профессиональной деятельности менеджеров по продажам взаимосвязана с их активностью ($r = 0,6$). При анализе корреляционных связей для всей выборки, обнаружена значимая отрицательная связь между условием самореализации «Взгляд на природу человека» и «Активностью» ($r = -0,4$). Полученные нами эмпирические данные являются достоверными ($p = 0,000001$). По другим показателям значимых взаимосвязей в группе не обнаружено.

Итак, успешно самореализующиеся менеджеры по продажам обладают разносторонними интересами, стремятся расширить свои знания в различных областях, тем самым понимая многообразную природу человека. Активность успешных менеджеров направлена не только на развитие в профессиональной деятельности, но и на совершенствование в целом, не связанное с наличием конкретных профессиональных потребностей, поэтому выявленная нами связь, отрицательная. Активность, как форма деятельности обладает содержанием, то есть целью, мотивацией и способами достижения желаемого, в этой связи профессиональная самореализация выступает результатом активности в данной сфере деятельности.

Результаты эмпирического изучения особенностей оптимизма и активности успешно самореали-

зующихся менеджеров целесообразно использовать на всех этапах отбора персонала. Перспективными направлениями дальнейшего исследования, могут стать психологические особенности самореализации менеджеров по продажам, с учетом позитивного эмоционального самочувствия, как фактора профессиональной самореализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 1.
2. Анопченко Т.Ю. Коммуникационный менеджмент. Этика и культура управления. – Ростов н/Д: Феникс, 2010.
3. Асмолов А.Г. Психология личности: учебник. – М.: Изд-во МГУ, 1990.
4. Большая советская энциклопедия / ред. О.Г. Дробницкий // Большая советская энциклопедия. URL: <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/084/672.htm>.
5. Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь / под. общ. ред. Б.Г. Мещерякова. – СПб.: Еврознак, 2004.
6. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М.: ТОО Горбунок, 1992.
7. Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы: научно-аналит. обзор – М.: ИНИОН, 1999.

Pushkin A.A.**It is frequency – phase influence of background activity of a brain of the human and animals on parametres of the evoked potentials**

Parametres of evoked potential (EP) are in essential dependence on parametres of background activity which is caused by dominating requirement of the person and animals. Researching of processes poststimulus plasticity is necessary for conducting with the obligatory account of a functional condition of the person and an animal and their character background EEG during stimulation.

Keywords: a frequency-phase parity, a theta-rhythm, an alpha-rhythm, an evoked potentials, an effect of plasticity.

REFERENCES

1. Guselnikov V.I. Elektrofiziolgija of a brain. – M: the Higher school. – 1976. – 423 p.
2. Kotljar E.I. Mechanism of formation of time communication. – M: the Moscow State University. – 1977. – 208 p.
3. Shulgina G.I. Bioelectric activity of a brain and a conditioned reflex. – M: the Science. – 1978. – 231 p.
4. Kuraev G.A. Functional asymmetry of a bark of a brain and training. – Rostov-on-Don: PГУ. – 1982. – 160 p.
5. Adey W.R. EEG studies of hippocampal system in the learning process // In: Physiologie de l'hippocampe. – Montpellier. – 1962. – P. 203.
6. Livanov M.H. The spatial organisation of processes of a brain. – M: the Science. – 1972. – 182 p.
7. Knipst I.N. Elektroentsefalotoposkopiya and a functional condition of a head brain / of I.N. Knipst, N.S. Kurova // Successes physiological sciences. – 1987. – C. 18. – № 3. – P. 17–38.
8. Granovsky R.M. Memory models. – L: the Science. – 1974. – 362 p.
9. Shevelev I.A. Identification of images on different distance from the centre of a look depending on a phase of alpha wave EEG / of I.A. Shevelev, V.M. Kamenkovich, N.B. Kosteljants, G.A. Sharaev // Touch systems. – 1988. – C. 2. – № 4. – P. 368.
10. Uolter G. the Live brain. – M: the World. – 1969. – 300 p.
11. Kleshchevnikova A.M. Sinaptichesky plasticity in hyppocamp at activation reproducing pattern of a teta-rhythm (teta-plasticity) // Z. Vyssh. nerv. – 1998. – T. 48. – № 1. – P. 3–17.
12. Rutman E.M. Caus potentials in psychology and psychophysiology. – M: the Science. – 1979. – 213 p.
13. Ivanitsky A.M. Brain mechanisms of an estimation of signals. – M: Medicine. – 1976. – 263 p.
14. Storozhuk V.M. Century of M. Neural mechanisms of training. – Kiev: Naukova Dumka. – 1986. – 263 p.

Dikiy I.S.**The dynamics of spacial-temporal distribution of event-related potentials components in various areas of brain cortex during false responses**

The results of research of event-related potentials components in various areas of brain cortex during performance the Guilty Knowledge Test by participants of research are presented in the article. The positive-negative-positive complex reflecting distinctions of amplitude in various areas of brain cortex at realisation of false and truthful responses is revealed.

Keywords: false responses, Guilty Knowledge Test (GKT), Event-related potential (ERP), amplitude, latency.

REFERENCES

1. Gruz'eva I.V. The formal-dynamic and style features of individuality as factors of probability of tool revealing of the hidden information: PhD Thesis: 19.00.01. – Moskow, 2006.
2. Dikiy I.S. Interrelation of informative attributes of lie detection in persons with the different psychophysiological and psychological features // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Social Science. – Rostov-on-Don, 2009. – V. 5. – P. 112–116.
3. Dikiy I.S. Informative signs of the instrumental detection of the hidden information among people with different types of the brain's interhemispheric functional asymmetry // Russian Psychological Journal. – 2009. – V. 6. – Issue 2. – P. 43–46.
4. Kireev M.V., Korotkov A.D., Pahomov S.V., Medvedev S.V. Research of brain's maintenance of conscious lie // The fourth international conference on cognitive science: Abstracts. June 22–26, 2010. – Tomsk: Tomsk State University, 2010. – V. 2. – P. 324–326.
5. Ogloblin S.I., Molchanov Y.A. Instrumental lie detection: The academic course. – Yaroslavl: Nuyans, 2004. – 264 p.
6. Holodnyy Y.I. The questioning with polygraph using and its natural-science bases // The criminalistics bulletin. – 2005. – V. 1. – Issue 13. – P. 39–48.
7. Ermakov P.N., Dikiy I.S. Vegetative reactions in participants of screening with different psychological and physiological features // International Journal of Psychophysiology. – 2010. – Vol. 77. – Issue 3. – P. 286.
8. Hamamoto Y., Hira S., Ohira H. Effects of recall facilitation on P300-based guilty knowledge test // International Journal of Psychophysiology. – 2010. – Vol. 77. – Issue 3. – P. 333.
9. Ki-Won Jang, Jang-Han Lee. The combination of P3-based GKT and reality monitoring in detecting deception // International Journal of Psychophysiology. – 2010. Vol. 77. – Issue 3. – P. 330.

10. Vrij A. Detecting Lies and Deceit: Pitfalls and Opportunities. – Chichester, England: John Wiley & Sons, Ltd., 2008. – 488 pp.

Dikaya L.A., Denisova I.A.
Comparative analysis of the functional organization of the cerebral cortex musicians and artists at the specific professionally creative activity

The results of research features of brain cortex interactions in highly creative subjects at different kinds of nonverbal creative activity are presented. Distinctions in character of coherent connections in subjects during creative problem solving for different frequency bands are revealed.

Key words: nonverbal creativity, EEG, coherence, frequency band.

REFERENCES

1. Bechtereva N.P., Nagornova Zh.V. Changes in EEG coherence during tests for nonverbal (Figurative) creativity // Human Physiology. – 2007. – T. 33. – № 5. – P. 5–13.
2. Vol'f N.V., Tarasova I.V., Razumnikova O.M. Sex differences in changes EEG coherence of frequency range in creative nonverbal thought: communication with the effectiveness of activity // Journal of higher nervous activity. – 2009. – T. 59. – № 4. – P. 429–436.
3. De Bono E. Serious creativity // The modern concept of talent and creativity / edited by D.B. Bogoiavlenskaia. – M.: Molodaya gvardiya, 1997. – P. 96–110.
4. Denisova I.A. Psychophysiological glance at creativity. Brain correlates of musical creativity // Messenger of LGU. – Spb., 2010. – T. 5. – № 4. – C. 99–108.
5. Dikaya L.A. Neurophysiological correlates of musical creative activity // Siberian psychological Journal. – Tomsk, 2010. – № 36. – P. 46–52.
6. Dikaya L.A. Modern psychophysiology and brain mechanisms of creativity // Russian psychological Journal. – Moscow, 2008. – T. 5. – № 4. – P. 65–70.
7. Razumnikova O.M. Individual characteristics of hemispher activity, which defines the success of solution of heuristic problem // Asymmetry (peer-reviewed scientific-practical Journal). – 2009. – T. 3. – № 1. – P. 37–50.
8. Razumnikova O.M., Vol'f N.V., Tarasova I.V. The strategy and the result: sex differences in EEG coherence of verbal and imaginative creativity // Human physiology. – 2009. – T. 35. – № 3. – P. 31–41.
9. Sviderskaya N.E., Taratynova G.V., Kozhedub R.G. EEG – correlates of changes strategy of processing of the information at visual imagination // Journal of higher nervous activity. – 2005. – T. 55. – № 5. – P. 624–632.
10. Starchenko M.G. Differences in power EEG at highly-creative and low-creative subjects // The fourth international conference of cognitive science: theses of the report. – Tomsk, on June 22–26, 2010 г. – Tomsk: TSU, 2010. – T. 2. – P. 537–538.
11. Tsitseroshin M.N., Simahin V.E., Zaitseva L.G. The formation of neurophysiological mechanisms of system organization heuristic interaction in the ontogenesis of the child: materials international conference «The physiology of human development», Moscow, on June 22–24, 2009 г. – M.: Verdina, 2009. – P. 115–116.
12. Carlsson I, Wendt P, Risberg J. On the neurobiology of creativity. Differences in frontal activity between high and low creative subjects // Neuropsychologia. – 2000. – 38: 873–85.
13. Fink A., Neubauer A.C. EEG alpha oscillations during the performance of verbal creativity tasks: differential effects of sex and verbal intelligence // Int J Psy-chophysiol. – 2006. – 62(1): 46–53.
14. Jausovec N., Jausovec K. EEG activity during the performance of complex mental problem // Int J Psychophysiology. – 2000. – 36 (1): 73–88.
15. Jung-Beeman M., Bowden E.M., Haberman J., Frymiare J.L., et al. Neural activity when people solve verbal problems with insight // PLoS Biology. – 2004. – № 4. – P. 0500–0510.
16. Martindale C., Hines D. Creativity and cortical activation during creative, intellectual and EEG feedback tasks // Biological Psychology. – 1975. – V. 3. – P. 71–80.
17. Petsche H. Approaches to verbal, visual and musical creativity by EEG coherence analysis // Int. J. Psychophysiology. – 1996. – 24 (2): 145–159.

Dikaya L.A., Shivareva S.Y.
Brain organization of functional connections in people, which are busy with science and literature professional activity, when they solve verbal creative tasks

The results of research of features of brain cortex interactions in subjects, when they solve verbal tasks are presented in the article. Distinctions in character of coherent connections in subjects, which are busy with science and literature activity are revealed

Keywords: EEG, coherence, frequency bands, science creation, literature creation.

REFERENCES

1. Bechtereva N., Starchenko M., Vorobiev V., Klucharev V., Medvtdev S. Investigation of brain organization of create // Psychophysiology of human. – 2000. – V. 26. – № 2. – P. 26–48.
2. Denisova I. Psychophysiological perspective on creative activity. Brain correlates of musical creative activity // Vestnik of SpbFU. – SPb., 2010. – V. 5. – № 4. – P. 99–107.

3. Dikaya L. Neuropsyziolodycal correlation of the musicale creative activity // Siberian psychology journal. – Tomsk, 2010. – № 3. – P. 46–52.
4. Razumnikova O.M., Bryzgalov A.O. Frequency-Spatial Organization of Brain Electrical Activity in Creative Verbal Thinking: Role of the Gender Factor // I.P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity. – 2005. – V. 55. – № 4. – P. 22–46.
5. Bazanova O.M., Mernaya E.M. Neurobiofeedback for optimal musical performance // Proceedings XV International conference on Neurocybernetics. Volume 2. Symposium "Brain-Computer" Interface, The Third International Symposium on Neuroinformatics and Neurocomputers. – Rostov-on-Don: SFU, 2009. – P. 38–40.
6. Boden M.A. Computer models of creativity // Handbook of Creativity. R.J. Sternberg (ed.). – Cambridge University Press, 1999. – P. 351–372.
7. Fink A., Neubauer A.C. EEG alpha oscillations during the performance of verbal creativity tasks: differential effects of sex and verbal intelligence // Int. J. Psychophysiology. – 2006. – № 62 (1). – P. 46–53.
8. Jung-Beeman M., Bowden E.M., Haberman J., Frymiare J.L., et al. Neural activity when people solve verbal problems with insight // PLoS Biology. – 2004. – № 4. – P. 0500–0510.
9. Petsche H. Approaches to verbal, visual and musical creativity by EEG coherence analysis // Int. J. Psyhophysiol. – 1996. – Vol. 24. – № 1–2. – P. 145–159.

Belokon I.A.

Diagnostics of labor motivation: focused on sense the approach to a problem

The Necessary stage in working out of methods of diagnostics of personal features in top of development of the person aspect consists, in allocation of the basic types of the semantic relations arising in the course of professional work. Allocation of such relations can form a basis for classification construction sense formation motives labor and professional work.

Keywords: motivation, motives-stimulus, sense formation motives, labor motivation, professional motivation, the purposes and activity means.

REFERENCES

1. 1. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. The person. – M.: MSU, 1972.
2. 2. Bozhovich L.I. The person and its formation at children's age. – SPb.: Peter, 2008.
3. 3. Kokurina I.G. Socially aspects of motivation of labor activity: The dissertation on degree the candidate of psychological sciences. – M.: MSU, 1984.
4. 4. Aseev V.G. Motivatsija of behavior and formation of the person. – M: Thought, 1976.

Khulapova A.A.

E.A. Bobrov: from the history of psychological science in Russia

The article deals with scientific activities of professor of major Russian universities E.A. Bobrov (1867–1933), a representative of the Russian leibnizianism. In the article are analyzed the psychological theory of critical individualism of Bobrov, the specificity of the psychological attitudes of the scientist, the originality of his scientific position in the context of the national history of psychology.

Keywords: leibnizianism, critical individualism, substance, personality, self-consciousness, being, existentialism.

REFERENCES

1. Bobrov E.A. Historical Introduction to Psychology. – Rostov-on-Don, 1916.
2. Bobrov E.A. On the concept of being. Doctrine G. Teichmüller and A.A. Kozlov. – Kazan, 1898.
3. Ivleva M.I. On the concept of being in the philosophy of E.A. Bobrov. // The history of Philosophy. – 1999. – № 4. – P. 199–206.
4. Kozlov A.A. Thoughts on some philosophical directions // Svoe Slovo. – SPb, 1898. – № 5. – P. 73–160.
5. Smirnov V. "Die with a mind". Professor of Don University // Don. – 1993. – № 8–9. – P. 253–256.
6. Tarasova M.N. From the history of science library at Rostov State University: the beginning // Book Publishing in the North Caucasus: History and Modernity. Collection of articles. – Vol. 4. – Part 1. – Krasnodar: KGUKI, 2007. – P. 25–52.
7. GARO F. R-46, Inv. 1. – P. 197.

Vasilieva O.S., Kalachinskaya O.A.

Motivational and semantic regulation – the major factor of formation of tolerance to activity in extreme conditions

Given article is devoted research of personal features of the military men who are in extreme conditions. It is shown that insufficient definiteness wide social motives in structure of valuable orientations of military men, narrows possibilities of their prompting to professional work and complicates social adaptation process. It is noticed that high level of psychological stability, presence of the realised and significant purposes at military men directly correlate with application of constructive strategy of behaviour. Correction of motivational and semantic sphere allows to raise tolerance of the person to activity in extreme conditions and to restore social health of the person.

Keywords: an extreme situation, motive, sense, tolerance, social health.

REFERENCES

1. Asmolov A.G. Psychology of the person: principles of the psychological analysis. – M.: Sense, 2001.
2. Belinskaja E.P., Tihomandritskaja O.A. Social psychology of the person: the manual. – M.: Aspect Press, 2001.
3. Kalachinskaja O.A., Grebenjuk O.S. Psychological rehabilitation of the military men who were taking part in operation on compulsion of Georgia to the world // The Bulletin of psychosocial correctional and rehabilitation work. – Moscow: The Publishing centre «Social health of Russia», 2009. – № 3.
4. Kalachinskaja O.A. Constructive strategy of behaviors, as a regulator of social health of the person // The North Caucasian psychological bulletin. – Rostov-on-Don: Publishing house RSU, 2008. – № 6/4.
5. Kalachinskaja O.A. Feature of formation of motivational structure of youth at the present stage // The Bulletin of psychosocial correctional and rehabilitation work. – Moscow: The Publishing centre «Social health of Russia», 2011. – № 1.
6. Smirnov B.A., Dolgoplova E.B. Psychology of activity in extreme situations. – H.: Publishing house the Humanitarian Center, 2007.
7. 09.02.2011. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y.aspx?Docsid=1581826>.
8. Muradov M. The suicide bomber was akin // For the attack in «domodedovo» arrested minors // Newspaper «Kommersant» UKRAINE no. 18 of 09.02.2011, WED // <http://www.kommersant.ua/doc.html?docid=1581882>.
9. Sedyh N. The social consequences of terrorism in the context of globalization processes of the present: avtoref. dis. biology candidate of philosophical sciences. – Rostov-on-Don, 2006.
10. Sedyh N. TO THE question of the influence of discursive practices of THE MEDIA on the formation of social notions of terrorism // The materials of anti-terrorist festival «Peace To The Caucasus». – Moscow CREDO, 2010.
11. Suicide bomber in Domodedovo promised to kill all // Became known last phrase suicide bomber from «domodedovo» // A single russian. URL: [HTTP://http://erportal.ru/about/text.shtml?18/1846,110918](http://erportal.ru/about/text.shtml?18/1846,110918).
12. A suicide bomber in Domodedovo accompanied brother // Single russian portal URL: <http://er-portal.ru/about/text.shtml?18/4948,110993>.
13. Stupidly used for more than young guys, who do not think // Online 09.02.2011 // URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=173a9394-55f1-433a-a26a-e299bd8ee63c&docsid=1582024>.

Sedikh N.S.

Features of the social representation in the printed and internet mass media of act of terrorism at the airport “domodedovo”

In article results of the analysis of a discourse of messages printing and the Internet of mass-media about act of terrorism at airport “Domodedovo” the Object of research – a way of structurization of statements in printing and the Internet – mass-media and others the Internet – resources which reflect features social representation and social marks of terrorist activity and the person of terrorists are resulted. In article the basic directions of the organization of information-psychological counteraction to terrorism also are designated.

Keywords: mass media, terrorism, act of terrorism, terrorist activity, social representations, the information, communications, influence, social marks, discourse.

REFERENCES

1. Bobchinsky WITH. For the act of terrorism in the «Domodedovo» detained children // URL: <http://pda.utro.ru/articles/2011/02/09/955013.shtml>.
2. Wikipedia the free encyclopedia. URL: <http://ru.wikipedia.org/wik>.
3. Makarov D., Kuznetsov A. Дискурсология: problems and challenges of today // Universal database editions of russia and the cis countries. URL: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/12358157>, 2007.
4. Muradov M. The bombers were young // For the act of terrorism in Domodedovo arrested minors // Newspaper «Kommersant» № 22 (4563) from

Ivanov R.S.

Influence of individually-psychological features and psychopathological conditions of the person on possibility Revealings at it the hidden information by means of a polygraph

The author of the article conducts a brief review of reference materials regarding the influence of individually-psychological features and the psychopathological conditions of an individual on the likelihood of his revealing concealed information by means of a method of psychophysiological research with polygraph application.

Keywords: a polygraph, a lie detector, a polygraph test, the individually-psychological features, psychopathological conditions.

REFERENCES

1. Baskina N.F. feature of vegetative reactance at neuroses and neurosis similar schizophrenia forms (according to vascular and kozhno-galvanic reactions) // Psychoneurology Questions. Works of the state research psychoneurological institute of V.M. Bekhterev. – 1959. – T. XVIII.
2. Kalliner S.S. dynamics of a kozhno-galvanic reflex at patients with a sharp craniocerebral trauma of a skull and a brain // Magazine of neuropathology and psychiatry of S.S. Korsakova. – 1960. – T. 60. – Release 5.

3. Kozlov I.S. methodological's goats aspects of application of interrogation with polygraph use in practice. Legal psychology. Scientifically-practical and an information publication. – M.: Izdatelskaja group «Lawyer», 2010. – Release 3/2010. – P. 2–6.
4. Criminalistics. The textbook / Under the editorship of Volynskogo A.F., Lavrova V.P. Zakon and the justice. – M., 2008. – 314 p.
5. Luria A.R. Diagnostics of affect traces. Psychology of emotions. Texts. – M: Pub. The Moscow State University, 1984.
6. Marjutina T.M., Yermolaev O.JU. Introduction in psychophysiology. The manual at the rate «The General and age psychophysiology». – M., 2004.
7. Technique on carrying out of psychophysiological researches with polygraph use in personnel work, operatively-search activity and criminal manufacture. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Academy of management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Bureau of special technical actions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – M., 2008. – P. 13.
8. Straumit A.J. Research of kozhno-galvanic reflexes at patients with the phenomena expressed cortex braking // Experimental researches in psychiatric and neurologic clinics. – L: Medical state publishing house, 1955.
9. The federal law from March, 13th, 1992 № 2506–1 «About operatively-search activity in the Russian Federation».
10. Kholodny Y.I. Interrogation with use of a polygraph and its is natural-scientific bases. A polygraph in Russia 1993–2008. The retrospective collection of scientific articles devoted to the 15 anniversary of application of a polygraph in the Russian Federation. – M., 2008.
11. Abrams S. The validity of the polygraph schizophrenics // J. of the American polygraph association. – 1974. – Vol. 3. – № 3.
12. Floch M. Limitation of the lie detector // J. crim. low and criminal. – 1950. – Vol. 40.
13. Lykken D. A study of anxiety in the sociopathic personality // Dissertation Abstracts. – 1955. – Vol. 16. – № 4.
14. Raskin D.C., Hare R.D. Psychopathy and detection of deception in a prison population // Psychophysiology. – 1978. – Vol. 15. – № 2.
15. Ruilmann C.J., Gulo M.J. Investigation of autonomic responses in psychopathic personalities // So. Med. J. – 1950. – Vol. 43.
16. Verschuere B. et al. Antisociality, underarousal, and the validity of the Concealed Information Poligraph Test // Biological psychology. Department of Psychology, Ghent University, Ghent, Belgium. – 2007.
17. William M. Waid, Martin T. Orne and Stuart K. Wilson. Effects of level of socialization on electrodermal detection of deception // Polygraph. – 1979. – Vol. 8.

Mihajjuk E.B.

Socially-psychological factors of formation victim behavior of minors

Article addresses to a problem of the socially-psychological factors determining victim behavior at teenage age. The problem urgency speaks growth of criminality and distribution of violence against children of this age category.

Keywords: a victim, victim behavior, aggression, violence, family education.

REFERENCES

1. Andronnicova O.O. The Basic characteristics of teenagers with self-damaging victim behavior // The Bulletin Tomsk state university. – 2009. – № 9.
2. Berdyshev I.S., Nechaeva M. Mediko-psychological consequences of cruel treatment in the children's environment. – SPb., 2005.
3. Kraig G. Psihologija of development. – SPb., 2000.
4. Mozhginsky J.B. Aggression of children and teenagers. Recognition, treatment, preventive maintenance. – M, 2006.
5. Poltarigin R.V. The River of Century Viktimologicheskyy aspects of criminality of minors. – M, 2002.
6. Polubinsky V., Sitkovsky A.L. Theoretical and practical bases criminal victim. – M., 2006.
7. Rudensky E.V. Cultural Urogeneticheskyy the concept socially-pedagogical victim persons of the teenager. – Novosibirsk, 2000.

Sarychev N.V., Volkov S.I.

Psychological and legal methods to counteraction to cyberattacks: domestic and foreign experience.

The Analysis of existing international policy and the right documents allows to assume, what exactly a complex campaign, considering, two concepts (restriction information aggressions, on the one hand, and psychological minimization its consequences – with another), is the most effective direction of work on regulation in sphere of an information antagonism and the counteraction organization to information extremism and terrorism.

Keywords: information security, information counteraction, cyberterrorism, cyberattacks, computer crimes.

REFERENCES

1. Panarin I. Information wars – the real factor of geopolitics. Systems of an information antagonism // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1224016740>

Berezin I.G.

Characteristics of the young people hurt by sexual abuse: their features and significance

The article is dedicated to the most important elements of the characteristics of young people, which became victims of sexual abuse, there is a classification of the groups of young people taking into consideration the place and way of committing crime.

Keywords: *personality of young person, classification of the groups of the young people, place and ways of committing crime, criminal situations.*

REFERENCES

1. Report of Chairman of Investigation Committee of Russian Federation A.I. Batrikina at the extended meeting of the panel «About work results of investigating authorities of Investigation Committee during the year of 2010 and tasks for the year of 2011» // Investigator. – 2011. – № 1. – P. 25–26.

Kudentsova S.N.

Didactic bases of the organization of the electronic account of progress in the conditions of medical HIGH SCHOOL

Considering bases of the electronic account of progress as the way of reception of the information on a qualitative condition of educational process, appears possibility to spend necessary updating and perfection of methods and forms of the organization of educational process in HIGH SCHOOL.

Keywords: *technologies of management, the software, a rating-control, automation of educational process, information-educational space.*

REFERENCES

1. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. The person. – M.: The Moscow State University, 1972.
2. Aseev V.G. Motivatsija of behavior and formation of the person. – M.: Thought, 1976.

Oleynikova A.M.

The study of “hidden positions” in the work of teaching staff

This article presents the results of studies on the method of «hidden position», ability to apply it in their teaching. Results from this study can identify those specific features of the teacher, which allows the application of the method of latent positions. The «hidden position» of the teacher, as a whole, is perhaps the only way to get results in those teaching situations where there are no other ways to exert the necessary influence or have to hide their intentions.

Keywords: *Method of «hidden position», the learning process.*

REFERENCES

1. Mandzhieva E.V. The phenomenon of «hidden control» in primary education // Management Psychology. – Elista: APP Djangar, 2010. – № 2 (23).
2. Sheinov V.P. Psychology of Influence: a hidden control, manipulation, and protection from them. – M.: Axis-89, 2002.
3. Volkov G.N. Pedagogy of national salvation. Selected Etnopedagogical compositions. – Elista: APP Djangar, 2003.

Shishkovskaya A.V.

Content of body image and particularities self-regulation of athletes of different sports specialization

The success of a professional athlete is associated with psychological conditions such as a proper understanding of their physical capabilities and the ability to self-regulation their mental and physiological state. This article describes a study aimed at studying the content of body image athletes and not an athletes in connection with their features of self-regulation and personality.

Keywords: *psychological support to athletes, psychological self-regulation, style of arbitrary self-regulation, body image, content of body image.*

REFERENCES

1. Bykhovskaya I. «The human physicality» in the social and cultural space and time. – M., 1997. – 212 p.
2. Konopkin O., Morosanova V. Stylistic features of self-regulation activities // Psychological Journal. – 1987. – № 3. – P. 18–26.
3. Morosanova V. Individual style of self-regulation: the phenomenon, the structure and function in any human activity. – M., 1998. – 380 p.
4. Privalova S.Yu. Personal aspects of self-regulation // Scientific Notes NSUEM. – 2007. – Issue 1.
5. Sandomirsky M. Psychological Self-Regulation (retri) in prelaunch athlete qualifications // Medicine and Sports. – 2004. – Vol. 10. – P. 25–32.
6. Ulyaeva L. Evaluation methods of bodyimage formation in dealing with taekwondo // Jubilee collection of scientific works of young scientists and students RGAFK. – M., 1998. – P. 192–197.

Samoilova G.V.

Motives of a choice of a trade «psychologist» at students of group of the second higher education

In the present research attempt to reveal motives of a choice and concept about the trades specific to students, receiving the second maximum psychological formation is undertaken.

As a result a content-analysis all motivations arbitrarily have been divided into 5 types of motives: professional, "mercantile", social, infantile, accidental. The comparative analysis of incentive motives concerning students of group of the second higher education and students-first-year students of day time branch was spent. Variation of a parity of motives of two groups was marked and analyzed.

Keywords: professional development, motives of a choice of the trade, dominating motivation, types of motives: professional, social, "mercantile", accidental, infantile.

REFERENCES

1. Mironov T.B. Actual of a problem of professional self-determination of students-psychologists // Psychology in high school. – 2005. – № 3. – С. 31–42.
2. Fokin V.A. About features of development by professionals of students-psychologists // the Bulletin of the Moscow State University. – 2005. – A set 142. – С. 33–44.

Shipitko O.Y.

The Role of optimism and activity in professional self-realization of managers on sales

Article summary: to article are considered socially – psychological approaches to understanding of optimism and activity of the person. Results of empirical studying

of optimism and activity of successfully self-realized managers on sales are offered. Conclusions and practical recommendations on the basis of the conducted research are resulted. Perspective directions also are outlined in article, the further studying of a problem of professional self-realization of managers on sales.

Keywords: professional work, professional culture, self-realization, success, optimism, activity, the manager, sales.

REFERENCES

1. Ananiev B.G. Selected psychological works: In 2 т. – М: Pedagogics, 1980. – Т. 1.
2. Anopchenko T.Y. Communication management. Ethics and culture of management. – Rostov n/D: the Phoenix, 2010.
3. Asmolov A.G. Psychology of the person: the textbook. – М: Moscow State University Publishing house, 1990.
4. The big Soviet encyclopedia / red. O.G. Drobnitsky // Big Soviet encyclopedia. URL: <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/084/672>.
5. Meshcherjakov B. Big psychological dictionary / Under. B.G. Meshcherjakova. – SPb.: an eurosign, 2004.
6. Petrovsky V.A. Psihologija of not adaptive activity. – М: Open Company Gorbunok, 1992.
7. Yakimova E.V. Social reality designing: socially-psychological approaches: nauch.-analit. The review. – М: The INION, 1999.

Белоконь Ирина Александровна

соискатель кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, ком. 218а, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 243-07-11;
E-mail: obpsihologia@yandex.ru

Березин Игорь Гарриевич

зам. руководителя Следственного управления Следственного комитета РФ по Ростовской области
Служебный адрес: ул. Береговая, 13/2, г. Ростов-на-Дону, 344082
Тел.: +7 (863) 227-01-37; *e-mail:* ucufu@org.ru

Васильева Ольга Семеновна

зав. кафедрой психологии здоровья и физической культуры факультета психологии ЮФУ, профессор, кандидат психол. наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, ком. 241, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-17; *e-mail:* valeo@psyf.rsu.ru

Волков Сергей Игоревич

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, ком. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 243-07-11;
E-mail: obpsihologia@yandex.ru

Денисова Ирина Анатольевна

старший лаборант кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, ком. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* limpopo-is@yandex.ru

Дикая Людмила Александровна

доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, ком. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* dikaya@sfedu.ru

Дикий Игорь Сергеевич

аспирант кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, ком. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* igordik@yandex.ru

Belokon Irina Aleksandrovna

The competitor of chair of the general psychology and development psychology Faculty of Psychology of the Southern Federal University
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 243-07-11; *e-mail:* obpsihologia@yandex.ru

Berezin Igor Garrievich

Deputy head of the administration of Investigation Committee of RF of Rostov region
Office address: 13/2, Beregovaya Ave., Rostov-on-Don, 344082, Russia
Tel.: +7 (863) 227-01-37; *e-mail:* ucufu@org.ru

Vassiljeva Olga Semenovna

The head of the department of health psychology and physical education of the psychological faculty of Southern federal university, professor, Candidate of Biological Science
Official address: b. 13, r. 240, M. Nagibina avenue, Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-17; *e-mail:* valeo@psyf.rsu.ru

Wolcov Sergey Igorevich

The post-graduate student of chair of the general psychology and psychology of development SFU
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 243-07-11; *e-mail:* obpsihologia@yandex.ru

Denisova Irina Anatolyevna

Senior laboratory assistant of Psychophysiology and Clinical Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* limpopo-is@yandex.ru

Dikaya Liudmila Alexandrovna

Ph.D. in Psychology, Associate Professor of Psychophysiology and Clinical Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University
Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* dikaya@sfedu.ru

Dikiy Igor Sergeevich

PhD student of 3rd study year of Psychology Faculty of Southern Federal University
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* igordik@yandex.ru

Иванов Роман Станиславович

преподаватель кафедры юридической психологии и военной психологии факультета психологии ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет», полиграфолог
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 246-89-45; *e-mail:* skadl@bk.ru

Калачинская Ольга Андреевна

офицер-психолог в/ч 71430
Служебный адрес: ул. Тимошенко 18, г. Ростов-на-Дону, 344000
Тел.: +7 (863) 206-02-75;
E-mail: Kalachinska9i@yandex.ru

Куденцова Светлана Николаевна

зам. декана, старший преподаватель кафедры медицинской информатики Московского государственного медико-стоматологического университета
Служебный адрес: ул. Делегатская, 20, стр. 1, г. Москва, 127473
Тел.: +7 (495) 684-46-73; *e-mail:* kudentsova@mail.ru

Михайлюк Елена Борисовна

доцент кафедры юридической психологии и военной психологии, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 246-89-45; *e-mail:* milena1108@mail.ru

Олейникова Анна Михайловна

преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, ком. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 243-07-11; *e-mail:* vetkina-anna@mail.ru

Пушкин Артем Андреевич

младший научный сотрудник НИИ нейрокибернетики им. А.Б. Когана ЮФУ
Служебный адрес: пр. Стачки, 194/1, г. Ростов-на-Дону, 344090
Тел.: +7 (863) 243-32-67;
E-mail: artyompushkin@yandex.ru

Самойлова Галина Владимировна

преподаватель кафедры психологии управления и акмеологии факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, ком. 237, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* Gala-Teya@bk.ru

Ivanov Roman Stanislavovich

A lecturer of the legal and military psychology chair, the faculty of Psychology at The Federal State Educational Establishment «Southern Russia Federal University», a polygraph specialist
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Tel.: +7 (863) 246-89-45; *e-mail:* skadl@bk.ru

Kalachinskaya Olga Andreevna

The competitor of Southern federal university, the officer-psychologist m/u 71430
Office address: b. 18, Timoshenko Ave., Rostov-on-Don, 344000, Russia
Tel.: +7 (863) 206-02-75;
E-mail: Kalachinska9i@yandex.ru

Koudentsova Svetlana Nikolaevna

The deputy dean, senior teacher of the department of the medical informational technologies of Moscow State Medical and Stomatological University
Official address: 20, b. 1, Delegatskaya Ave., Moscow, 127473, Russia
Tel.: +7 (495) 684-46-73; *e-mail:* kudentsova@mail.ru

Mihajljuk Elena Borisovna

The candidate of psychological sciences, the senior lecturer of chair of legal psychology and military psychology
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-57; *e-mail:* milena1108@mail.ru

Oleynikova Anna Michailovna

The teacher, the post-graduate student of chair of the general psychology and psychology of development SFU
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 243-07-11; *e-mail:* vetkina-anna@mail.ru

Pushkin Artyom Andreevich

A.B. Kogan Research Institute for Neurocybernetics
Office address: b. 194/1, Stachka Ave., Rostov-on-Don, 344090, Russia
Tel.: +7 (863) 243-32-67;
E-mail: artyompushkin@yandex.ru

Samoilova Galina Vladimirovna

The candidate of psychological sciences, the teacher of faculty «Psychologies of management and akmeologi», faculty of psychology SFU
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* Gala-Teya@bk.ru

Сарычев Николай Владимирович

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, ком. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 243-07-11; *e-mail:* obspsihologia@yandex.ru

Седых Наталья Сергеевна

доцент кафедры психологии управления и акмеологии факультета психологии ЮФУ, кандидат философских наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, ком. 237, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-47;
E-mail: natalja.sedix@yandex.ru

Хулапова Анна Александровна

педагог-психолог Дворца творчества детей и молодежи
Служебный адрес: ул. Б. Садовая, 55, г. Ростов-на-Дону, 344002
Тел.: +7 (863) 240-25-95;
E-mail: khulapova@yandex.ru

Шиварева Светлана Юрьевна

аспирантка кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, ком. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-37;
E-mail: psyphysio@psyf.rsy.ru

Шипитько Олеся Юрьевна

аспирантка кафедры психологии управления и акмеологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, ком. 237, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* lavnes@mail.ru

Шишковская Анна Викторовна

аспирантка кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, ком. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 243-07-11; *e-mail:* annekcia@yandex.ru

Sarychev Nikolay Vladimirovich

The post-graduate student of chair of the general psychology and psychology of development SFU
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 243-07-11; *e-mail:* obspsihologia@yandex.ru

Sedikh Natalia Sergeevna

The candidate of philosopher. sciences, assistant professor of faculty «Psychologies of management and akmeologi», faculty of psychology SFU
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-47;
E-mail: natalja.sedix@yandex.ru

Khulapova Anna Aleksandrovna

The four-year postgraduate student of the Faculty of Psychology of Southern Federal University, the chair of General Psychology and the Psychology of Development. Educational psychologist. Dvoretz Tvorchestva Detei i Molodezhi of Rostov-on-Don
Official address: b. 55, B. Sadovaya Ave., Rostov-on-Don, 344002, Russia
Tel.: +7 (863) 240-25-95; *e-mail:* khulapova@yandex.ru

Shivareva Svetlana Yur`evna

2-nd year PhD student of Psychophysiology and Clinical Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* psyphysio@psyf.rsy.ru

Shipitko Olesya Y.

The post-graduate student of chair of the general psychology and psychology of development SFU
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 243-07-11; *e-mail:* lavnes@mail.ru

Shishkovskaya Anna Viktorovna

Postgraduate student Department of General Psychology Faculty of Psychology of the Southern Federal University
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 243-07-11; *e-mail:* annekcia@yandex.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном и электронном вариантах в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять на дискете отдельными файлами в формате TIF или PDF с распечатками и перечнем подрисовочных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются **аннотация и ключевые слова** объемом не более 0,5 стр., а также **сведения об авторе:**

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (email)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ, АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

Статьи аспирантов печатаются бесплатно.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 243, редакция
Тел. (863) 243-15-17; E-mail: rpj@psyf.rsu.ru, rpj@bk.ru

Часы работы

понедельник – пятница 13.00-18.00

суббота, воскресенье – выходной